

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БЕЛАРУСЬ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
РОССИЯ

ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография посвящена культовым камням Беларуси, Латвии, Литвы и России. Помещенные в сборнике исследования, находящиеся на стыке сразу нескольких дисциплин (археология, фольклористика, география, археоастрономия и др.), раскрывают различные аспекты этой специфической и интересной темы, давая достаточно полное представление о современном состоянии науки в области изучения культовых камней. В книге приведены каталоги памятников того или иного региона, упоминаются новые находки культовых камней, сделанные в последние годы.

Издание адресовано историкам, этнографам, археологам, краеведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей, религией и бытом народов Восточной Европы.

ISBN 978-5-93762-136-8

9 785937 621368

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БЕЛАРУСЬ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
РОССИЯ

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

БЕЛАРУСЬ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
РОССИЯ

Под общей редакцией В. Г. Мизина

Санкт-Петербург
2018

УДК 39
ББК 63.2
К18

Рецензенты:

Бельский С. В., к. и. н., Отдел археологии
Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Платонов Е. В., к. и. н., заведующий научной библиотекой
Государственного Эрмитажа

Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия,
Литва, Россия / Под общ. ред. В. Г. Мизина. — СПб.: ИЦ «Гумани-
тарная Академия», 2018. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-93762-136-8

Предлагаемая вниманию читателя коллективная монография посвящена культовым камням Беларуси, Латвии, Литвы и России. Помещенные в сборнике исследования, находящиеся на стыке сразу нескольких дисциплин (археология, фольклористика, география, археоастрономия и др.), раскрывают различные аспекты этой специфической и интересной темы, давая достаточно полное представление о современном состоянии науки в области изучения культовых камней. В книге приведены каталоги памятников того или иного региона, упоминаются новые находки культовых камней, сделанные в последние годы.

Издание адресовано историкам, этнографам, археологам, краеведам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей, религией и бытом народов Восточной Европы.

УДК 39
ББК 63.2

ISBN 978-5-93762-136-8

© Авторы, 2018
© Издательский Центр
«Гуманитарная Академия», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почитание и особое отношение к камням известно с глубокой древности и получило самое широкое распространение. Во многих странах и религиозных традициях известны культовые камни. Несмотря на внешнюю архаику, присвоение камням сакрального значения нельзя назвать традицией, присущей исключительно прошлому. В особом отношении человека с камнем есть определенная динамика: старые культы, связанные с камнями, порой забываются навсегда; при этом самым неожиданным образом, даже в наше время, возникают новые. Культовые камни являются не только памятниками истории, хранящими отголоски мировоззрения наших предков, но и неотъемлемыми элементами культурного ландшафта, в которых зачастую неразрывно сочетаются природные и рукотворные элементы. Изучение многовекового взаимодействия человека с камнем является достаточно специфической и сложной темой в современной науке, располагаясь на стыке этнографии, археологии, антропологии и ряда других дисциплин.

Самые первые научные публикации о культовых камнях в Восточной Европе появились еще в XIX в. Тогда же встал вопрос обобщения и систематизации собираемых сведений. Точкой отсчета в данном направлении можно назвать книгу «Божьи стопки» Максимилиана Баруха, опубликованную в 1907 г. в Варшаве. С той поры в разных странах Восточной Европы и бывшего СССР выходило достаточно большое количество работ, посвященных изучению почитаемых камней. Подавляющее большинство этих

публикаций были локально ориентированными и рассматривали отдельные районы, области, регионы и страны. Историки, археологи и краеведы составляли каталоги и перечни того или иного типа культовых камней на той или иной территории. Все эти труды, несомненно, внесли существенный вклад в общее представление о проблематике культовых камней в Восточной Европе.

Однако следует заметить, что на этом фоне практически не было попыток рассмотреть проблематику шире, и, за исключением рассматриваемых регионов (районов, областей, стран), авторы имели приблизительное представление о подобных объектах на смежных территориях. Отметим также, что наиболее полные и подробные исследования до 1980-х гг. проводились в Литве, Латвии, Эстонии, Беларуси, при этом в европейской части России эта тема до сих пор не получила должного развития. Несмотря на ряд опубликованных работ, территория европейской России во многом является «белым пятном» на карте распространения культовых камней. Таким образом, несмотря на многолетние исследования, все еще нет более-менее общей картины распространения культовых камней в пределах европейской части бывшего СССР. При этом никто из исследователей не сомневается в перспективности данного направления, поскольку практически каждый год выходят публикации о находках ранее неизвестных культовых камней. Становится очевидным, что решение вопроса о функциях и датировке тех или иных категорий культовых камней возможно только «при охвате всего наличного материала на широкой территории; одним из этапов решения общих задач будет сравнительная статистическая оценка материала отдельных регионов и областей (как географических, так и административных), что позволит локализовать материальные или фольклорные признаки данных объектов» (А. В. Курбатов).

На этом фоне идея составления обзорной работы по культовым камням европейской части бывшего СССР, кажется очевидной, но не менее очевидной представляется и сложность ее осуществления. Именно поэтому оптимальным решением явилось

объединение под одной обложкой работ коллектива авторов, так или иначе посвятивших свои труды изучению культовых камней. Подбор работ был обусловлен достаточно простыми и информативными критериями — здесь представлены обзорные работы, посвященные тому или иному региону или типу культовых камней, общей специфике почитания камней, а также исследования аспектов того или иного типа культовых камней на определенной территории. В предлагаемом вниманию читателя сборнике представлено несколько обзорных статей исследователей из Беларуси, Латвии, Литвы и России. В плане распространения культовых камней между этими регионами, без сомнения, существует определенная взаимосвязь.

Специфика распространения культовых камней рассматривается в двух плоскостях. С одной стороны, это общие обзорные работы (Беларусь, Латвия, Россия), раскрывающие тематический фон. С другой стороны, работы, в которых обобщаются и анализируются сведения о распространении такой категории памятников, как камни с углублениями, т. н. «чашечники» (Беларусь, Латвия, Литва, Россия). Отметим, что представленные в этой книге обзорные работы по камням с углублениями в Беларуси, Латвии, Литве и Ленинградской области России, дополняя ранее опубликованные работы А. Тваури по Эстонии (*Tvauri A. Cup-marked stones in Estonia, 1999*) и В. Матинолли по Финляндии (*Matinolli V. Suomen kuppikivet, 2012*), воссоздают полную картину распространения данного типа памятников в восточно-балтийском регионе.

Несмотря на то что данная коллективная работа далеко не всеобъемлюща и на карте еще остались нерассмотренные в плане культовых камней «белые пятна», представляется, что она также внесет вклад в составление еще более подробного каталога почитаемых камней европейской части России и сопредельных стран. Подобная работа является актуальной, поскольку позволит исследователям более детально ориентироваться в вопросах распространения, статистики, сходства и отличий того или иного типа культовых камней на той или иной территории.

Данная книга адресована в первую очередь историкам, этнографам, археологам, краеведам, всем тем, кто занимается изучением культовых камней. В этом ключе она может быть востребованной, поскольку в ней представлен определенный срез проблематики, ряд примеров фольклорных сюжетов, подходов к систематизации сведений, в т. ч. особенностей различных типов культовых камней. Все эти данные могут быть полезны при проведении дальнейших изысканий, например, в неохваченных данной работой регионах. В первую очередь это касается европейской части России, где могут быть выявлены как ранее неизвестные культовые камни, так и связанные с ними предания, аналогичные рассматриваемым авторами.

Вячеслав Мизин,
Санкт-Петербург, январь 2017 г.

САКРАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВАЛУНЫ БЕЛАРУСИ (общий обзор)

*А. К. Карабанов, В. Ф. Винокуров, Л. В. Дучиц,
Э. М. Зайковский, И. Е. Климкович*

На территории Беларуси с древнейших времен самые необычные и большие камни, как и везде, обожествлялись. До наших дней сохранились легенды о том, что камни растут и многие из них раньше были живыми существами, но за нарушение жизненных правил они были наказаны Богом и окаменели. Над некоторыми валунами или рядом с ними в последние столетия часто возводили часовни, а иногда и храмы. Еще и сегодня многим камням поклоняются на такие народные календарные праздники как Пасху, Юрья, Троицу, Илью и др.

Упоминания о необычных валунах на территории Беларуси встречаются в хрониках XVI в. (Борисовы камни в русле Западной Двины), документы XVII в. называют камни: Каповище, Божий Следок и др. В конце XVIII в. поиски сакральных валунов вели члены Румянцевского кружка. В середине XIX в. уже появляются публикации о культовых и исторических валунах. Например, археолог и этнограф А. Г. Киркор сообщал о камне с высеченной на нем «ногой Петра», который лежал на вершине Троицкой Горы в Минске, а также о камне-сапожнике Гомсин (Комсин) в местечке Куренец на территории современного Вилейского р-на Минской области [Киркор 1858, 169]. В 1864 г. культовые камни привлекли внимание художника Д. М. Струкова, участника экспедиции Императорского русского Географического общества, который зарисовал многие из таких памятников [Струков 2011]. В 1873 г. вместе со сбором информации о памятниках археологии по государственной программе целенаправленно собирались сведения о сакральных и исторических валунах. В конце XIX — начале XX в. сообщения о таких памятниках постоянно появлялись в периодических изданиях, как на русском, так и на польском

языках. Во второй половине 1920-х гг. на изучение культовых камней на территории Советской Белоруссии большое влияние оказало массовое краеведческое движение. Институтом белорусской культуры рассылались даже специальные анкеты по учету примечательных валунов [Мялешка 1929, 155–182; Дучиц 1995, 66–70]. На территории Западной Белоруссии, которая с 1921 по 1939 г. входила в состав Польши, придавалось большое значение учету и охране валунов [Sawicki 1929, 8–11; Szymielewicz 1937, 102–103; Halicka 1986, 55–64]. После репрессий 1930-х гг. и Второй мировой войны интерес к культовым камням был утрачен и начал возрождаться в основном в 1980-е и последующие годы, как в среде ученых, так и среди краеведов [Ляўкоў 1992; Зайцаў 2004, 64–73; Дучиц, Клімовіч 2011; Полацкі этнаграфічны 2011; Швед 2015, 72–76].

Геологи давно заметили, что валуны отличаются от состава местных пород, рядом с которыми они залегают. В XVIII в. появление камней в Европе связывали с космическими катастрофами, а именно с взрывами при столкновении неизвестных планет, которые распались, а их обломки попали на землю. Появление валунов объясняли и извержением вулканов на Луне. Но позже все-таки выяснили, что камни, которые встречаются на территории северной части Восточно-Европейской равнины, имеют такой же состав, как и породы в Фенноскандии. В результате многолетних исследований к концу XIX в. в научном мире была признана теория о ледниковом периоде и о том, что валуны имеют фенноскандинавское происхождение. Позже вдававok выяснилось, что каждый из трех ледников имел свой путь движения и область распространения. Для отдельных потоков были установлены и характерные типы пород.

В настоящее время в Беларуси 342 валуна, в том числе и их группы, объявлены памятниками природы республиканского и местного значения (URL: http://www.minpriroda.gov.by/ru/new_url_1100754902-ru/). Но, к сожалению, памятниками истории и культуры по состоянию на 2009 г. числятся только 20 камней [Дзяржаўны спіс 2009].

В Минске, в микрорайоне Уручье-2 на площади в 6,5 га в 1980-е гг. создан Парк камней, в котором экспонируется 2135 ледниковых валунов, собранных со всей Беларуси (ил. 1).

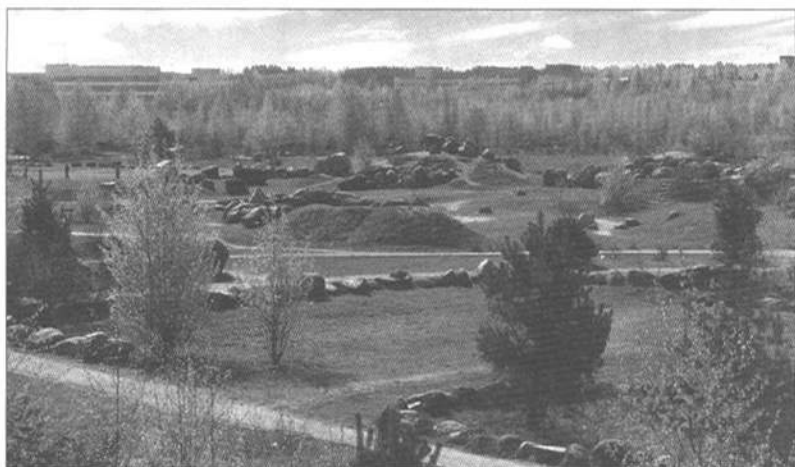

Ил. 1. Схема Парка камней в г. Минске, микрорайон Уручье
(сост. В. Ф. Винокуров)

Центральной частью парка является рельефная модель карты страны (4 га), выполненная в масштабе (1:100 вертикальный, 1:2500 горизонтальный). Насыпи отображают возвышенности, а дорожки — речную систему (ил. 2). Более 500 ледниковых валунов размещены на карте по географическому признаку (ил. 3). На территории парка расположены и другие тематические композиции: петрографическая коллекция, форма валунов, камень в жизни человека и др. [Ледавіковыя валуны 1993].

*Ил. 2. Фрагмент южной части Парка камней в г. Минске
(фото В. Ф. Винокурова)*

*Ил. 3. Фрагмент северной части Парка камней в г. Минске
(фото В. Ф. Винокурова)*

Камни-следовики (более 100)

Камни-следовики на территории Беларуси в основном небольших размеров (от 0,5 до 1,5 м) и находятся, как в низинах, так и на холмах, часто рядом с родником или ручьем. Следки углублены на 1–3 см и имеют размеры натуральных следов человека и животных. Обычно на камне один след, но изредка встречается два и даже три. Самые распространенные предания о том, что след оставили Богородица или Бог, которые спускались с неба, ходили по земле и помогали людям. Такие камни известны под названиями: След Божьей Матери, След Богородицы, След Святой Панны, Божий Следок, След Иисуса Христа, След Святого Николая, След Святого Антония и др. На некоторых камнях кроме подобных следов видны и небольшие высверленные ямки, которые в народе считаются углублением от трости христианских персонажей. Среди следов животных (более 10) встречаются следы коня, коровы, овечки, собаки, кота, зайца, оленя и др. [Дучыц 1996, 133–141].

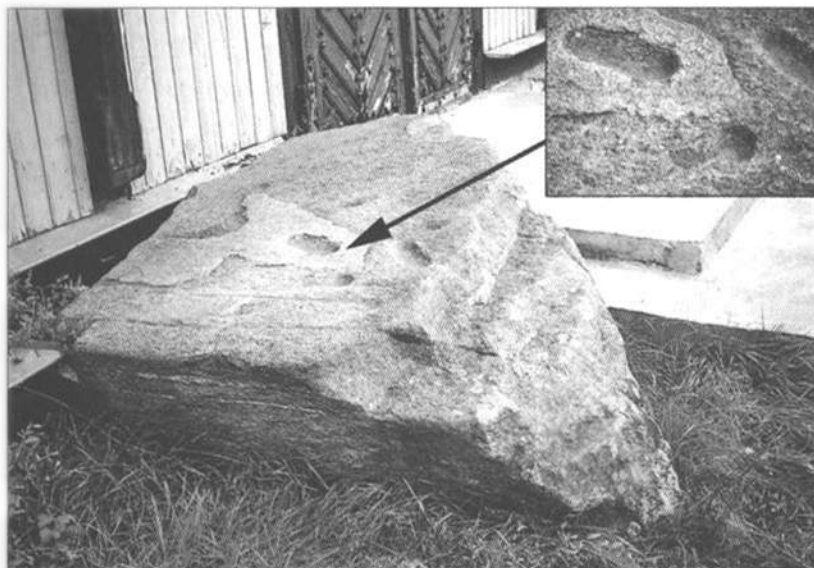
Уплотненный камень длиной в 1 м со следом Божьей Матери лежит на холме старинного кладбища возле д. Мальковичи Ганцевичского р-на Брестской обл. По преданию, в ручье под горой Богоматерь мыла ноги и потом на камне вытирала их [Арх. № 62]. Камень со следом Божьей Матери, по информации местных краеведов, находится на возвышенности среди болота вблизи д. Конюхи Берестовицкого р-на Гродненщины. Рассказывается, что было время, когда перестали верить в Бога, Бог рассердился и наслал потоп. Божья Матерь пожалела людей и отправилась в путешествие по земле. Так как повсюду была вода, Она шла по камням, которые выступали из воды. В результате, где ступала Ее нога, оставался след, а от тросточки — ямочка.

Подобное предание зафиксировано и про небольшой камень (0,7 м на 0,5 м), который лежал у д. Петровичи Смолевичского р-на Минской обл. Согласно рассказу, когда Богородица проходила по белорусским землям, то везде, где Она останавливалась отдохнуть, начинали пробиваться родники, а на камнях остались следы Ее ног и знаки от трости. Есть сведения о камне с двумя следками вблизи д. Кивачино невдалеке от Бреста. Тут якобы следы оставила Святая Дева, когда шла в Иерусалим с малым Христом на руках и отдыхала на камне. Считалось, что дождевая вода в следке

никогда не высыхает и помогает от лихорадки. На камне у д. Ставы Каменецкого р-на Брестчины, по мнению местных жителей, имеются отпечатки ног Божьей Матери и маленьких ножек младенца, а также след от трости. Предание говорит, что когда-то жнецы стали сетовать на отсутствие воды, и вдруг перед ними объявилась женщина и сказала: «Так вот же течет вода!» И все увидели родник. Женщина исчезла, но вблизи нашли камень с удивительными следками. Два следка было и на довольно большом камне (1,9 × 1,4 м; высотой 1,1 м) у д. Дятловичи (Пасынки) в Волковысском р-не Гродненщины. По преданию, там стояла Божья Матерь с младенцем на руках. На камне у д. Волковщина Миорского р-на Витебщины в урочище Бертовщина большой следок напоминает след босой ноги, а меньший — след в обуви с каблуком. Верят, что тут, спасаясь от царя Ирода, ребенком пробегал Христос. Большой след считается следом Христа, а меньший — следом Ирода.

На Святой Горе между деревнями Гудовичи и Верхлес Червенского р-на Минской обл. лежит камень с углублением, а возле него каменный крест и металлические кресты, а раньше была еще и часовня. За последнее столетие на горе образовалось сельское кладбище. След на камне называют след Божьей Матери или ступня Магдаленки. На камень и сегодня местные жители кладут деньги, фрукты и овощи, сладости, цветы. Согласно преданию, когда-то тут проходили три Богородицы. Одна из них повернула в Дудичи, другая — в Новосёлки, а третья, прежде чем идти в Ляды, отдыхала на камне и оставила след [Арх. № 18, № 126; Jelski 1890, 690]. На окраине д. Маяк (Дюрдево) возле Слуцка лежал большой камень, и рядом стоял деревянный крест. Считали, что на камне отдыхал Бог, и углубление осталось от Его локтя. Мох, который рос на камне, соскребали и готовили на его основе настойки от разных болезней. Особенно помогал камень от испуга и проклятий. Камню дарили колосья, хлеб, сыр, полотенца, полотно. В советские времена камень разбили, но его обломок тракторист привез в деревню, где он сохранился до нашего времени. В Копыльском р-не Минской обл. два камня-следовика связывают со следками Святого Николая (д. Грозово, д. Куцовщина). В Минске на Троицкой Горе еще в середине XIX в. помнили о камне со следом ноги Петра. Камень со следами Святого Антония лежит возле костела в д. Струбница Мостовского р-на на Гродненщине

(ил. 4). В день этого святого (13 июня) многие верующие стараются постоять в следках камня, которые, по их мнению, именно в этот день придают здоровье [Арх. № 153].

*Ил. 4. Камень со следами св. Антония в д. Струбница
Мостовского р-на Гродненской области
(фото Л. В. Дучиц)*

На некоторых камнях рядом со следками стопы человека указывают на следки от лап собаки и кота. В д. Великий Полсвиж Лепельского р-на Витебщины считается, что след на камне оставила Ева, а также Собака и Кот, которые бежали за ней. По преданиям, дождевая вода из всех этих следков помогает от головной боли, болезней глаз, бородавок, а также лечит животных. На камне между д. Сорoga и д. Волошево вблизи Слуцка видят также три следа: Божий и следы Собаки и Кота (ил. 5). В д. Старые Дороги Стародорожского р-на Минской обл. — след Божьей Матери и след Собаки. В д. Ситники Лепельского р-на на камне будто бы видны следы Овечки, Коровы и др. На памяти старых людей, когда-то к камню ходили женщины, отрывали от платка или рубахи нитку и клали на камень. Но с какой целью это делалось, сказать уже никто не берется.

*Ил. 5. Святой камень у д. Сороги Слуцкого р-на Минской области
(фото Л. В. Дучиц)*

*Ил. 6. Камень со следом Божьей Матери у д. Добрый Бор
Барановичского р-на Брестской области
(фото Л. В. Дучиц)*

Есть камни со следками оленя, коня, медведя, зайца. Некоторые следки приписывают мифологическим созданиям. Например, их называют: след Волота (Великана), Волотовны (Великанши), Асилка (Силача), след девушки по имени Лебедь.

Камни с отпечатками рук человека единичны. Например, камень с изображением ладони Божьей Матери находится в алтаре Свято-Успенского храма Жировицкого монастыря в Слонимском р-не Гродненской обл. По преданию, на этом камне произошло вторичное явление Божьей Матери (первое явление — икона на груше). Жировицкий камень считается лечебным и якобы помогает от всяких болезней. Вблизи этого монастыря, на холме между д. Добрый Бор и д. Подгорная Барановичского р-на лежит камень со следом Божьей Матери (ил. 6). Еще в недавние времена паломники, которые шли на поклонение чудотворной иконе в Жировицы, обязательно заходили поклониться Святому камню. В 2005 г. жители д. Подгорная вспоминали, как, на их памяти, к камню на лечение водили коров и овец [Арх. № 49]. Некоторые следки приписываются мифологическому персонажу — черту (более 5). След черта упоминается рядом со следом Медведя, а также со следом Божьей Матери.

Валуны — окаменевшие люди и животные (около 50)

Среди сюжетов преданий об окаменевших людях выделяются такие, где говорится про девушек и женщин, мужчин, целые семьи, участников свадеб, людей, наказанных за труд в праздник. В д. Радута возле г. п. Лынтупы в Поставском р-не Витебщины Адосин камень считается окаменевшей девушкой Адосей за то, что она жестоко обошлась с женихом. Адося приказала парню пройти вдоль и поперек болото Пурвины с бездонными окнами. Как его не отговаривали, но из-за большой любви он пошел и погиб. И даже теперь говорят, что ночью Антося выходит из камня, и кто ее встретит, того вскоре ожидает смерть [Гарбуль 2002, 41–43].

Широко распространены предания, где говорится, что в деревню пришел Бог (Христос) в облике старца — бродячего нищего — и попросился переночевать. Никто не хотел его пускать, и только

одна бедная вдова-солдатка с ребенком дала ему приют. Утром в доме появилось много еды и всякого добра. Но старец сказал идти за ним и не оглядываться. Когда они вышли за деревню, то сзади послышались шум и крики, женщина не удержалась и оглянулась. На месте деревни появилось озеро, а сама она за ослушивание превратилась в камень. Такие предания и сегодня можно услышать в д. Дубени Борисовского р-на Минской обл., д. Клепачи Слонимского р-на и д. Туличево Новогрудского р-на Гродненской обл.

Между д. Красники и д. Бояры вблизи истоков Вилии есть камень Степан, про который известно много преданий с различными сюжетами (ил. 7). Например, по одному из них, Степан был портным. Он очень любил красавицу Ульяну, но никак не мог ей признаться в этом. Долго он мучился и, наконец, на перекрестке дорог вызвал нечистую силу, и, чтобы покорить девушку, продал черту душу.

Ил. 7. Стёп-камень между д. Красники и д. Бояры
Докшицкого р-на Витебской области
(фото Д. Вайткевичене)

Нечистик обещал выполнить желание при условии, если Степан камнем разотрет свой крестик. Но как только Степан поднял руку с камнем, ударила молния, и он окаменел. Ульяна, когда узнала про это, прибежала, в отчаянии обняла камень и так горько заплакала, что из ее слез образовался родник и поплыл рекой. В память об Ульяне река получила название Вилия.

Известны и такие камни, как окаменевшие Волот, Князь, Гуд и Кумар. Например, про камни Гуд и Кумар возле д. Дулебы (Березинский р-н, Минская обл.) в XIX в. была записана легенда, согласно которой, в этой местности когда-то жил мирный народ Дулы под предводительством Кумара. Однажды на них напали люди, которыми командовал Гуд. Гуд вызвал Кумара на поединок и отсек ему голову. В ту же минуту оба окаменели. В народе считалось, что больший камень — это Гуд, а меньший — Кумар, а небольшой круглый камень между ними — голова Кумара [Татур 1878, 121–122].

Есть камни, в которые, по легенде, превратились Демьян и Марья, Мужик и Баба, окаменевшая деревня. На территории Беларуси известно не менее десяти окаменевших свадеб. Например, в д. Деречин Зельвенского р-на Гродненской области про группу из семи валунов предание рассказывает, что свадьба возвращалась из храма и по дороге встретила волшебника (колдуна), которого не поприветствовали должным образом. Волшебник обиделся, проклял свадьбу, и все ее участники окаменели. В д. Луни (Браславский р-н, Витебская обл.) свадьба ехала от венца и, когда проезжали по улице, то в окно выглянула какая-то старуха и прокляла свадьбу. Стало тихо-тихо, и свадебный кортеж преобразился в цепь валунов.

Во многих легендах говорится, что встречаются две свадьбы, одна едет от венца, а другая, наоборот, к венцу, и никто не хочет уступать дорогу. Начинается драка. Бог видит такое богохульное поведение и превращает всех в камни. В д. Каменка Новогрудского р-на при встрече свадеб начинают сражаться женихи и оба погибают. Будто бы в память о них и стоят два валуна [Дучыц і інш. 2006, 245–254].

Более двадцати камней считаются окаменевшими пахарями с волами за работу в праздничный день, обычно на Пасху или в день святых Бориса и Глеба (Иканы Борисовского р-на (ил. 8),

Ил. 8. Каменные Волы у д. Иканы Борисовского р-на Минской области (фото В. Ф. Винокурова)

Быковичи и Волы Березинского р-на Минской обл. (ил. 9); Гурины Мозырского р-на Гомельской обл. и др.). В Крупском р-не Минской области известны предания об окаменевших охотни-

Ил. 9. Каменные Волы у д. Волы Березинского р-на Минской области (фото И. Е. Климкович)

ках вместе с животными. Так, в д. Знаменка (Гибайловичи) на Пасху человек пошел на охоту с двумя собаками и убил медведя. В тот же момент сверкнула молния, и ударил гром. Охотник, собаки и медведь стали камнями. Про Горбатый камень между деревнями Селище и Заболотье рассказывают, что это окаменели три охотника, их собаки и убитый лось. Окаменевшим медведем считается и огромный камень вблизи д. Юхновка Докшицкого р-на Витебщины [Вінакураў і інш. 2004, 258–264].

Камни-краўцы (портные) и камни-шаўцы (сапожники)

Сюжеты преданий о необычных портных и сапожниках широко распространены в европейском фольклоре. В белорусской, литовской и латышской традициях такие мастера обычно живут в валунах, которые и называются камни-краўцы и камни-шаўцы. Камни с такими названиями чаще всего больших размеров и находятся в глухих заболоченных местах. Обычно в преданиях это окаменевшие дома портных и сапожников, которые окаменели в наказание за работу в праздник, за несоблюдение установленных правил жизни или за обиду [Дучыц 2008, 69–86].

Камней-портных на территории Беларуси зафиксировано тринадцать. Два из них, кроме названия Кравец имеют еще название Степан, два — Змеев камень и три — Чертов камень.

Про камень Степан в верховьях р. Вилии в одном из преданий говорится про то, как вечером люди клали на камень ткань и говорили: «Степан, сшей мне кафтан!», а утром на камне уже лежала готовая одежда. В качестве платы люди оставляли камню: хлеб, соль, лен. Все это собирала жена Степана Ульяна. Но однажды какой-то пьяный человек попросил у камня сшить ему «ни то, ни се». Портной обиделся, перестал шить и окаменел. Другой камень Степан находился возле д. Высокий Городец (Толочинский р-н, Витебская обл.). Это один из Борисовых камней, памятников эпиграфики XII в., который был взорван в конце 1930-х гг. и вывезен на строительство дороги Минск — Москва. Однако несколько фрагментов его сохранилось, но пока не идентифицированы. Предание про этот камень подобно предыдущему, только тут вместо персонажа «пьяный мужчина» фигурирует «какая-то женщина». Она также просит сшить ей «ни то, ни се». Утром одежда была на камне, но рукава оказались пришитыми не там, где нужно. После этого камень и вовсе перестал шить. В легендах сообщается, что когда-то камни стояли на четырех ногах.

В д. Гоголевка Чашникского р-на в качестве портного называют еще и Змея (ил. 10). Предание рассказывает, что портной, который жил в камне, шил на золотой машинке и заказы получал через окошко. Если люди просили сшить одежду, как он сможет, то портной выполнял заказ очень хорошо. Но если требовали сшить хорошо,

то мастер начинал сопротивляться и шил лишь бы как: рукава на поясе, карманы на плечах. За работу портной брал кур и петухов.

По другой легенде, камню носили еду и воду. Время от времени Змей мог перевоплощаться в красивого парня (панича). В таком образе он влюбился в девушку, которая жила за Лукомльским озером и пасла на лугу свиней. Он каждый день переправлялся к ней через озеро, иногда в виде радуги. Однажды Змей провел с девушкой целый день, а вечером, вместо того, чтобы уйти, прилег рядом с ней, положил голову ей на колени и сказал, что немного поспит, но просил разбудить его, если на небе появятся тучи. Вскоре действительно появились тучи, заблестели молнии, и началась гроза, но девушка не разбудила Змея. Вдруг ударил гром и убил его. Начался страшный ливень. Старые люди говорили, что необходимо закопать Змея, и тогда дождь прекратится. Змея закапывали несколько раз, но он каждый раз оказывался на поверхности, и дождь три дня не останавливался. Наконец вспомнили, что землю на могилу Змея должны возить малые дети в мешочках или стоптанных лаптях. Когда так сделали, дождь перестал, и появилось солнце.

Ил. 10. Змеев камень у д. Гоголевка Чашникского р-на Витебской области (фото И. Е. Климкович)

В д. Михалово Лепельского р-на верили, что в валуне под названием Сивой (седой) камень жил Змей, который шил одежду. Если говорили: «Сшей, пожалуйста, как сам знаешь!», — то он шил хорошо. А если требовали: «Сшей хорошо!», — то Змей какую-нибудь штуку откалывал [Валодзіна 2008, 87].

В некоторых преданиях также говорится, что к камню пришла женщина, положила ткань и заказала сшить «ни то, ни се». Тогда портной начал шить лишь бы как, и окошко с тех пор закрылось навсегда. Например, у д. Старый Погост Миорского р-на Витебской области в начале XX в. рассказывали про окно в камне, куда клали ткань и уточняли, что сшить, на следующий день находили уже сшитую одежду. Но однажды пришла какая-то лихая баба, положила в окно лопату навоза и приказала сшить ей обувь. Женщину сразу же скрутило, а окошко закрылось, и его больше никто не видел [В-т 1923, 46–47].

Камней-сапожников в Беларуси зафиксировано десять, но более подробная информация сохранилась только о восьми. Ареал распространения камней-сапожников охватывает в основном территорию Западной Беларуси, Литву, Восточную Латвию и юг Псковщины. В большинстве случаев в легендах в качестве сапожника представлен черт. Так же, как и в преданиях о камнях-портных, в камнях-сапожниках фигурирует одно окно, которое в мифологии воспринимается как граница между своим и чужим пространством.

Например, в деревнях Камень и Ратынцы Воложинского р-на Минской области (ил. 11) мастер, якобы живший в камнях, хорошо шил сапоги, но в них можно было ходить только на игрища, а в храме они сразу же разваливались. В местечке Куренец Вилейского р-на Минской области находится самый большой камень-сапожник (шавец), который зовут Гомсиным (Комсиным) камнем. Размеры этого камня — 5,9 × 4 м, высота 2 м. Рассказывают, что на Пасху, когда все пошли в церковь, сапожник Гомсин, который был философом, ни во что не верил и не ходил в церковь, сел шить сапоги. Вдруг на небе появилась большая туча, пошел дождь, и молния ударила в дом. Дом мгновенно сгорел, а на его месте объявился огромный валун. И теперь будто бы на Пасху, если наклониться к камню, можно услышать, как в середине поет петух, и стучит молоток сапожника [Киркор 1858, 179–180]. В 1935 г. валун был взорван, однако отдельные глыбы сохранились на месте, но высота их не более 1–1,2 м.

Ил. 11. Валун Чертов камень у д. Ратынцы Воложинского р-на Минской области (фото В. Ф. Винокурова)

Возле бывшей д. Доминово, недалеко от д. Паликшты Воложинского р-на Минской области про камень рассказывали, что в нем когда-то жил сапожник. Однажды перед Пасхой он всю неделю пил, а на сам праздник с самого утра сел шить. И шил до того времени, пока не стало заходить солнце, а потом вдруг окаменел.

Сакрализация камней, которые шьют, предания и поверья о них, наличие окошка, свидетельствует о том, что подобные валуны служили жертвенниками. Роль жрецов выполняли легендарные портные и сапожники, которым была поручена функция кройки и шитья, т. е. символическая функция творения и обновления Вселенной. Если проводить аналогии с мировыми мифами, то в данных легендах процесс образования космоса соотносится с процессом создания одежды. Окно связывается с миром космических явлений и процессов: с солнцем, луной, сторонами света. Через него осуществляется контакт представителей разных миров. Для камней-портных и камней-сапожников характерна оппозиция христианского и дохристианского (в обуви и одежде можно ходить на игрища, но они разваливаются в храме; мастер наказывается за работу на Пасху).

Чертовы камни (около 40)

Такие валуны называют: Чертов камень, Чертов След, Чертова Печка, Чертовы Жернова. Многие камни имеют параллельно и такие названия, как Божий камень, Камень-Кравец и др. Обычно Чертовы камни находятся в глухих болотистых местах, но встречаются и на возвышенностях. Сведения о них упоминаются в средневековых документах. Например, в «Литовской метрике» в 1582 г. называется Чертов камень со знаками вблизи д. Тарасово недалеко от Минска [Ляўкоў і інш. 1997, 151–156]. Самые распространенные сюжеты преданий о Чертовых камнях те, где говорится про черта, несущего валун с целью завалить двери храма или перегородить реку (озеро). Но внезапно запевший петух принуждает черта выронить камень. Предания о стремлении черта завалить камнем двери храма известны в деревнях Камень и Ратынцы Воложинского р-на Минской обл., Асташин Кореличского р-на Гродненской обл. Вблизи д. Нетечь Лидского р-на еще в начале XX столетия лежал Чертов камень. Легенда сообщала, что его нес Дьявол и хотел убить бискупа. Вдруг на Докудовском болоте запел петух, Дьявол (Черт) потерял силу и выпустил камень [Szymielewicz 1937, 103].

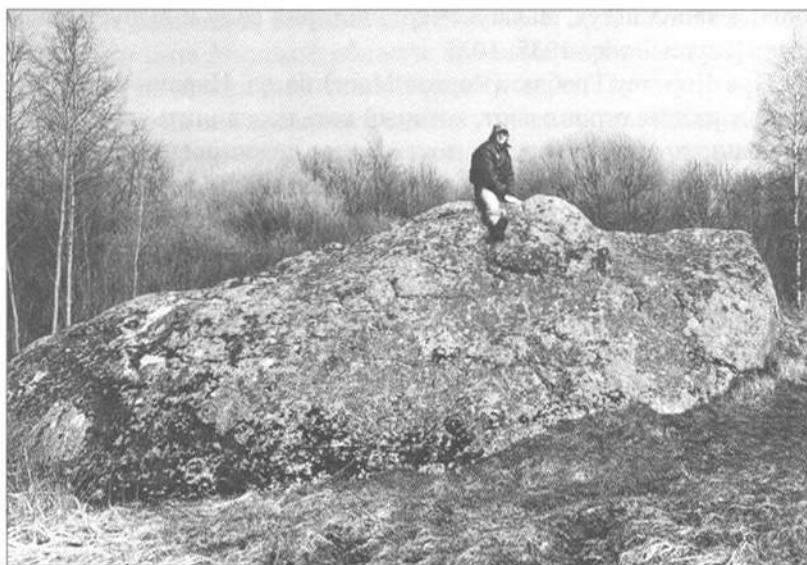
Про Чортаву Грэблю (Чертов Мост) на оз. Нарочь рассказывают, будто ее строил черт, который хотел соединить мостом две деревни, но пропел петух, и мост остался недостроенным. Подобные предания существуют про каменные гряды возле д. Данюшево на Вилии и д. Никольск на Немане [Киркор 1858, 179–180; Карабанаў і інш. 2011, 92, 170, 187].

С пением петуха связывается ряд Чертовых камней, возле которых музыканта встречают незнакомцы во фраках, заставляют его играть и танцевать. Обессиленного музыканта спасает пение петуха, незнакомцы исчезают. Именно пение петуха в мифологических системах ассоциируется с солнцем, жизненной силой, приходом нового дня.

Как уже упоминалось, с чертом связаны многие камни-портные и камни-сапожники. Так же, как отмечалось выше, следки на некоторых камнях приписываются черту. Иногда название Чертов след дублируется с названием след Медведя, Божий след.

*Ил. 12. Чертов камень у р. Оболянка рядом с д. Воронино
Сенненского р-на Витебской области*

*Ил. 13. Великий (Чертов) камень у д. Горки Шумилинского р-на
Витебской области (фото А. А. Вашкова)*

Выделяется легендарный сюжет, когда черти возле камня насмеялись над прохожими. Например, рассказ про камень-портной возле д. Воронино Сенненского р-на Витебской обл. (ил. 12). По одной из версий предания вблизи была корчма, и черти возле крыльца поджидали поздних посетителей, а потом всю ночь водили их по болоту. Утром те, раздетые, просыпались на камне. В д. Свериново Столбцовского р-на в Понеманье черт будто бы заманивал людей на камень и там морозил. Чертов, или Великий (большой) камень возле д. Горки Шумилинского р-на Витебской области будто бы все время обманывал людей (ил. 13). Когда они проходили недалеко от валуна, то начинали блуждать и попадали совсем в другое место. Поэтому и называли камень Чертовым [Карабанаў і інш. 2011, 101].

Есть камни под названиями Чертовы Жернова. У д. Жуковщина Вилейского р-на рассказывают предание про черта, который в молодости не думал о своем хозяйстве, а под старость никто не захотел его кормить. Пришлось самому добывать еду. Он сделал из камня жернова и взвалил их на воз. По дороге конь от тяжести устал и сбросил жернова в канаву. Камень Чертовы Жернова, или Чертова Мельница (Чортаў Млын) лежит в лесу возле д. Осовы Докшицкого р-на Витебщины. В народе считается, что жернова делал черт, но ему что-то помешало, и он прекратил работу.

Возле д. Бринденяты вблизи г. Лиды находился камень с большим естественным углублением. Он носил название Чертова или Гоманова Чарка (Стопка). По преданию, в этой местности когда-то жил бедняк-пьяница. Он так допился, что уже не имел денег купить водку. Однажды на дороге он встретил Дьявола и продал ему душу за волшебную каменную стопку, в которой водка никогда не кончалась. Гоман постоянно лакал водку из этой чарки и вскоре умер. Раньше в этих окрестностях рассказывали про один день в году, когда в этой чудесной стопке находится не вода, а настоящая водка. Но никто не мог отследить такой день [Szymielewicz 1937, 102–103].

В основном все варианты названий и сюжеты преданий о Чертовых камнях соответствуют литовским и латышским названиям и преданиям (черт нес камень с целью завалить двери храма, перегородить реку или озеро, но запел петух, и он выронил камень; след на камне оставил черт, шил обувь и др.) [Дучыц 2005, 117–121].

Названия и предания позволяют говорить, что прототипом мифологического черта является не христианский черт (дьявол), а языческое божество, связанное не только с земледелием, лесом, жрецами и музыкантами, а также играющее важную роль в сфере эротики, опекунстве мертвых и животных. Поэтому неслучайно некоторые камни-следовики одновременно носят два названия: Чертов след и Божий след (Булавишки, Браславский р-н, Витебская обл.).

До недавнего времени к некоторым Чертовым камням собирались именно на Купалье. В Старом Погосте Миорского р-на на Витебщине на этот праздник в начале XX в. возле камня проводились многолюдные игрища. В одной из легенд про этот камень черт выступает как защитник старой веры, а волот, в которого превратился портной (кравец), как борец за христианство. Рассказывается, что в одном городе начали строить церковь. Люди целый день возили камни, а черт за ночь перебрасывал их на другой берег. Про это узнал кравец, преобразился в волота, и пошел на то место. В результате, выброшенные чертом камни увеличились вдвое и вернулись назад с помощью волота. Таким образом, там, где надо, собралось столько камней, сколько и требовалось для строительства храма [В-т 1923, 46–47].

В д. Лопухово Слонимского р-на еще в 1970-е гг. на возвышенности среди Пенного болота лежал Чертов камень, к которому на Купалье собиралась молодежь со всей округи. После проведения мелиорации камень засыпали, и традиция исчезла. Камень был значительных размеров, и в небольших углублениях на нем люди видели следки от детских ножек и овечьих лап. По одному из преданий, на камне танцевали черти, по другому — тут стоял город, который провалился под землю, а по третьему — существовал город, который сжег Змей за какую-то провинность [Зайковский 2006, 180–182].

В некоторых преданиях можно видеть отголоски смены религий и смены богов. Во многих преданиях говорится про черта, несшего камень с целью завалить двери храма, но пропел петух, и черт уронил валун. В д. Сенежицы Новогрудского р-на Гродненщины на камне имеется два следа. Меньший считается следом Богородицы, а больший — следом черта, который гнался за ней, но не смог догнать, так как Она спряталась в монастыре и стала проявлять оттуда чудеса (ил. 14) [Янчук 1889, 73].

*Ил. 14. Камень со Следами Черта и Божьей Матери
в д. Сенежицы Новогрудского р-на Гродненской области
(фото Л. В. Дучиц)*

Камни с искусственными углублениями (более 30)

Такие камни довольно разнообразны: с несколькими (чаще всего тремя) углублениями в форме тарелки (миски, сковородки); с несколькими выемками овальной формы; с чашеобразными большими выемками; с бесформенными выемками и с ямками (лунками) [Вінакураў і інш. 2003, 231–251].

Камней с выемками в форме тарелки (миски, сковородки) насчитывается не менее семи. Один из них находился возле д. Карговды Вороновского р-на Гродненской обл., и среди местных жителей известен под названием как Дево-Блюдо, или Блюдо Бога. По преданию, один человек сдвинул камень с места и положил его у крыльца своего дома, но у него внезапно скрутило ноги, и он вынужден был отвезти камень назад. Как только камень оказался на старом месте, болезнь отступила. Возможно, что это тот же самый валун, который в начале XX в. археолог В. Шукевич приписал к д. Юршишки, ныне уже не существующей. Исследователь

привел предание, согласно которому из «мисок» на камне обедал какой-то король во время охоты на берегу р. Версоки [Szukiewicz 1900, 109–110]. Подобный камень, известный недалеко от Полоцка, на берегу Западной Двины возле д. Залесье, в километре от бывшего Махировского монастыря, в XIX в. зарисовал Д. М. Струков [Струков 2011, 85].

Исследователь древностей Северной Беларуси А. М. Сементовский в 1890 г. в книге «Белорусские древности» описал камень с шестью углублениями, очень похожими на миски. По его сведениям, до 1844 г. камень лежал на берегу оз. Воронеч и упал в воду. Местный помещик достал его и перевез в имение. По преданию, из этих тарелок ел князь Витольд, который приступом брал город Воронеч. Камень лежал там долго, но в 1987 г. куда-то исчез. Похожий камень, также до 1987 г., лежал возле д. Юровичи Дятловского р-на на Гродненщине. Есть упоминания и о подобном камне на горе вблизи д. Синие Горы Смолевичского р-на Минской обл. В литературе первой половины XX в. камень с тремя плоскими углублениями диаметром около 17 см упоминается близ д. Бенкевичи возле г. Лиды [Szymielewicz 1937, 102–103].

Известны два камня с уплощенной поверхностью. Это камень у д. Кременец Логойского р-на Минской обл. (Святой камень, или Дажьдбогов камень), который находится под охраной ЮНЕСКО (на нем пять углублений: в плане круглой и овальной формы). Камню и в наши дни носят деньги, цветы, фрукты, а на свадьбу к нему идут молодые (ил. 15). Большой валун (4,4 × 4,3 м; высотой 1 м) лежит у д. Волковщина в урочище Бертовщина в Миорском р-не Витебщины. На нем одно углубление овальной формы (0,7 × 0,5 м и глубиной 0,15 м). Дождевая вода из выемки считается лечебной от болезней глаз. Раньше на Купалье возле камня традиционно танцевала молодежь. По одному из преданий, в 1812 г. тут обедали французы.

Имеется информация и о камнях с выемками в форме чаши (ведра) объемом около 10 л. Два таких камня найдены на разных окраинах г. Бобруйска. Один камень в 1950-е гг. был обнаружен на берегу р. Березины, и сейчас находится в экспозиции Бобруйского краеведческого музея (ил. 16). Размеры камня — 0,76 × 0,62 м и высота 0,48 м. Диаметр углубления — 0,36 м и глубина — 0,23 м. Другой камень, очень похожий на этот, был

откопан при прокладке новой улицы на южной окраине города. Его перетащили к гаражному кооперативу и установили возле ворот в качестве горшка для цветов. Когда углубление очистили от земли, то выемка оказалась такой же, как и в камне, хранящемся в музее.

*Ил. 15. Дажьбогов камень
у д. Кременец Логойского
р-на Минской области
(фото В. Ф. Винокурова)*

*Ил. 16. Камень с выемкой
в форме чаши найден на берегу
р. Березины у г. Бобруйска
Могилевской области, экспонируется
в Бобруйском краеведческом музее
(фото В. Ф. Винокурова)*

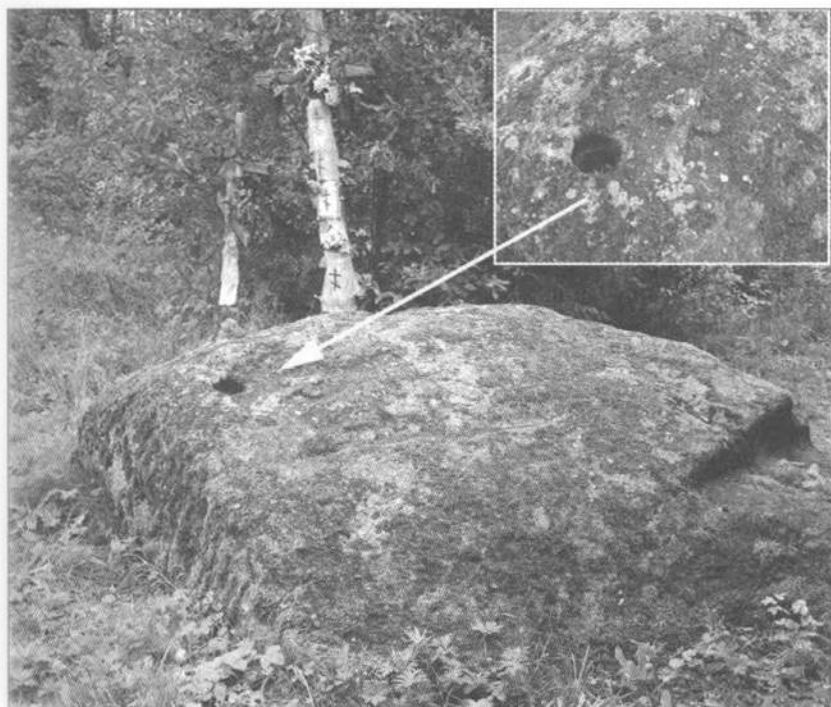
До 1970-х гг. камень из этого ряда диаметром около 1 м и высотой 0,5 м с большой выемкой лежал на одном из хуторов Поставского р-на, на границе Беларуси и Литвы. Позднее его перевезли в г. Швенчёнис. В 1866 г. камень с большим углублением был откопан на горе Церковище возле д. Лебедево на территории современного Молодеченского р-на Минской обл. По преданию, на горе стояла церковь, которая провалилась под землю. В начале XX в. на холме вблизи д. Унтальянка в Борисовском р-не Минской области откопали камень по форме похожий на ступу, который местные жители забрали в баню греть воду. Рядом были найдены другие камни и древние вещи. Подобные камни с выемками в качестве кропельниц (водяниц) сохранились до нашего времени в притворах многих костелов или возле них. В кропельницах содержится святая вода, куда верующие при входе в костел обмакивают правую руку перед тем, как перекреститься (см. раздел о камнях в храмах).

Собрана информация о более чем десяти валунах с выемками разных форм. Например, у д. Кудиновичи (Копыльский р-н Минской обл.) ямка на Святом камне диаметром 12 см и глубиной 13 см имеет воронкообразную форму (ил. 17). Рядом с ямкой высечен рельефный четырехконечный крест, который возвышается над поверхностью на 1,5–2 см, а также имеется природное углубление, напоминающее след человека. Такое же воронкообразное углубление есть на Святом (Дзюравым) камне возле д. Каптаруны Поставского р-на Витебщины (на самой границе с Литвой). Камню в качестве жертвований носят деньги и другие дары (ил. 18). Возле него молятся с просьбой послать дождь.

Возле д. Новые Волосовичи Лепельского р-на в лесу, недалеко от р. Свядица лежит камень размерами 6,5 × 3,5 м и высотой 2,5 м. На нем имеется ниша, в которую кладут деньги. Из трещины на камне выросла рябина, и поэтому валун стали звать Рябиновый камень.

Деньги в углубление на камне кладут в урочище Городище, недалеко от оз. Снуды на Браславщине (северо-запад Витебской обл.). Согласно поверью, кто всунет руку за деньгами, достать ее уже не сможет. Пустую же руку камень отпускает. В этом же районе в лесу между деревнями Дубровка и Ставрово лежит большой валун, который по форме напоминает лодку. Отсюда и название — Дубица, или Каменная Дубица. По преданию, под камнем закопано золото [Шыдлоўскі 2009, 279–287].

Кроме перечисленных камней с углублениями, на северо-западе Беларуси известно около 50 валунов с высеченными на них ямками (лунками). Ямок на поверхности таких камней насчитывается от одной до сотни — Чертов камень у д. Велец Глубокского р-на Витебской обл. (ил. 19). Детально изучив ямочные камни бассейна верховьев Вилии, А. П. Зайцев пришел к выводу, что традиция высекания ямок на камнях в этом микрорегионе существовала в конце бронзового — раннем железном веке [Зайцев 2014, 320–326]. В данном сборнике помещена статья А. П. Зайцева, посвященная результатам изучения камней с ямками на территории Беларуси.

Ил. 17. Святой камень у д. Кудиновичи Копыльского р-на Минской области (фото Л. В. Дучиц)

Ил. 18. Святой (Дзюравы) камень возле д. Каптаруны Поставского р-на Витебской области (фото В. Ф. Винокурова)

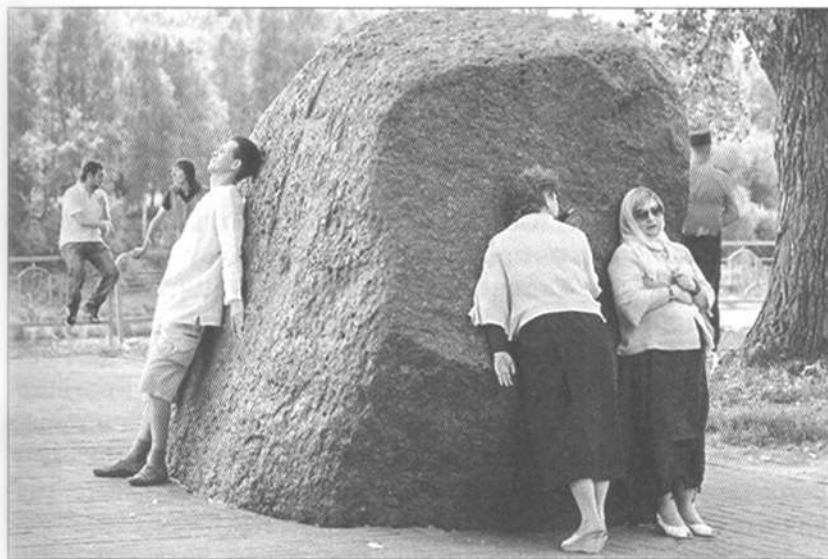
Ил. 19. Чертов камень Велецкий у д. Велец Глубокского р-на Витебской области (фото В. Ф. Винокурова)

Камни со знаками, надписями, рисунками (более 100)

Литературные сведения о такого рода камнях довольно многочисленны, но до нашего времени сохранились лишь единицы, так как именно такие валуны в первую очередь подвергались уничтожению в советское время.

Например, в 1887 г. в Минский церковный историко-археологический музей из местечка Погост, которое находится на берегу Березины (совр. Березинский р-н Минской обл.), поступил фотоснимок камня, усеянного высеченными знаками. В аннотации к фото говорилось, что камень найден в лесу. Местные евреи посчитали, что надпись сделана по-еврейски, поэтому камень перетащили в местечко и положили возле входа в синагогу. Дальнейшая судьба его неизвестна. В д. Сынковичи Зельвенского р-на Гродненской обл. в 1913 г. нашли камень со знаками, сделали прорисовку и отослали в Краковский археологический музей. Судьба этого камня также неизвестна.

Какие-то знаки упоминаются на поверхности камня возле д. Верейцы Осиповичского р-на Могилевской обл. Как утверждает предание, тут проходил французский генерал с войском. По дороге ему попался камень. Он ударил по нему саблей и сказал: «Если камень разобьется, быть мне в Москве!» От удара камень разлетелся на 12 частей. В честь этого генерал выбил знаки на одном из обломков. В литературе часто упоминается о камнях с высеченной подковой. В рассказах обычно говорится, что знак подковы обозначает место, где закопано золото или драгоценные вещи. Есть камни с высеченными на них крестами, но они не являются кладбищенскими. Например, о камне возле д. Талькунцы Вороновского р-на Гродненщины предание рассказывает, что когда-то в этой местности жила красавица, и ее полюбили два брата, а она к ним относилась одинаково. Парни требовали выбора. Мать девушки посоветовала, чтобы та стала возле камня, а братья с одинакового расстояния бежали к ней. Кто первым прибежит, тот и будет ее избранником. Но они прибежали одновременно. В тот же момент ударил гром с ясного неба и убил всех троих. Люди их похоронили и на камне выбили три креста.

Ил. 20. Борисов камень сохраняется на берегу р. Западной Двины у Софийского собора в г. Полоцке Витебской области

Из «писаных» камней особенно интересен камень с предполагаемой рунической надписью, который лежал на вершине каменного кургана у д. Пневщина на территории современного Горецкого р-на Могилевской обл. Еще в XIX в. его перевезли в сарай, но случился пожар, и камень сильно обгорел [Ванкель 1916, 47–54; Дондуков-Корсаков 1916, 35–45]. Исследователь Л. Лавровский датировал надпись X столетием и предложил ее прочтение как «Игтуива Генрика жена». Он посчитал, что камень поставил над могилой своей жены швед или норвежец [Лаўроўскі 1929, 293–296]. Самые известные камни с надписями — это Борисовы камни — памятники эпиграфики XII в. Пять из них некогда были в русле Западной Двины (д. Подкостельцы Полоцкого р-на (ил. 20), г. п. Друя Браславского р-на и три камня возле г. Дисна Миорского р-на Витебской обл.), а два на суше (д. Высокий Городец Толочинского р-на Витебской области и камень с надписью, близкой по времени, у д. Камено Вилейского р-на Минской обл.). На большинстве камней надписи типа: «Господи, помози рабу своему Борису...» и кресты на Голгофе [Дучыц 1985, 69–73].

Камней с рисунками меньше. Еще в середине XIX в. у д. Шейбаки на территории современного Щучинского р-на Гродненской области лежал камень, на котором четко были видны изображения голов человека и коня, а также лука, стрелы и непонятные знаки. По преданию, этот рисунок был выбит в честь победы князя Эрдивила над полководцем хана Батыя Шейбаком. Местный помещик уничтожил изображение и установил камень над могилой жены. Валун с изображением ладьи и другими знаками зафиксирован у д. Тяпино в Чашникском р-не [Ляўкоў 1992, 166]. Схематическое изображение человека просматривается на небольшом камне, который лежит возле кладбища д. Липск Докшицкого р-на Витебской обл. В лесу у д. Стебераки Вилейского р-на Минской области находятся четыре камня, на которых изображены рога-ритоны и др. знаки [Прохоров 2004, 108–117]. Встречаются валуны с выбитыми знаками подковы, креста, различных солярных знаков.

Много камней со знаками и надписями на позднесредневековых кладбищах. Например, в д. Голубичи Петриковского р-на Гомельщины на одном из обтесанных камней надпись гласит: «Року 1595 месяца іюля 13 дня памяни г. и Андрэя Каліны святое Андрэя...»

Разнообразие названий и преданий

Есть валуны с названиями Белый (около 10), Синий (более 10), Бурый, Черный и др. Цветовая символика в традиционной культуре белорусов всегда имела значительную роль. Каждый цвет соответствовал тому или иному явлению. Например, в д. Белая Дуброва Костюковичского р-на Могилевской области еще и сегодня считают, что их Белый камень содействует урожаю. Белым камнем называют валун красноватого цвета вблизи д. Ерхи Вилейского р-на. С камнем связано поверье: если сдвинуть камень с места 12 жеребцами, которых родила одна сивая кобыла, то изпод него потечет река.

Синий цвет в народных представлениях связан с замогильным светом, с культом умерших. Синих камней в Беларуси известно более десяти. Возле Гродно Синий камень даже дал название

деревне. Еще на памяти старожилов Синий камень лежал вблизи д. Минковичи Стародорожского р-на Минской обл. К нему весной на Юрья (святого Юрия) собиралась молодежь на игрища.

Есть валуны с названиями: Волос, Перун, Дед. Камень Волос и сегодня лежит на возвышенности вблизи д. Крыжовка возле Минска. В 1930-е гг. к камню водили на лечение животных, а на деревья вешали ручники. Возле камня была часовня. Более шести валунов известно под названиями Перунов камень, или Перун-камень: д. Расходно и д. Дубки Сенненского р-на, д. Калиновая Миорского р-на, на берегу оз. Дрисвяты в Браславском р-не, д. Грицковщина Полоцкого р-на Витебщины (ил. 21), д. Товкини Вороновского р-на Гродненской обл. В д. Расходно рассказывают, будто бы Перун на этом камне убил главного черта — Дьявола. Когда-то возле камня собирались на Купалье. Про камень в д. Товкини Вороновского р-на Гродненской области говорится, что в него ударил Перун и оставил ямки (лунки).

Некоторые сакральные камни в Беларуси, которые не относятся к категории следовиков, окаменевших живых созданий и «шьющих», также имеют связь с животными. Пример — Расколотый, или Альбертинский камень, который находится в лесу у дороги на д. Якимовичи Слонимского р-на Гродненской обл. (ил. 22). Валун является памятником природы республиканского значения и напоминает сегодня горную скалу, словно склеенную из отдельных, разных по форме и цвету валунов. Предание гласит, что здесь жил Янка-богатырь с невестой-красавицей. Но про невесту узнал двуглавый Змей и прилетел за ней. Богатырь и Змей начали драться на мечях в поле. Меч Янки притупился, и он крикнул: «Эх, поточить нечем, хотя бы камень какой под рукой оказался!» Вдруг перед ним выросла скала. Змей не смог достать своим мечом богатыря и рубанул по камню. Скала раскололась и выбила меч у дракона. А тут и Янка добил Змея [Карабануў і інш. 2011, 69].

На святилище («малельня ля каменя»), которое существовало в Минске на берегу Свислочи, еще в начале XX в. лежал камень Дед, которому приносили мед, молоко и другие продукты. Камень лечил бесплодие. Женщины, желающие иметь детей, обвязывали камень ручниками, вытканными своими руками [Ляўкоў 1992, 43–53].

*Ил. 21. Перун-камень у д. Грицковщина Полоцкого р-на
Витебской области (фото В. Ф. Винокурова)*

*Ил. 22. Расколотый, или Альбертинский камень сохраняется в лесу
у дороги в д. Якимовичи Слонимского р-на Гродненской области
(фото И. Е. Климкович)*

Известны три камня под названием Пестун. Один из них возле д. Камено б. Себежского уезда Витебской губернии (сейчас на территории Псковской обл.). Второй камень находится у г. п. Плещеницы Логойского р-на. Он имеет еще и другое название — Князь-Камень (3,3 x 2,5 м; высотой 1,5 м). По преданию, тут жил великан (асілак), который играл этим камнем. Третий камень возле д. Кукарево Березинского р-на Минской обл. Найти его сегодня не удастся, но на памяти старожилов, еще несколько десятилетий назад, когда молодежь шла в местечко Погост на Праздник пива, то парни поочередно несли камень на руках, т. е. соревновались в силе. Когда возвращались назад, то опять по очереди несли камень. Отсюда якобы и название Пестун — от слова «песціць» (лелеять) [Арх. № 13]. Это название упоминается и во второй половине XIX в. В предании о кукаревском камне говорится, что тут когда-то был замок, где жила княжна Рагна. На замок напали враги. Княжна и священник закопали драгоценности на горе, наверх положили камень и заклинали его. С тех времен камень никто не решается сдвинуть, потому что боится погибнуть [Sopodzka 1889, 8–9].

Со многими валунами связываются легенды о привидениях в виде молодых красавиц и о разных необычных явлениях (появляется огонек, старуха с большим мешком, всадники и др.). Много рассказов о закопанных под камнями кладах. В мифологии с богатством и золотом отождествляется образ Велеса. Отсюда можно предположить, что такие камни когда-то были посвящены Велесу [Климкович 2015, 51–64]. В д. Жабинка Глубокского р-на Витебской области рассказывали, что клад под камнем будто бы охраняют 12 чертей. Часто встречаются предания про клад под камнем, закопанный шведами или французами, а то и самим Наполеоном. В д. Бушевичи того же Глубокского р-на про камень длиной более пяти метров рассказывают, будто бы в направлении длинной оси есть место, где на глубине 30 футов закопано 6 бочек с драгоценностями на 7 млн франков. Все это награбили солдаты французской армии в 1812 г. Всего же было 7 бочек, но одну из них солдаты разбили и ценности растянули по карманам. У д. Ашмянец Сморгонского р-на Гродненской области, по одному из преданий, недалеко от камня шведы при отступлении закопали бричку с золотом, а по другому преданию, тут закопана

золотая лодка (или лодка с золотом). Возле д. Шаповалы соседнего Ошмянского р-на под камнем будто бы французы закопали золотую бричку.

В д. Латочки Браславского р-на, на самом порубежье с Литвой, вблизи Лысой Горы лежит Заклятый камень. По преданию тут жил богатый пан Милевич, у которого не было детей. Чтобы богатство никому не досталось, он закопал под камнем лодку с золотом и заклил его. Согласно заклитию, золото достанется тому, кто сможет выполнить три условия: разжечь костер на Лысой Горе, содрать шкуру с живого коня, потом его запрячь и провести вокруг валуна три борозды. Только тогда можно будет откопать золото, насыпанное в лодку [Шыдлоўскі 2009, 284].

Около 10 камней в Беларуси отождествляются с печью, топчаном, лежаком, креслом: Божая Печь (д. Захаровка Крупского р-на Минской обл.), Ведьмина Печь (д. Кемяны Ошмянского р-на Гродненской обл.), Чертова Печь (д. Васевичи Дзятловского р-на Гродненской обл.), Божье Кресло (д. Сомры Крупского р-на Минской обл.) и др.

Встречаются камни, которые по названиям и преданиям связываются с конкретными историческими личностями. Это Иософатов камень или камень И. Кунцевича (Витебск), камень Марины Мнишек (г. Брагин Гомельской обл.). На некоторых камнях будто бы обедали Екатерина II (д. Язно Миорского р-на Витебской обл.), Наполеон (д. Мальки Браславского р-на и д. Снеги Миорского р-на Витебской обл.). Один из камней связывается с Багратионом (д. Каменное, Узденский р-н Минской обл.), и предание говорит, что тут был его штаб. В д. Залесье Сморгонского р-на Гродненщины камень посвящен предводителю восстания Тадеушу Костюшко, а в д. Карчево Барановичского р-на Брестчины лежит камень Филаретов, или камень Адама Мицкевича.

Лечебные камни

За многими валунами закрепились слава про их лечебные способности [Вінакураў і інш. 2005, 190–202]. В д. Горка Дятловского р-на Гродненской области еще и сегодня уверены: чтобы прошли все болезни, надо трижды проползти на коленях через трещину

в каменной глыбе. Мох с этого нагромождения считается лечебным. На камнях стоит деревянный крест, на нем вешают венки и ручники, а на сами камни кладут деньги, цветы и другие дары, даже ставят рюмки с вином. В день святого Юрья (по православному календарю 6 мая) из Георгиевской церкви, которая находится под горой, на окраине деревни, идут крестным ходом [Михайловский 1893, 184; Архіў № 28].

С некоторых камней раньше откалывали кусочки, растирали их в порошок и пили с водой (д. Жировичи Слонимского и д. Ременники Ивьевского р-нов Гродненщины, д. Вересница, Житковичский р-н Гомельщины).

Лечебными камнями считались камни Демьян и Марья, которые находились возле д. Пережир Пуховичского р-на Минской обл. По поверьям, эти камни лечили парализованных, хромых и глухих, а также помогали в семейной жизни. Весной в новолунные воскресенья люди несли сюда деньги, шерсть, продукты, пригоняли поросят, телят, овец. Девушки просили у камня хорошего жениха и отдавали ему перстни и бусы. Временами пожертвований было столько, что их потом доставляли возами в церковь [Богданович 1895, 23–24]. В 1980-е гг. в д. Пережир старожилы еще хорошо помнили поклонные камни, особенно Марью. Камни стояли на холме под названием Проща. Тут же была и небольшая церковь. Камни и храм были уничтожены в 1932–1933 гг. Марью положили в стенку погреба. По воспоминаниям людей, Марья была обычным камнем высотой около метра. Возле него стояло каменное «корытце», куда складывали жертвоприношения. Придерживались определенного порядка: сначала перед Марьей раскладывали дары (оброкались), затем трижды на коленях обходили вокруг церкви и только тогда, тоже на коленях, приближались к камню, целовали его и просили о помощи. Больше всего ходили к камню на молодик (молодую луну), на Спасы (яблочный и хлебный) и другие календарные праздники. Еще и в советские времена камню носили такие же дары, как и в XIX в. Камень Демьян находился недалеко [Ляўкоў 1992, 86–95].

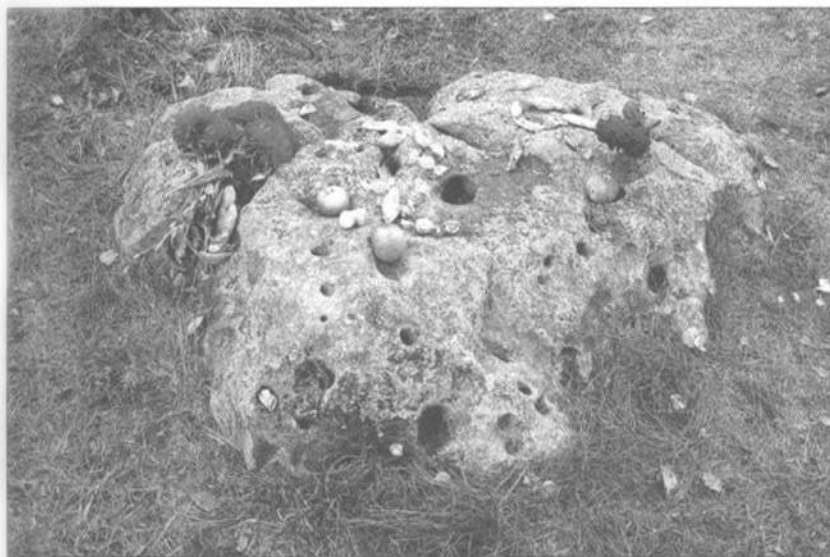
Многие болезни лечил камень под названием Сямігаюн, или просто Гаюн, который лежит в лесу на левом берегу Днепра на южной окраине г. Орши. Считалось, что он особенно помогает 14 сентября, в день церковного новолетия. По преданию, во время

эпидемии в Смоленске заболели семь братьев. Смоляне выгнали их из города. Они сделали плот и поплыли вниз по Днепру. Жители Дубровно и Орши тоже закрыли перед ними ворота. Тогда братья остановились на левом берегу Днепра вблизи Орши в вековом лесу. Возле камня поставили шатер и уснули. Ночью проснулись от холодного ветра и дождя, но камень оставался сухим и теплым. Вокруг раздавались какие-то непонятные звуки. Утром путники проснулись совсем здоровыми.

Большой камень в форме прямоугольника на католическом кладбище вблизи д. Пекличи Любанского р-на Минской обл. до сих пор «вылечивает» многие болезни. На камень кладут деньги и цветы. Про Святой камень возле д. Дубени в Борисовском р-не, который считается окаменевшей женщиной с ребенком, еще недавно говорили, что он лечит. Для этого достаточно было посидеть или полежать на камне. На камень клали кусочки хлеба, грибы, ягоды.

Как уже упоминалось выше, лечебной считалась вода с выемок на культовых камнях, особенно из следков. Чаще всего такая вода лечила глаза. Например, еще до 1960-х гг. очень популярным считался лечебный Святой камень, или камень Кадриль возле д. Козлов Берег Березинского р-на Минской обл. По преданию, к камню несколько раз в год приезжали паны и устраивали танцы. За это Бог наслал Перуна, и тот разбил камень на части. Раньше на один из осколков камня люди клали деньги и другие дары. Рядом стоял деревянный крест.

Дождевая вода из выемки Каменной Дубицы (Дубровка, Браславский р-н Витебской обл.) лечила глаза и бородавки, а из камня Чертовы Жернова (Жуковка, Вилейский р-н, Минской обл.) помогала от испуга. В д. Кременец (Логойский р-н, Минская обл.), д. Каптаруны (Поставский р-н Витебской обл.), д. Зосимовичи (Пружанский р-н Брестской обл.) кроме дождевой воды лечебной считалась вода, взятая из соседних родника или колодца и налитая на камень. В д. Дубники Любанского р-на Минщины воду и сейчас приносят с собой, проливают ее через отверстия в камне, и только тогда вода считается лечебной и особенно помогает от болезней головы, рук и ног (ил. 23). От многих болезней помогает вода с камня у д. Гостбищи Узденского р-на Минской обл. Когда-то камень даже покрывали кружевным тюлем.

Ил. 23. Святой камень у д. Дубники Любанского р-на Минской области
(фото И. Е. Климкович)

Камень с ямками (лунками) возле д. Дайнова-1 Лидского р-на Гродненской области выводил бородавки. Для этого надо было в лунку положить медную монету, которая должна была лежать там до восхода солнца. Такой монетой потом терли бородавку. От бесплодия лечил камень Дед, который находился на минском святилище вплоть до 1980-х гг. Для этого в темное время женщина должна была сесть на валун и произнести заклинания. Так надо было делать три ночи подряд [Ляўкоў 1992, 43–53].

Некоторые валуны лечили животных. Так, в д. Новицковичи (Каменецкий р-н Брестчины) и в д. Пузовичи (Браславский р-н Витебщины) дождевая вода с камней одновременно помогала и человеку, и коровам от бородавок. В д. Кудиновичи (Копыльский р-н, Минская обл.) дождевая вода из выемки помогала людям от болезней глаз. Если болела корова, то камню несли масло и сыр, а если свинья — то кусок сала или колбасы. Особенно почитали камень на Девятник и в день святого Роха (католики). Еще на памяти старожил, в деревнях Добрый Бор и Подгорная Барановичского р-на Брестской области на лечение к камню подводили коров и овец.

В 1930-х гг. всем животным, согласно поверьям, помогал камень Волос, который и сейчас лежит на горке возле д. Крыжовка Минского р-на. Тогда вокруг камня на деревья вешали ручки, черепа, рога и хвосты животных [Ляўкоў 1992, 69–70].

Камни в храмах

Нахождение валунов в храмах довольно распространенное явление. По христианской легенде, с камня, который лежал на Елеонской горе, Христос вознесся на небо. Над этим камнем была возведена часовня, или иначе — сень. Как известно, часто первые христианские храмы возводились на местах языческих святилищ, и, таким образом, старые жертвенники или поклонные камни, могли оказаться в храме. Иногда поклонные камни вмуровывались в стены [Дучиц 2015, 343–346].

Больше всего в храмах учтено камней-следовиков (более 10). Так, в XVII в. в г. Борисове в костеле Богородицы лежал следовик, который вместе с иконой нашли в лесу и перенесли в храм [Путевые 1900, 1–7]. В местечке Лукомль (Чашницкий р-н Витебской обл.) в 11-ю пятницу после Пасхи собирались на поклонение камню Стопа с изображением следа человека, креста и славянской надписью.

До наших дней в д. Комайск Докшицкого р-на Витебской области в алтарной части церкви сохранился камень со следом Божьей Матери. Когда рядом на горе в послевоенные годы построили свинарник и машинный двор, то вся грязь стекала в церковь. В 1970-е гг. во время ремонта камень полностью оказался под новым полом. Над святыней сделали дверцы, и теперь через них кладут приношения [Архіў, № 51]. Про этот камень известно несколько преданий. Например, в одном из них говорится, что на камне слепому старцу явилась Богородица. Она попросила его прийти к владельцу местности и передать приказ о построении на этом месте храма. Когда старец так сделал, он стал зрячим. По другому преданию, на этом месте под землей была найдена икона Божьей Матери. На это указала рогатая скотина, которая паслась рядом. Позже тут построили церковь, поместили в ней икону, а камень так и остался в алтарной части храма [Описание 1879, 307].

В наши дни поклоняются следовикам в храмах таких деревень, как Луково Малоритского р-на Брестчины и Колодище возле Минска. Поклонный следовик лежит возле Воздвиженской церкви XVIII в. в д. Бобры Лидского р-на Гродненщины. Сюда он был перенесен с болота священником в 1920-е гг. Большой камень со следками, которые приписываются святому Антонию, лежит возле входа в костел Святого Антония XVIII в. в д. Струбница Мостовского р-на Гродненской обл. [Архіў, № 66, № 153].

В середине XIX в. возле д. Заозерье современного Октябрьского р-на Гомельской области священники с полицией разбили следовик, который считали остатком язычества. Но верующие сложили камень из кусочков, и он стал пользоваться еще большим почитанием. Тогда решили над камнем возвести часовню, и все дары стали поступать в пользу церкви.

Кроме следовиков, есть в храмах и другие камни. В начале 2000-х гг. в д. Подлесье Ляховичского р-на Брестчины в церковь перенесли Святой камень, хранившийся в боковой пристройке храма [Архіў, № 123]. В д. Кудиновичи Копыльского р-на Минской области возле кладбищенской часовни лежит огромный Святой камень с воронкообразной ямкой и барельефным изображением креста. Рядом стоит деревянный крест, на который вешают оброчные ручки.

Есть упоминания середины XIX в. о священном валуне в д. Песочное на Немане в том же Копыльском р-не. Рассказывали, будто бы на окраине местечка когда-то стояла Дмитриевская церковь, потом ее перенесли на кладбище, а на месте престола возвели часовню. В середине поставили крест с иконой, а возле креста положили камень, который раньше лежал при входе в церковь. Про этот камень было предание, согласно которому когда-то из Песочного шли три слепых старца. Они сбились с дороги и в поле наткнулись на камень. Начали молиться, и один из них прозрел. Он довел друзей до местечка и рассказал людям о чуде. Тогда камень забрали с поля, положили возле церкви. Ему жертвовали полотно, лен, деньги и др. [Соловьевич 1869, 263–270].

Некоторые сакральные валуны в народе называют престолами бывших храмов (д. Андреевцы Волковысского р-на Гродненской обл., д. Вересница Столинского р-на Брестской обл., д. Бузуны Воложинского р-на Минской обл.). В д. Жировичи Слонимского р-на

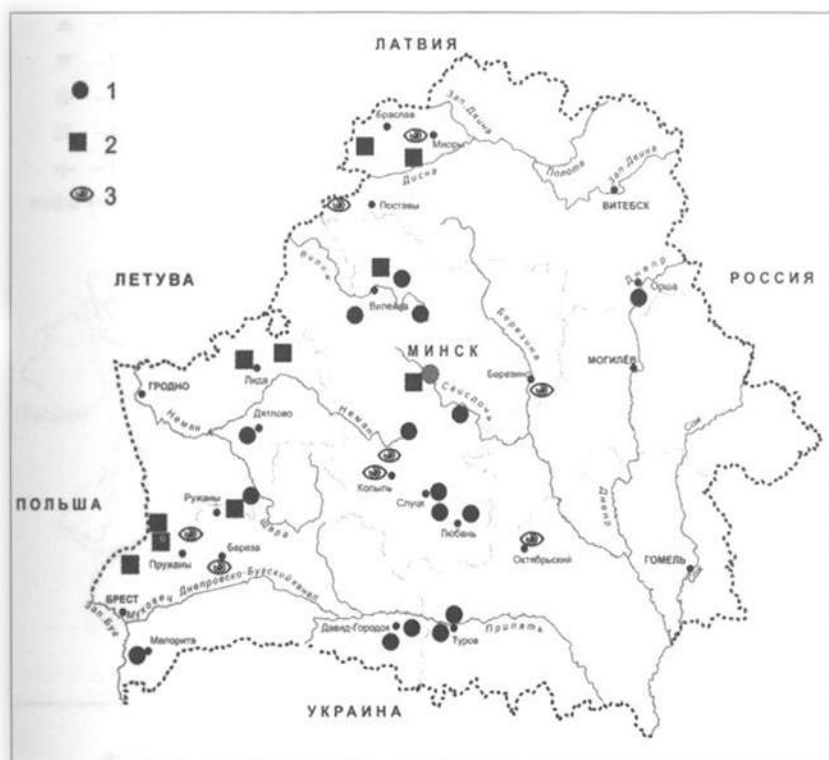
Гродненщины считается, что после пожара церкви в 1520 г. на камне явилась Богородица. Этот камень стал основанием престола в часовне Св. Онуфрия, построенной в 1769 г. В литературе имеется информация, что в д. Гнезно Волковысского р-на в костеле Святого Михаила за большим алтарем находится камень с выемкой, который когда-то использовали язычники для сожжения жертв.

В костелах или возле них, особенно на территории Гродненской области сохранилось много каменных кропельниц (водяниц), которые по форме и размерам подобны некоторым вышеописанным сакральным камням цилиндрической или мископодобной формы (д. Данюшево Сморгонского, д. Вселюб Новогрудского, д. Лаздуны Ивьевского, д. Беньякони Вороновского р-нов Гродненской обл. и др.). Сохранились такие культовые камни и на местах разрушенных храмов, которые долгое время были униатскими (д. Шкляницы Докшицкого р-на Витебской обл., д. Волма Смоленвического р-на Минской обл. и др.). Есть и кропельницы корытоподобной формы (д. Дубок Островецкого р-на Гродненской обл., д. Налибоки Столбцовского р-на Минской обл.).

* * *

Таким образом, на территории Беларуси собрана информация о более чем пятистах сакральных валунах. Самая многочисленная группа — это камни-следовики. Есть окаменевшие люди (девушки, женщины, мужчины, семьи, участники свадеб) и животные (медведь, конь, лось), пахари с волами, которые окаменели в наказание Богом за работу в праздник. Шьющие камни-портные и камни-сапожники считаются окаменевшими домами мастеров. Выделяется категория камней с высеченными углублениями разнообразных форм и размеров (чашечные, ямочные и др.). Среди цветовых названий преобладают Белые и Синие камни. Камни-божества сохранили названия: Перун, Волос, Дажьбог. Довольно многочисленны камни, связываемые с мифологическими персонажами, особенно с чертом. В легендах о камнях фигурируют исторические личности (Рогнеда, Рогволод, князя Борис и Глеб, Петр I, Екатерина II, Наполеон, Т. Костюшко, А. Мицкевич и др.). Некоторые валуны до сегодняшнего дня пользуются славой лечебных.

Карты и схемы

Карта 1. Схема распространения камней-лекарей в Беларуси
(сост. В. Ф. Винокуров).

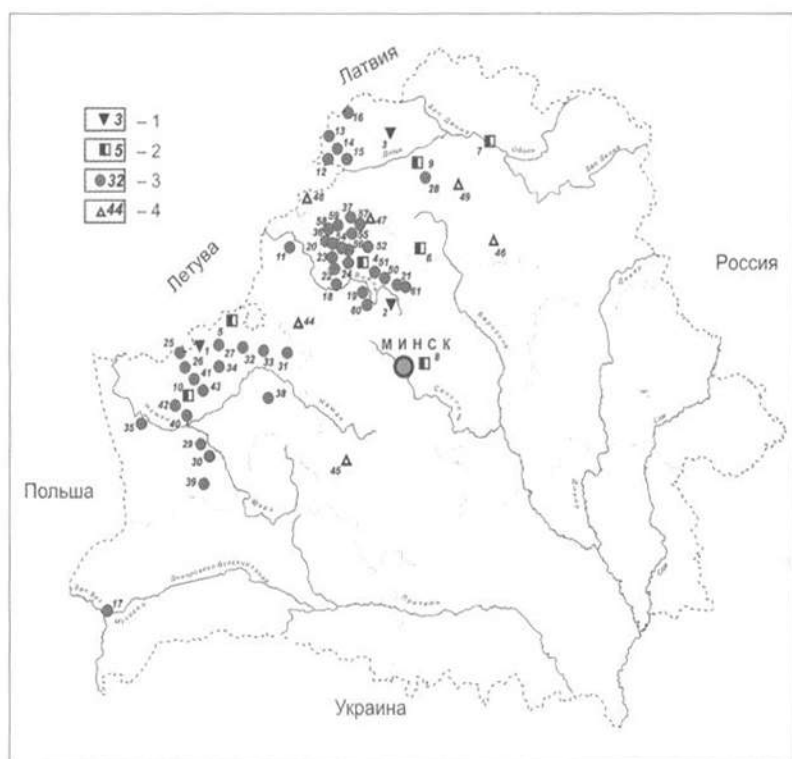
Условные знаки:

Лечащие камни:

1 — от всех болезней;

2 — от некоторых болезней;

3 — от болезней глаз

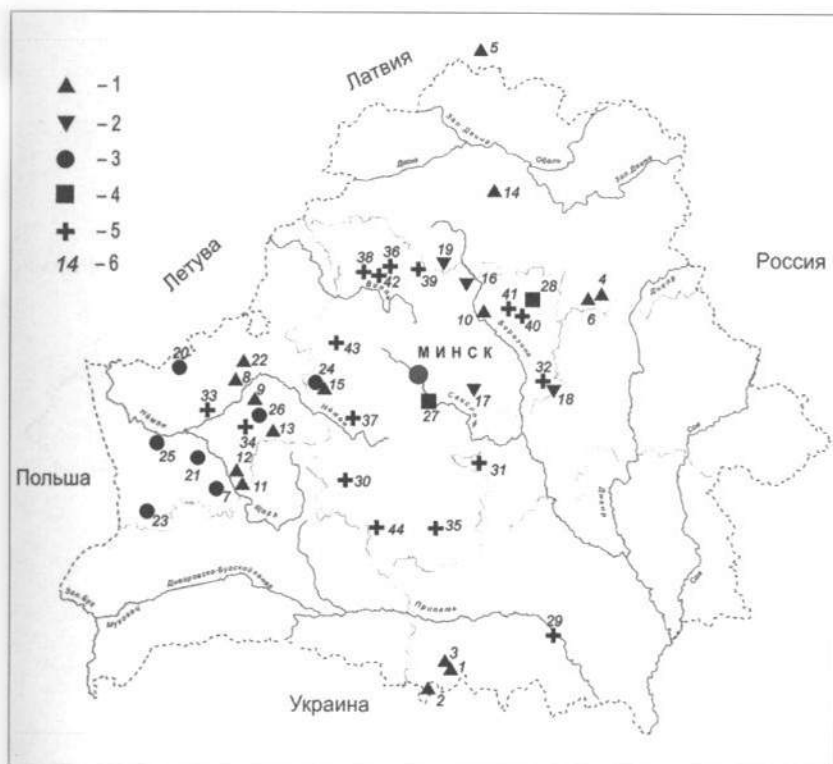

Карта 2. Схема размещения сакральных валунов с искусственными углублениями на территории Беларуси (сост. В. Ф. Винокуров).

Условные знаки:

- 1 — плоские камни с чашеобразными углублениями;
- 2 — цилиндрические камни с чашеобразными углублениями;
- 3 — камни с лунками (круглыми ямками) глубина от 0,5 до 7 см и диаметр от 3 до 7,5 см;
- 4 — камни с ямками неправильной формы от 5 до 15 см и диаметр от 7,5 до 15 см.

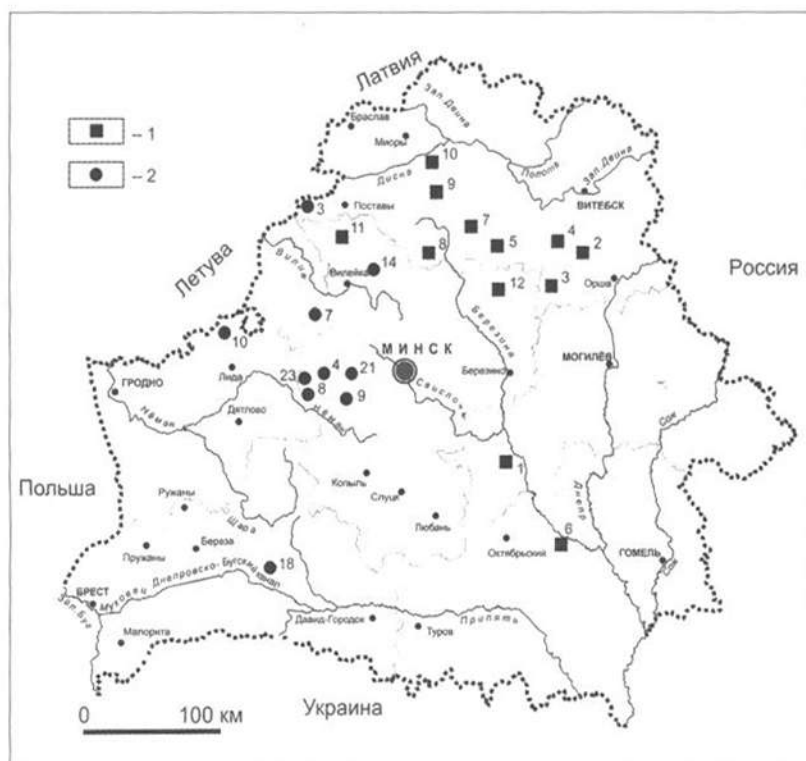
Номер объекта соответствует номеру камня в Приложении 6

Карта 3. Схема расположения валунов, которые называют окаменевшими людьми (сост. В. Ф. Винокуров).

Условные знаки:

- 1 — группа 1 (окаменевшие женщины / девушка, женщина; женщина с ребенком/);
- 2 — группа 2 (окаменевшие мужчины);
- 3 — группа 3 (окаменевшая свадьба);
- 4 — группа 4 (окаменевшая семья);
- 5 — группа 5 (люди, окаменевшие за работу в праздники и др.);
- 6 — номер объекта

Карта 4. Схема распространения валунов «крайцоў» и «шаўцоў» на территории Беларуси (сост. В. Ф. Винокуров).

Условные знаки:

- 1 — камни-«крайцы» (портные);
- 2 — камни-«шаўцы» (сапожники)

Народные названия сакральных и исторических валунов Беларуси¹

Адамов камень, Алтарь, Антосин камень, Асилак (силач), Аудолин валун, Ахвярны камень (жертвенный), Баран, Барашков камень, Белый камень, Блудный камень, Божая Ножка, Божая Печь, Божая Стопка, Божее Кресло, Божий камень, Божий След, Божий Следок, Борисо-Глебский камень, Борисов камень, Бурый камень, Быки, Васьков камень, Ведьмин камень, Ведьмина Печь (или Ломина Печь), Великий камень (большой), Витовтовы Видальцы (вилки Витовта), Витовтовы Талерки (тарелки Витовта), Вдовин камень, Владыка, Вол, Волос, Волосень, Волоский камень, Волот (великан), Волчий камень, Вор, Воробей, Воротишин Крест, Вяль, Габрусёв камень, Гарельник, Гарэх (орех), Гаючий камень (лечебный), Гирский камень, Гомсин камень (или Комсин камень), Гривень-камень, Гусак, Гусь, Даждбогов камень (или Святой камень), Дайница (доильница), Дева-Блюдас, Девичий камень, Девичий След, Дед, Дедов камень, Демьян и Марья, Долбица, Дубрава, Дюравый камень (дырявый), Заклятый камень, Застылае Вяселле (застывшая свадьба), Засульские Турэ, Захаров камень, Звонец, Зданькамень (камень-призрак), Змеев камень, Золатырь, Зязюлька (кукушка), Изередка, Кадриль, Казак, Калач, Каменец, Каменное Ярмо, Каменные Ворота, камень Багратиона, камень Богушевича, Камень с крестом, Камень с криницей, Камень с адзнакамі (отметками), Камень с подковой, камень Кунцевича (или Иосафатов камень), камень Кахання (любви), камень Марины Мнишек, камень Мицкевича (или камень Филаретов), Каменные Волы, Каменный Мосток, камень Костюшки, камень Наполеона, камень Паляуничего (охотника), Камень со следом, камень Цыган, Камянуха, Канапа (топчан), Каповище, Карный Камень (камень для наказания), Князь-Брод, Князь-камень, Кобыла, Козий камень, Колдунов камень, Копец, Коровин камень, Король-камень, Костелище, Котов камень, Кравец (портной), Кравецкий камень, Красный камень, Культовый камень, Купалов камень, Ластавка (ласточка), Лековый камень (лечебный), Леший камень, Литовский камень, Макагузы, Маньчин камень, Мартин камень, Марья, Медведь, Медвежий Валун, Медвежья Голова, Мехов камень, Михалка, Могила Казака, Наполеоновский камень, Невестин камень, Нога Петра, Опекун, Пастухов камень, Певник (петушок), Перун, Перунов камень, Пестун, Писанный камень, Пролица, Радушина, Расколотый камень, Романович, Рябиновый камень, Святой камень, Седловой камень, Семигаюн (от семи болезней), Сивой камень (седой), Синий камень, Скамянелая Баба, Скамянелая Вёска (окаменевшая деревня), Скамянелыя Волы, Скарбовый камень (камень

¹ В случае необходимости в скобках дается пояснение названия.

с кладом), Сковорода, След Анёлка (ангелочка), След Богородицы, След Богородицы с Младенцем, След Божий, След Божьей Матери, След Бычка, След Волотовны (великанши), След Дьявола-обжоры, След Иисуса Христа, След Лебеди (или След девушки Лебедь), След Матки Боской, След Святого Антония, След Святого Миколая, След Святой Панны, След Черта, Старый, Степан, Степан-Кравец, Стёп-камень, Стук-Баба, Ступня Магдаленки, Суботин камень, Тапчак, Титов камень, Три Брата, Турецкая Шапка, Турьи Горы, Ужинный камень, Холодовская Печь, Хлебник, Ховра, Церковище, Царь-камень, Цмок Вяль (дракон Вяль), Цудадейный камень (волшебный), Чаечник, Чертов камень, Чертова Гребля (или Чертова Гать), Чертова Дорожка, Чертовы Дучки, Чертовы Жернова, Чертова Ступень, Чертолье, Чеслав камень, Шавец (сапожник), Шалёный камень (бешеный), Шатанский камень, Шведский камень, Шиловатый камень (остроконечный), Юрьев камень, Ясев камень.

Приложение 2

Камни, которым поклонялись и поклоняются в праздничные дни (по народному календарю)

Праздники	Географическое местоположение
На Крещение (православные)	д. Мартьяновичи, Крутлянский р-н, Могилевская обл. (камень-следовик, которому поклонялись раньше).
На Пасху (православные)	д. Гостбище, Узденский р-н, Минская обл. (Святой камень, которому поклонялись раньше); д. Юхновка, Минский р-н, Минская обл. (Святой камень, которому поклонялись раньше); д. Великий Полсвиж, Лепельский р-н, Витебская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас).
На Пасху (православные и католики)	д. Кудиновичи, Копыльский р-н, Минская обл. (камень с выемкой и высеченным крестом, которому поклоняются сейчас).
Радовница (православные)	д. Сенежицы, Новогрудский р-н, Гродненская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас).
Весенний Юрьев день (православные)	д. Горка, Дятловский р-н, Гродненская обл. (Святой камень, которому поклоняются сейчас); г. п. Ореховск, Оршанский р-н, Витебская обл., урочище Юрьевская Пристань (камень-следовик, которому поклонялись раньше).

Праздники	Географическое местоположение
На весеннего св. Николая (православные)	1) накануне — д. Добрый Бор, Барановичский р-н, Брестская обл. (камень с выемкой, которому поклонялись раньше); 2) в день св. Николая — д. Маяк (Дюрдево), Слуцкий р-н, Минская обл. (камень со следом Св. Николая, которому поклонялись раньше).
День св. Антония (католики, 13 июня)	д. Струбница, Мостовский р-н, Гродненская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас).
Троица (Семуха) (православные)	д. Катка, Глусский р-н, Могилевская обл. (камень-следовик, которому поклонялись раньше); д. Заозерье, Октябрьский р-н, Гомельская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас); д. Великий Полсвиж, Лепельский р-н, Витебская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас).
Купалье (православные и католики)	Раньше поклонялись следующим камням: уд. Белая, Сморгонский р-н, Гродненская обл. (камень Асилак); д. Волковщина (Камень с выемкой); д. Старый Погост (Камень-портной, или Чертов камень) Миорский р-н, Витебская обл.; д. Мостище, Браславский р-н (Камень с кладом), д. Расходно, Сенненский р-н (камень Перун), Витебская обл.; д. Лопухово, Слонимский р-н, Гродненская обл. (Чертов камень).
День св. Ильи	д. Кременец, Логойский р-н, Минская обл. (Святой камень, или Дажьбог, которому поклонялись раньше); д. Камайск, Докшицкий р-н, Витебская обл. (камень со следом Божьей Матери которому поклоняются сейчас).
Маковей (Медовый Спас, 14 августа)	д. Сороги, Слуцкий р-н, Минская обл. (камень-следовик, которому поклонялись раньше).
Воздвижение (православные, 27 сентября)	д. Бобры, Лидский р-н, Гродненская обл. (камень-следовик, которому поклоняются сейчас).
Воздвижение (православные и католики, 14 сентября — католический праздник, 27 сентября — православный праздник)	д. Кудиновичи, Копыльский р-н, Минская обл. (камень с углублением и крестом, которому поклонялись раньше).
Покров (православные, 14 октября)	д. Сенежицы, Новогрудский р-н, Гродненская обл. (камень-следовик, которому поклонялись раньше); д. Сороги, Слуцкий р-н, Минская обл. (камень-следовик, которому поклонялись раньше).

Приложение 3

**Места расположения известных валунов
с искусственными углублениями**

- д. Аляново, Воложинский р-н, Минская обл.
г. Бобруйск, Могилевская обл. (находится в городском краеведческом музее)
г. Бобруйск, Могилевская обл. (находится возле ворот гаражного кооператива)
д. Волковщина (урочище Бертовщина), Миорский р-н, Витебская обл.
д. Городище (урочище), Браславский р-н, Витебская обл.
д. Гули, Мядельский р-н, Минская обл.
д. Дубровка/Ставрово, Браславский р-н, Витебская обл. (Каменная Дубица)
д. Каптаруны, Поставский р-н, Витебская обл. (Святой камень)
д. Карговды, Вороновский р-н, Гродненская обл. (Дева-Блюдас)
д. Новые Волосовичи, Лепельский р-н, Витебская обл. (Рябиновый камень)

Приложение 4

Следовики

Название следа	Географическое местоположение
Со следами Божьей Матери (Богородицы)	1) д. Бобры, Лидский р-н, Гродненская обл. (возле церкви)
	2) д. Броды, Пружанский р-н, Брестская обл.
	3) д. Гудовичи/Верхлес, Червенский р-н, Минская обл. (возле бывшей часовни)
	4) д. Добрый Бор/Подгорная, Барановичский р-н, Брестская обл.
	5) д. Жировичи, Слонимский р-н, Гродненская обл. (в храме)
	6) д. Колоница, Миорский р-н, Витебская обл.
	7) д. Комайск, Докшицкий р-н, Витебская обл. (в храме)
	8) д. Конюхи, Берестовицкий р-н, Гродненская обл.
	9) д. Котовичи, Вороновский р-н, Гродненская обл. (след Девы Марии и След Черта).
	10) д. Кудиновичи, Копыльский р-н, Минская обл. (возле часовни)
	11) д. Липск, Докшицкий р-н, Витебская обл.
	12) д. Луково, Малоритский р-н, Брестская обл. (в храме)
	13) д. Мальковичи, Ганцевичский р-н, Брестская обл. (на кладбище)

Название следа	Географическое местоположение
Со следами Божьей Матери (Богородицы)	14) д. Озерецк, Сенненский р-н, Витебская обл.
	15) д. Подрезы, Чашницкий р-н, Витебская обл.
	16) д. Ремзы, Вороновский р-н, Гродненская обл. (след Девы Марии)
	17) д. Сенежицы, Новогрудский р-н, Гродненская обл. (след Божьей Матери и след Черта) (возле бывшей часовни)
	18) д. Ставы, Каменецкий р-н, Брестская обл.
Со следами Бога (Иисуса Христа) и святых	1) д. Булавишки, Браславский р-н, Витебская обл. (Божий, или Чертов след)
	2) д. Вайдени, Вилейский р-н, Минская обл.
	3) д. Волковщина, Миорский р-н, Витебская обл. (след Христа и след Ирода)
	4) д. Глыбочка, Ушачский р-н, Витебская обл.
	5) д. Гостбище, Узденский р-н, Минская обл.
	6) д. Клинавое, Шарковщинский р-н, Витебская обл. (возле часовни)
	7) д. Колодищи, Минский р-н, Минская обл. (в храме)
	8) д. Обруб, Пружанский р-н, Брестская обл.
	9) д. Островно, Бешенковичский р-н, Витебская обл.
	10) д. Смоляны, Пружанский р-н, Брестская обл.
	11) д. Струбница, Мостовский р-н, Гродненская обл. (след Св. Антония)
	12) д. Улесье, Докшицкий р-н, Витебская обл.
Со следами животных	1) д. Великий Полсв (следы Евы, Кота и Собаки)
	2) д. Заснудье, Браславский р-н, Витебская обл. (след Коня)
	3) д. Кевлы, Сморгонский р-н, Гродненская обл. (след Кота)
	4) д. Крыничка (бывшая д. Пупеличи), Борисовский р-н, Минская обл. (след Коня)
	5) д. Новгорода, Миорский р-н, Витебская обл. (след Медведя, или след Черта)
	6) д. Пушкари, Сенненский р-н, Витебская обл. (след Медведя)
	7) д. Ситники, Лепельский р-н, Витебская обл. (следы Овечки, Коровы и др.)
	8) д. Сороги, Слуцкий р-н, Минская обл. (след Божьей Матери, след Собаки и след Кота)
	9) д. Старые Дороги, Стародорожский с/с, Минская обл. (след Божьей Матери, след Собаки)

Камни-портные, камни-сапожники и др.

Группы	Названия камней	Географическое местоположение
Камни-портные (камяні-краўцы)	Кравец, или Чертов камень	1) д. Воронино, Сенненский р-н, Витебская обл.
	Кравец, или Змеев камень	2) д. Гоголевка, Чашникский р-н, Витебская обл.
	Кравец	3) д. Кнышевичи, Светлогор- ский р-н, Гомельская обл.
	Кравец Степан	4) д. Красники, Докшицкий р-н, Витебская обл.
	Сивой камень, Змей-Кравец	5) д. Михалово, Лепельский р-н, Витебская обл.
	Камень-портной	6) д. Пилатовщина, Ушачский р-н, Витебская обл. (над камнем была часовня).
	Чертов камень	7) д. Шкленниково, Мядельский р-н, Минская обл.
	Царь-камень, Кравец	8) д. Яновщина, Крупский р-н, Минская обл.
Камни-сапожники (камяні-шаўцы)	Чертов камень, или Адолин камень	1) д. Заборье, Столбцовский р-н, Минская обл.
	Шавец, или Скамянелая Кобыла	2) д. Камень, Воложинский р-н, Минская обл.
	Гомсин-камень, или Комсин- камень	3) д. Куренец, Вилейский р-н, Минская обл.
	Шавец	4) д. Семенчицы, Столбцовский р-н, Минская обл.
	Шавец, Чертов камень	5) д. Ратынцы, Воложинский р-н, Минская обл.

Группы	Названия камней	Географическое местоположение
Камни, связанные с языческими божествами	Перун	1) д. Грицковщина, Полоцкий р-н, Витебская обл.
	Перун	2) д. Дривяты (берег озера), Браславский р-н, Витебская обл.
	Перун	3) д. Дубки, Сенненский р-н, Витебская обл.
	Перун	4) д. Калиновая, Глубокский р-н, Витебская обл.
	Дажьбог	5) д. Кременец, Логойский р-н, Минская обл.
	Волос	6) д. Крыжовка, Минский р-н, Минская обл.
	Перун	7) д. Расходно, Сенненский р-н, Витебская обл.
	Перун	8) д. Суша, Лепельский р-н, Витебская обл.
Чертовы камни	Васьков камень, или Чертов камень	1) д. Августово, Воложинский р-н, Минская обл.
	Чертов камень	2) д. Войневичи, Сморгонский р-н, Гродненская обл.
	Чертов камень	3) д. Велец, Глубокский р-н, Витебская обл.
	Чертов камень	4) д. Веркуды/Горы, Ушачский р-н, Витебская обл.
	Великий камень, или Чертов камень	5) д. Горки, Шумилинский р-н, Витебская обл.
	Чертов камень	6) д. Добригоры, Бешенковичский р-н, Витебская обл.
	Чертов камень	7) д. Каменное, Узденский р-н, Минская обл.
	Чертов камень	8) д. Кемяны, Ошмянский р-н, Гродненская обл.

Группы	Названия камней	Географическое местоположение
Чертовы камни	Чертов камень	9) д. Козодой, Сенненский р-н, Витебская обл.
		10) д. Ласица, Поставский р-н, Витебская обл.
		11) д. Лынтупы, Поставский р-н, Витебская обл.
		12) д. Микулино, Полоцкий р-н, Витебская обл.
	Чертовы Жернова, или Чертова Мельница (Чортавы Жорны, Чортаў Млын)	13) д. Осовы, Докшицкий р-н, Витебская обл.
	Чертов камень	14) д. Осташин, Кореличский р-н, Гродненская обл.
		15) д. Петрути, Поставский р-н, Витебская обл.
		16) д. Свериново, Столбцовский р-н, Минская обл.
Камни, связанные с мифологическими персонажами	Асилак	1) д. Белая, Сморгонский р-н, Гродненская обл.
	След девушки Лебедь	2) д. Луково, Малоритский р-н, Брестская обл.
Камни, связанные с христианскими святыми	След св. Николая	1) д. Маяк (б. Дюрдево), Слуцкий р-н, Минская обл.
	След Св. Антония	2) д. Струбница, Мостовский р-н, Гродненская обл.
Камни, связанные с историческими личностями	Камни, связанные с полоцким князем Борисом	1) Борисовы Камни (5 в русле Западной Двины, 2 на суше)
	Камень Адама Мицкевича, или камень Филаретов	2) д. Карчёво, Барановичский р-н, Брестская обл.

Группы	Названия камней	Географическое местоположение
Камни, связанные с историческими личностями	Камень Богушевича, или камень Матея Бурачка	3) д. Кушляны, Сморгонский р-н, Гродненская обл.
	Камень Наполеона	4) д. Мальки, Браславский р-н, Витебская обл.
	На камне обедал Наполеон	5) д. Ражни/Снеги, Миорский р-н, Витебская обл.
	Камень Янки Купалы, или Купаловский камень	6. д. Хоруженцы, Логойский р-н, Минская обл.
	На камне обедала Екатерина Вторая	7. д. Язно, Миорский р-н, Витебская обл.

Цветовые камни

Белый камень	1) д. Белая Дубрава, Костюковичский р-н, Могилевская обл.
	2) д. Ерхи, Вилейский р-н, Минская обл.
	3) д. Суторовщина, Браславский р-н, Витебская обл.
Синий камень	1) д. Березно, Городокский р-н, Витебская обл.
	2) д. Минковичи, Стародорожский р-н, Минская обл.
	3) г. п. Скидель, урочище Синий камень, Гродненский р-н, Гродненская обл.
	4) д. Великий Камень/Синие Горы, Смолевичский р-н, Минская обл.
Бурый камень	1) д. Конюхи, Берестовицкий р-н, Гродненская обл.
Сивой камень	1) д. Михалово, Лепельский р-н, Витебская обл.
	2) д. Ягодки, Ушачский р-н, Витебская обл.

Приложение 6

Перечень существующих сакральных валунов с рукотворными углублениями в Беларуси

№ п/п	№ обр.	Название камня	Местоположение	
			Населенный пункт	Район

Камни с чашеобразными углублениями диаметром до 70 см глубиной от 2 до 15 см

1	1	Девичье блюдо (Дзева блюдас)	Палашки	Вороновский
2	2	Даждзьбог	Кременец	Логойский
3	3	без названия (б/н)	Волковщина	Миорский

Цилиндрические камни с чашеобразными углублениями

4	4	б/н	Вилейка (Куренец)	Вилейский
5	5	б/н	Бенякони	Вороновский
6	6	Жертвенник	Шклянцы	Докшицкий
7	7	б/н	Полацк	Полоцкий
8	8	Жертвенник	Волма	Смолевичский
9	9	Жертвенник (два камня)	Клиновое	Шарковщинский
10	10	Жертвенник	Шчучын	Щучинский

Камни с лунками диам. от 3,0 до 7,5 см и глуб. от 0,5 до 7 см

11	11	б/н	Карейвишки	Островецкий
12	12	Мартин	Лайбуны	Браславский
13	13	б/н	Пашевичи	Браславский
14	14	В Придатках	Сиповичи	Браславский
15	15	б/н	Старое Дворище	Браславский
16	16	б/н	Урбаны	Браславский
17	17	б/н	Брест	Брестский
18	18	б/н	Баровцы	Вилейский
19	19	б/н	Вязынь	Вилейский
20	20	Большой	Дворец	Вилейский
21	21	Воротишин крест	Камено	Вилейский
22	61	б/н	Камено	Вилейский
23	22	б/н	Канстамполь	Вилейский
24	23	Перун	Мишуты	Вилейский
25	24	б/н	Утки	Вилейский
26	50	б/н	Савино	Вилейский
27	51	Язэпов камень	Грицуки	Вилейский

САКРАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВАЛУНЫ БЕЛАРУСИ

Порода	Размеры в м			Кол-во ямок
	Длина	Ширина	Высота	
Гранит мелкозернистый	1,3	0,93	0,45	3
Гранито гнейс	1,1	0,75	0,4	5
Гранит рапакиви	4,4	4,3	1,0	1
Гранит среднезернистый	0,32	0,32	0,17	1
Гранит мелкозернистый	0,6	0,6	0,3	1
Гранит рапакиви Граніт рапаківі	0,8	0,47	0,3	1
Гранит	1,0	1,0	0,5	1
Гранит порфировидный	0,9	0,9	0,7	1
Гранит мелкозернистый	0,46	0,25	0,13	2
	0,36	0,36	0,15	1
Гранит крупнозернистый	0,75	0,65	0,55	1
Гранит мелкозернистый	1,5	1,42	0,75	20
Гранит рапакиви	4,1	3,3	0,8	2
Гранит рапакиви	1,5	0,8	0,4	11
Гранит мелкозернистый	3,9	2,7	1,4	1
Гранит мелкозернистый	3,8	2,2	0,5	7
Гранит мелкозернистый	0,8	0,5	0,3	3
Гранит	0,26	0,26	0,14	26
Гранит мелкозернистый	1,2	0,8	0,68	3
Гранит мелкозернистый	2,2	1,5	1,5	2
Гранит крупнозернистый	3,1	2,1	1,9	13
Гранит среднезернистый	3,7	3,5	2,1	2
Гранит среднезернистый	3,1	2,2	0,5	2
Гранит рапакиви	3,0	2,5	0,5	49
Гранит рапакиви	4,7	3,0	1,5	84
Гранит порфировидный	2,0	1,7	1,35	10
Гранит порфировидный	1,4	1,36	0,67	8
Гранит-порфир	1,78	2,25	1,5	13

№ п/п	№ обр.	Название камня	Местоположение	
			Населенный пункт	Район
28	52	б/н	Котловцы	Вилейский
29	53	б/н	Стеберяки	Вилейский
30	54	б/н	Студёнка (Кузьмичи)	Вилейский
31	55	б/н	Студёнка у леса	Вилейский
32	56	б/н	Студёнка в деревне	Вилейский
33	57	б/н	Бильцевичи	Вилейский
34	58	б/н	Цинцевичи	Вилейский
35	59	б/н	Цинцевичи	Вилейский
36	60	б/н	Есьмановцы	Вилейский
37	25	Будревичев	Ремзы	Вороновский
38	26	Большой	Ремзы (взорван)	Воронѳвский
39	27	Перун	Товкине	Вороновский
40	28	Чертов	Велец	Глубокский
41	29	б/н	Вострава	Зельвенский
42	30	Большой	Галынка	Зельвенский
43	31	б/н	Довнары	Ивьевский
44	32	б/н	Забалотье	Ивьевский
45	33	б/н	Уртишки	Ивьевский
46	34	б/н	Дайнова	Лидский
47	35	Большой	Дорогляны	Мостовсий
48	36	Седловой	Занарочь	Мядельский
49	37	Большой	Юшковичи	Мядельский
50	38	Большой	Литовка	Новогрудский
51	39	б/н	Бол. Кракотка	Слонимский
52	40	Большой	Баличи	Щучинский
53	41	Большой	Василишки	Щучинский
54	42	Большой	Заречье	Щучинский
55	43	Большой	Зеневцы	Щучинский

Камень с ямками неправильной формой диаметром от 7,5 до 15,0 см и глубиной от 5 до 15 см

56	44	Бронзовский	Алянава	Воложинский
57	45	Божий следок	Кудиновичи	Копыльский
58	46	Рябиновый	Нов. Волосовичи	Лепельский
59	47	Большой	Гули	Мядельский
60	48	Дзюравы (Дырявый)	Каптаруны	Поставский
61	49	Большой	Слободка	Ушачский

САКРАЛЬНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВАЛУНЫ БЕЛАРУСИ

Порода	Размеры в м			Кол-во ямок
	Длина	Ширина	Высота	
Гранит порфировидный	3,5	2,8	0,9	18
Гранит рапакиви	3,25	2,75	0,8	14
Гранито-гнейс	2,25	1,5	0,8	12
Гранит рапакиви	2,6	1,85	1,2	3
Гранит пегматитовый	2,1	2,0	0,7	2
Гранит рапакиви	2,0	1,2	0,4	6
Гранит порфировидный	1,85	1,55	1,1	5
Гранит порфировидный	1,8	1,45	0,9	8
Гранит рапакиви	2,15	1,95	1,15	2
Гранит пегматитовый	3,3	2,0	1,37	5
Гранит мелкозернистый	5,3	3,8	1,1	6
Гранит мелкозернистый	4,1	3,9	1,2	4
Гранит рапакиви	3,7	1,8	0,8	33
Гранит пегматитовый	2,0	1,5	1,3	12
Гранит пегматитовый	3,4	2,8	0,6	3
Гранит рапакиви	2,3	1,5	1,0	2
Гранит порфировидный	2,2	1,6	1,8	4
Гранит пегматитовый	1,4	1,0	0,7	2
Гранит	2,45	1,8	1,15	13
Гранит пегматитовый	2,4	1,7	0,85	12
Гранит мелкозернистый	4,0	3,2	1,0	8
Гранит крупнозернистый	3,4	2,7	1,0	3
Гранит среднезернистый	2,7	2,4	1,6	2
Гнейс	3,4	2,0	1,53	5
Гнейс	4,1	2,0	1,5	31
Гранит крупнозернистый	4,9	3,0	1,7	2
Гранит рапакиви	3,3	2,2	2,2	33
Гранит рапакиви	4,7	3,0	2,1	25

Гранито-гнейс	4,8	3,5	2,2	1
Гранит рапакиви	4,3	3,1	0,9	1
Гранит крупнозернистый	6,5	3,5	2,5	1
Гранит среднезернистый	3,6	3,3	1,6	1
Гранит порфировидный	2,5	1,6	1,2	1
Гранит рапакиви	3,8	1,7	0,9	1

Приложение 7

75 сакральных камней — особо охраняемых природных, а также представляющих историко-культурную ценность (ИКЦ), объектов Беларуси (состояние на 1.04.2016 г.)

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
1.	Большой (Чертов) камень шумилин- ский (11,0 × 5,6 × 3,0)	Гранит рапакиви
2.	Чертов (Портной) камень сенненский (10,2 × 6,0 × 2,7) — ИКЦ	Гранит рапакиви розовато- красный — полевые шпаты 2–6 см
3.	Большой камень пугачевский (8,0 × 7,0 × 1,3)	Гранит рапакиви
4.	Большие камни узденские (7,0 × 3,5 × 1,8; 5,3 × 3,5 × 2,4)	Гранит лейкократовый
5.	Большой камень хоробровский (6,6 × 5,4 × 2,7+1,5*; 4,6 × 3,6 × 1,7)	Гранит серовато-розовый финский
6.	Тарелковый камень язенский (6,3 × 5,1 × 1,25+1,9)	Гранит пегматитовый и гнейс с гранатом
7.	Валуны шавекские (6,0 × 4,1 × 3,0 и 3,3 × 2,0 × 1,0)	Гранит рапакиви красно- бурый — п.шп. 3–5 см — выборгит
8.	Гомсин камень курунецкий, местн. (5,9 × 5,0 × 2,0)	Мигматит серый плотный мелкозернистый
9.	Большой камень хортовский (5,7 × 4,9 × 2,0)	Гранит рапакиви розовато- бурый — п.шп. 1–5 см
10.	Мурованый (Большой) камень (5,7 × 3,2 × 1,7)	Гнейс темно-серый
11.	Чертов камень ратынский (5,4 × 4,7 × 3,4)	Гранит рапакиви красно- бурый — п.шп. 8–12 см

* Здесь и ниже — камни с двумя вершинами.

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Витебская, Шумилинский, 0,5 км западнее д. Горки, 1 км восточнее д. Данилово, 2,5 км севернее д. Любичи, 7,0 км южнее – юго-западнее с/с д. Добея	55°11'32" 29°29'19"
Витебская, Сенненский, 0,54 км западнее центральной улицы д. Воронино в долине р. Оболянка, 3,6 км северо-западнее д. Рясно, 11,4 км юго-восточнее с/с д. Немойта	54°39'30" 29°52'23"
Гродненская, Щучинский, в центре д. Пугачи, 4,4 км западнее с/с д. Бакшты	53°48'00" 24°36'40"
Минская, Узденский, 0,12 км севернее – северо-восточнее д. Каменное, 2,75 км северо-западнее д. Воротище	53°22'27" 27°10'27"
Витебская, Верхнедвинский, дд. Барсуки, Юстияново в 3 км южнее нового моста через Зап. Двину, напротив первого острова от Верхнедвинска вверх по реке	55°42'32" 27°56'10"
Витебская, Миорский, д. Язно 0,5 км южнее центральной площади и церкви (ул. Юбилейная, д. 24 – на участке В. И. Войтехович)	55°25'08" 28°09'38"
Витебская, Шумилинский, в центре д. Шавеки на территории усадьбы Н. К. Карповой, среди плоской озёрно-ледниковой низины правого берега р. Оболь	55°34'06" 29°33'08"
Минская, Вилейский, на северо-восточной окраине д. Куренец, 0,15 м восточнее дороги в д. Любань, 7,5 км севернее – северо-восточнее г. Вилейка	54°33'28" 26°57'09"
Витебская, Городокский, в 0,6 км северо-восточнее д. Володарка (бывш. д. Хортово) в 0,4 км западнее обводной дороги Витебск-Езерище на пашне, 5 км юго-западнее с/с д. Пальминка, 8 км юго-восточнее г. Городок	55°24'59" 30°05'20"
Гродненская, Островецкий, 0,5 км севернее д. Селище на пашне, 11,5 км севернее – северо-западнее с/с д. Гудогай, 11 км северо-западнее г. Островец	54°41'27" 25°51'01"
Минская, Воложинский, на северном борту моренной гряды в лесу в 1 км южнее южной окраины д. Ратынцы, 7 км юго-западнее с/с д. Раков, 33 км юго-восточнее г. Воложин	53°56'05" 26°57'57"

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
12.	Баранишкинский камень гуденятский, местн. (5,3 × 3,8 × 1,0)	Гранит рапакиви — п.шп. 3–7 см — выборгит
13.	Габрусёв камень (5,2 × 3,6 × 1,7)	Гранит крупнозернистый серый
14.	Каменные Волы мозырские, местн. (5,2 × 3,0 × 2,0 и 2,5 × 1,8 × 1,3)	Гранит рапакиви
15.	Большой камень василишкинский с ямками (4,9 × 3,0 × 1,7)	Гранит крупнозернистый розовый
16.	Бразовский камень оляновский, местн. (4,8 × 3,5 × 2,2)	Гранито-гнейс темно-серый
17.	Чертов камень заборский (4,7 × 3,3 × 1,8)	Гранит рапакиви
18.	Валун зеневский с ямками (4,7 × 3,0 × 2,1)	Гранит рапакиви — п.шп. 2–6 см
19.	Большой камень мишутский с ямками, местн. (4,7 × 3,0 × 1,5)	Гранит рапакиви буровато-серый — п.шп. 2–9 см
20.	Чертов камень шкленниковский (4,6 × 3,7 × 0,8)	Гранит порфировидный среднезернистый
21.	Камень любви (4,6 × 3,4 × 1,0)	Гнейс серый, полосчатый

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Гродненская, Ивьевский, 0,1 км северо-восточнее моста через мелиоративный канал урочище Баранишки, 0,15 км западнее юго-западной окраины д. Гуденяты и севернее дороги в д. Лаздуны, 10 км западнее – северо-западнее с/с д. Бакшты	53°58'10" 26°02'15"
Витебская, Глубокский, д. Шуневцы — 50 м западнее хозяйственных построек в границах территории усадьбы П. Г. Изаидко	55°09'20" 27°38'00"
Гомельская, Мозырский, д. Бибики, с/с д. Криничный	51°58'53" 29°19'20"
Гродненская, Щучинский, южная окраина д. Василишки (центр с/с), 20 км севернее – северо-восточнее г. Щучин, 20 км восточнее с/с д. Острино, на северном склоне моренной гряды	53°46'27" 24°50'54"
Минская, Воложинский, 0,4 км южнее д. Оляново на западном склоне флювиогляциальной гряды на поле, 6 км западнее – северо-западнее с/с д. Подберезье, 7 км западнее – северо-западнее г. Воложин	54°13'03" 26°12'07"
Витебская, Сенненский, 0,8 км западнее д. Заборье на северном склоне моренного холма, 4 км северо-западнее с/с д. Немойтово, 4,5 км южнее – юго-восточнее г. Сенно	54°46'01" 29°42'35"
Гродненская, Щучинский, 0,2 км от северной окраины д. Зеневцы и 0,2 км юго-восточнее картофелехранилища, 1,2 км восточнее д. Большое Можейково, 16 км северо-восточнее г. Щучин, рядом с лесом у дороги на д. Аленковцы	53°41'30" 24°58'20"
Минская, Вилейский, 0,5 км западнее – северо-западнее д. Мишуты, 0,65 км южнее дороги Вилейка-Сморгонь, 3,5 км западнее д. Русское Село, 7 км западнее – юго-западнее с/с д. Нарочь, 18,5 км западнее – северо-западнее г. Вилейка	54°32'18" 26°37'21"
Минская, Мядельский, 1,0 км южнее д. Шкленники и 350 м севернее автодороги Кривичи-Мядель, 4 км северо-западнее с/с д. Сватки, 12 км юго-восточнее г. Мяделя	54°46'55" 27°03'15"
Минская, Минский, 1,5 км северо-восточнее д. Большая Воловщина, 2,8 км северо-западнее д. Подгорное (ул. Васильковская), 5 км южнее г. Заславль	53°57'06" 27°15'31"

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
22.	Валун с надписью струстовский (4,5 × 4,4 × 1,5)	Гранит рапакиви
23.	Бертовщинский большой камень (4,4 × 4,3 × 1,0)	Гранит рапакиви — п.шп. 2–11 см
24.	Перун камень полоцкий (4,3 × 3,5 × 1,0)	Гнейс серый слоистый
25.	Валун калинецкий — Чертов камень ричевский (4,2 × 3,4 × 1,9)	Гранит порфировидный
26.	Пузовичский большой камень (с кладом) (4,2 × 2,5 × 1,0)	Гранито-гнейс
27.	Перунов (большой) камень товкинский с ямками (4,1 × 3,9 × 1,0)	Гранит розовый мелкозернистый
28.	Расколотый камень альбертинский (4,1 × 3,8 × 2,8 и 4,0 × 2,2 × 2,2)	Гранито-гнейс
29.	Мартин камень brasлавский (4,1 × 3,3 × 0,8)	Гранит рапакиви
30.	Невестин камень (4,1 × 3,1 × 2,2)	Гранит рапакиви розовый — п.шп. 2–4 см
31.	Филаретов камень (4,1 × 3,0 × 1,9)	Гранит рапакиви
32.	Валун баличский с ямками (4,1 × 2,0 × 1,5)	Гнейс серый слоистый
33.	Перун камень расходненский (4,0 × 3,8 × 2,7)	Гранит рапакиви

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Витебская, Браславский, 1 км севернее д. Струсто и в 100 м севернее залива оз. Струсто, 14 км южнее с/с д. Плюсы	55°42'00" 26°59'45"
Витебская, Миорский, 1,5 км восточнее д. Волковщина, 50 м южнее дороги Липовый остров — д. Дегтяры, между озерами Безымянное и Черное, урочище Бертовщина	55°32'45" 27°27'35"
Витебская, Полоцкий, 1,2 км южнее д. Грицковщины, урочище Круковщина на северо-западном склоне небольшой моренной грядки, с/с д. Вороничи	55°21'43" 28°36'54"
Витебская, Браславский, на северо-восточном склоне моренной гряды на острове Калинец оз. Ричи, напротив мыса «Каменная, или Чертловая дорога», 0,9 км севернее д. Анисимовичи	55°42'00" 26°41'00"
Витебская, Браславский, 0,7 км южнее д. Пузовичи и 0,3 км юго-восточнее автодороги Браслав-Опса, 5 км северо-восточнее с/с д. Опса	55°33'50" 26°52'55"
Гродненская, Вороновский, на западной окраине д. Товкине, 2,5 км западнее д. Жирмуны	54°01'15" 25°10'45"
Гродненская, Слонимский, г. Слоним, Альбертинское лесничество, квартал 47	53°05'28" 25°26'18"
Витебская, Браславский, 1,5 км северо-западнее д. Лайбуны, северный склон моренной гряды на краю поля, 3,5 км юго-восточнее с/с г. п. Видзы	55°23'00" 26°40'30"
Гродненская, Ошмянский, 0,1 км южнее автодороги Минск-Ошмяны в овраге «Рамбовский», 1,0 км западнее д. Огородники, с/с д. Навасёлки, 5,4 км юго-восточнее г. Ошмяны	54°24'47" 26°02'12"
Брестская, Барановичский, 0,95 км северо-западнее ул. им. Мицкевича (азимут 321,69°) д. Карчово, в овраге	53°22'25" 26°06'42"
Гродненская, Щучинский, 20 м севернее дороги в д. Подбобры, на пашне, 0,5 км севернее д. Баличи, 10 км южнее г. Щучин, 3,5 км юго-восточнее с/с д. Рожанка	53°30'48" 24°45'14"
Витебская, Сенненский, д. Расходно	54°42'10" 29°44'30"

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
34.	Чертов (Призрак) камень соболевский (4,0 × 3,3 × 1,2)	Гранит рапакиви — п.шп. 4–8 см
35.	Большой камень секаровский со знаком (4,1 × 3,4 × 3,2)	Гранит лейкократовый
36.	Седловой камень занарочанский с ямками (4,0 × 3,2 × 1,0)	Гранит мелкозернистый розовато-серый
37.	Чертов камень, или камень-сапожник (4,0 × 3,1 × 2,1) — ИКЦ	Гранит среднезернистый биотитовый
38.	Котов камень кевловский (4,0 × 2,7 × 1,4) — ИКЦ	Гранит рапакиви красно-розовый с п.шп. 2–5 см
39.	Валун сиповичский с ямкой (3,9 × 2,7 × 1,4)	Гранит
40.	Чертов (Васьков) камень воложинский (3,8 × 3,2 × 1,7)	Сиенит лейкократовый
41.	Шаповаловский камень с кладом, местн. (3,8 × 2,6 × 1,0)	Гранит
42.	Валун стародворицанский с ямками (3,8 × 2,2 × 0,5)	Гранит
43.	Большой камень «Воротишин Крест», местн. (3,7 × 3,5 × 2,1) — ИКЦ	Гранит розовый, среднезернистый
44.	Мартин камень щучинский (3,7 × 2,9 × 1,8)	Гнейс серый
45.	Чеслав камень (3,7 × 2,9 × 0,5)	Гранит рапакиви — п.шп. 3–5 см
46.	Чертов камень велецкий (3,7 × 1,9 × 0,8)	Гранит рапакиви — п.шп. 2–9 см
47.	Вол каменный кузьмичевский (3,6 × 2,3 × 1,6)	Гранит розовый порфировидный

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Витебская, Поставский, д. Соболки	55°04'15" 26°16'20"
Гродненская, Ошмянский, д. Секеровцы	54°22'40" 25°53'30"
Минская, Мядельский, 0,1 км юго-восточнее д. Занарочь, 300 м южнее автодороги д. Брусы-Нарочь на пашне, центр с/с, 14 км юго-западнее г. Мядель	54°47'41" 26°47'26"
Минская, Воложинский, юго-западная окраина д. Камень, 60 м северо-восточнее автодороги Ивенец-Держиново рядом с механизированным двором, 6 км юго-западнее п. с. Ивенец, 26,5 км южнее – юго-западнее г. Воложин	53°51'37" 26°39'04"
Гродненская, Сморгонский, 2 км южнее юго-западнее д. Кевлы на западном склоне конечноморенного холма, 3,5 км севернее с/с в. Синьки, 10 км севернее – северо-западнее г. Сморгонь	54°22'45" 26°27'00"
Витебская, Браславский, 0,3 км юго-западнее д. Сиповичи, 1,3 км восточнее д. Старое Дворище и 100 м севернее канала, 8,5 км северо-восточнее с/с г. п. Видзы	55°25'30" 26°45'00"
Минская, Воложинский, д. Августиново	54°07'30" 26°29'20"
Гродненская, Ошмянский, д. Шаповалы	54°19'20" 26°04'10"
Витебская, Браславский, 0,4 км юго-восточнее д. Старое Дворище на пашне, 1 км западнее д. Сиповичи, 7 км северо-восточнее с/с г. п. Видзы	55°26'00" 26°44'00"
Минская, Вилейский, д. Каменное	54°31'50" 27°30'05"
Гродненская, Щучинский, на краю поля 0,9 км северо-восточнее д. Кузьмы, 7 км восточнее – северо-восточнее д. Демброво, 12 км западнее – северо-западнее г. Щучин	53°39'05" 24°33'35"
Витебская, Вороновский, д. Большие Довгялы	54°09'45" 25°09'25"
Витебская, Глубокский, 1,2 км юго-западнее оз. Волос и в 1 км юго-западнее д. Велец, урочище «Лужок» на моренной гряде с термокарстовой западиной	55°15'40" 27°54'10"
Минская, Вилейский, д. Кузьмичи	54°36'25" 26°57'20"

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
48.	Чертов камень осташинский (3,6 × 2,1 × 0,9)	Гранит рапакиви розо- вый — п.шп. 1–3 см
49.	Борисов камень полоцкий (3,5 × 2,6 × 2,3) — ИКЦ	Гранит рапакиви красно- бурый крупнозернистый — п.шп. 2–7 см
50.	Козий камень ядвиговский (3,5 × 3,0 × 2,4)	Гранит пегматитовый крупнозернистый серовато-розовый
51.	Чертов камень brasлавский и гр. валунов (3,4 × 3,1 × 2,2)	Мигматит
52.	Коровин камень brasлавский (3,4 × 2,8 × 2,2)	Гранит
53.	Валун зареченский с ямками (3,3 × 2,2 × 2,2)	Гранит рапакиви светло- розовый п.шп. 2–9 см
54.	Большой камень юшковичский с ямками (3,4 × 2,7 × 1,0)	Гранит крупнозернистый
55.	Камень с лунками кратотский (3,3 × 2,0 × 1,5)	Гнейс серый мелкозерни- стый
56.	Будревичевский камень вороновский с ямками (3,3 × 2,0 × 1,4)	Гранит пегматитовый розовый
57.	Чертов камень, или Божий След якубянский (3,2 × 1,7 × 1,4)	Гранит рапакиви
58.	Большой камень дворецкий с ямками, местн. (3,1 × 2,1 × 1,9)	Гранит серый крупнозер- нистый
59.	Каменные Быки иканские (3,0 × 1,8 × 1,9 и 2,4 × 1,4 × 1,9) — ИКЦ	Гранит

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Гродненская, Кореличский, д. Осташин	53°27'30" 26°10'35"
Витебская, Полоцкий, г. Полоцк, у Софийского собора на берегу р. Зап. Двины	55°29'10" 28°45'36"
Гродненская, Сморгонский, д. Ядвигово на восточной части хутора Приготских рядом с пашней, 6 км западнее с/с д. Крево, 23,5 км юго-западнее г. Сморгонь	54°18'28" 26°11'55"
Витебская, Браславский, на берегу оз. Богдановское в урочище «Задворцы» и 0,8 км севернее д. Богданово, 10 км восточнее с/с д. Далёкие	55°21'00" 27°01'30"
Витебская, Браславский, 0,3 км восточнее – северо-восточнее д. Чернишки, на северном берегу оз. Струсто, почти у самой воды, 11 км южнее с/с д. Плюсы	55°43'00" 27°02'10"
Гродненская, Щучинский, 0,3 км восточнее пруда у дороги в д. Поплово, 0,5 км южнее – юго-восточнее южной окраины д. Заречье, 6 км на западнее – юго-западнее г. Щучин	53°34'58" 24°38'41"
Минская, Мядельский, 0,1 км северо-западнее дороги, ведущей к трассе Мядель-Лотва, на лугу у ручья, 0,9 км юго-западнее д. Юшковичи, пос. с. Мядельский	54°56'17" 26°55'44"
Гродненская, Слонимский, д. Великая Краютка	53°01'15" 24°58'55"
Вороновский, д. Ремзы, в 500 м северо-западнее западной окраины, 4,5 км западнее д. Заболоть	53°55'30" 24°43'10"
Витебская, Браславский, в лесу на юго-западном склоне моренной гряды у лесной дороги в 1,5 км юго-западнее д. Якубянцы и 2 км западнее д. Булавишки	55°44'00" 27°00'00"
Минская, Вилейский, д. Дворец	54°40'15" 26°43'56"
Минская, Борисовский, д. Иканы	54°29'50" 28°13'30"

№	Наименование объекта, в скобках длина × ширина × высота в м	Состав породы
60.	Большой камень тупальщинский, местн. (3,0 × 1,7 × 1,7)	Гранит светло-розовый — п.шп. 0,1–1,0 см
61.	Камень следовик думаришкинский (2,9 × 1,6 × 0,5)	Гранит светло-розовый мелкозернистый
62.	Большой камень литовский со знаками и лунками (2,7 × 2,4 × 1,6)	Гранит розовато-серый среднезернистый
63.	Князь-камень борисовский (2,7 × 2,2 × 1,95)	Гранит
64.	Валун Богушевича (с надписью) (2,6 × 1,3 × 1,2)	Гранит трахитоидный
65.	Чертов (большой) камень хмелевский (2,5 × 2,1 × 1,7)	Гранит среднезернистый
66.	Святой (Дырявый) камень каптарун- ский (2,4 × 1,8 × 1,0)	Гранит порфировидный серовато-розовый
67.	Камень любецкий с ямками, местн. (2,0 × 1,7 × 1,3)	Гранит серый порфиро- видный
68.	Большой камень с ямками побоевский (2,4 × 1,7 × 0,8)	Гранит пегматитовый крупнозернистый
69.	Валун довнарский с ямками, местн. (2,3 × 1,5 × 1,0)	Гранит рапакиви — п.шп. 3–5 см
70.	Валун заболотский с ямками, местн. (2,2 × 1,6 × 1,8)	Гранит порфироподоб- ный — п.шп. 1,5–3,0 см
71.	Святой камень сенежичский (1,7 × 1,4 × 0,5) — ИКЦ	Гранит розовато-серый мелкозернистый
72.	Валун пашевичский с ямками (1,5 × 1,0 × 0,3)	Гранит рапакиви
73.	Камень-следовик мокасичский (1,4 × 0,9 × 0,6)	Мигматит
74.	Валуны бикуньничские — сакральное (языческое) святилище Яново	Гранит рапакиви (94 валуна)
75.	Скопление валунов «Парк Камней» (6,5 га)	2135 шт. разного состава и размера

Местонахождение объектов: область, район, населенный пункт	Координаты: долгота, широта
Гродненская, Сморгонский, 0,2 км юго-восточнее д. Ошмянец, урочище Тупольщина на южном склоне песчаного конечно-моренного холма — борта долины р. Виляя, 5 км северо-западнее с/с д. Жодишки, 19,5 км севернее г. Сморгонь	54°39'50" 26°24'00"
Витебская, Браславский, д. Думаришки	55°50'49" 27°08'19"
Гродненская, Новогрудский, д. Литовка	53°38'20" 25°50'15"
Минская, Борисовский, д. Иканы	54°31'30" 28°14'10"
Гродненская, Сморгонский, д. Кушляны	54°25'30" 26°31'20"
Брестская, Малоритский, д. Хмелёвка	51°45'31" 23°50'30"
Витебская, Поставский, д. Каптаруны	55°06'30" 26°14'40"
Минская, Вилейский, д. Утки	54°38'45" 26°45'00"
Гродненская, Мостовский, д. Дорогляны	53°30'30" 24°09'10"
Гродненская, Ивьевский, 1,0 км юго-западнее д. Довнары, на северном откосе дороги в д. Осигиры, 7 км северо-западнее с/с д. Бакшты	53°57'52" 26°05'25"
Гродненская, Ивьевский, на южной окраине д. Заболотье, 7 км западнее с/с д. Липнишки, 22 км северо-западнее г. п. Ивье	54°00'05" 25°29'47"
Гродненская, Новогрудский, д. Сенежицы	53°32'35" 25°57'10"
Браславский, 1 км севернее д. Пашевичи и 0,2 км восточнее берега оз. Дрисвяты в лесу	55°31'40" 26°38'40"
Минская, Воложинский, д. Мокасици	53°55'10" 26°52'00"
Полоцкий, 0,1 км южнее берега оз. Яново, на северном слоне мыса Плоский Рог, урочище «Камни», 0,5 км юго-восточнее д. Биккульничи	55°17'00" 28°41'00"
г. Минск, в квартале улиц Шугаева, Россиянова и Академика Купревича	53°55'00" 27°54'00"

**Список деревень, возле которых отмечены валуны,
связанные с легендами про окаменевших людей**

№ объ- екта	Местоположение		№ объ- екта	Местоположение	
	Деревня	Район		Деревня	Район
<i>Группа 1. Женщины</i>			<i>Группа 3. Свадьба</i>		
а) девушки			(продолжение)		
1	Боровое	Лельчицкий	22	Збяны	Лидский
2	Глушковичи	Лельчицкий	23	Новосёлки	Волковысский
3	Данилевичи	Лельчицкий	24	Налибоки и Теляхи	Столбцовский
4	Климово	Толочинский	25	Дубовцы	Волковысский
5	Каменка	Себежский р-н (Псковщина, Россия)	26	Каменка и Могильница	Новогрудский
б) женщины			<i>Группа 4. Семья</i>		
6	Галошево	Толочинский	27	Пережир	Пуховичский
7	Клепачи	Слонимский	28	Гумны	Крупский
8	Гончары	Лидский	<i>Группа 5. За работу в праздники и др.</i>		
9	Петревичи	Новогрудский	29	Гурины и Бибики*	Мозырский
в) женщины с ребенком / детьми			30	Лозовичи	Несвижский
10	Дубени	Борисовский	31	Крынки	Осиповичский
11	Деревная	Слонимский	32	Волы и Быко- вичи	Березинский
12	Хорошевичи	Слонимский	33	Волковичи	Новогрудский
13	Туличево	Новогрудский	34	Головли	Дятловский
14	Ягодки	Ушачский	35	Рачень	Любанский
15	Налибоки	Столбцовский	36	Клесин	Вилейский
<i>Группа 2. Мужчины</i>			37	Боханы и Варноутол	Столбцовский
16	Березовщина*	Борисовский	38	Кузьмичи*	Вилейский
17	Горки	Червенский	39	Саковичи	Вилейский
18	Дулебы	Березинский	40	Знаменка	Крупский
19	Красники	Докшицкий	41	Селище и Заболотье	Крупский
<i>Группа 3. Свадьба</i>			42	Куренец*	Вилейский
20	Тоболичи и Козлы	Щучинский	43	Доманово	Воложинский
21	Деречин	Зельвенский	44	Рожаны	Солигорский

* Валуны — памятники природы.

ЛИТЕРАТУРА

Архіў Этна-гістарычнага цэнтра «Явар» (захавальнікі Л. У. Дучыц, І. Я. Клімковіч) № 13, 18, 28, 49, 51, 62, 66, 123, 126, 153.

Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк. Гродно, 1895.

Валодзіна Т. В. З вопыту даследавання матыву абування/апанання ў паданнях пра камяні // Палявая фалькларыстыка і этналогія: даследаванне лакальных культур Беларусі / Уклад. І. Ю. Смірновой; пад навук. рэд. В. А. Лабачэўскай. Мінск, 2008. С. 87–93.

Ванкель Г. Эратический валун с финикийской надписью, найденный близ Смоленска, в России // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 47–54.

Вінакураў В. і інш. Культавыя валуны са штучнымі паглыбленнямі на Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 18. Мінск, 2003. С. 231–251.

Вінакураў В. і інш. Валуны-жывёлы // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 19. Мінск, 2004. С. 257–264.

Вінакураў В. і інш. Камяні-гойбіты // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 20. Мінск, 2005. С. 190–202.

В-т. Аб камянях-краўцах // Крывіч. № 6. 1923. С. 46–47.

Гарбуль А. Скарбы сівых валуноў. Паставы, 2002.

Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь (складальнікі Абламскі В. Я., Чарняўскі І. М., Барысюк Ю. А.). Мінск, 2009.

Дондуков-Корсаков А. М. Древний памятник «Волчьего Хвоста» в стране Радимичей // Полоцко-Витебская старина. Вып. III. Витебск, 1916. С. 35–45.

Дучыц Л. У. Барысавы камяні (гістарыяграфічны агляд) // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. № 4. Мінск, 1985. С. 69–73.

Дучыц Л. У. З гісторыі вывучэння культавых камянёў Беларусі // Весці АН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. № 1. Мінск, 1995. С. 66–70.

Дучыц Л. У. Камяні-следавікі Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 9. Мінск, 1996. С. 133–141.

Дучыц Л. Крыўска-літоўска-латышскія паданні пра культавыя камяні // Druvis–2005. № 1. С. 117–121.

Дучыц Л. і інш. Валуны, з якімі звязаны паданні аб акамянелых людзях // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 22. Мінск, 2006. С. 245–254.

Дучыц Л. У. Камяні-«краўцы» і камяні-«шаўцы» // Палявая фалькларыстыка і этналогія: даследаванне лакальных культур Беларусі (уклад І. Ю. Смірновой, пад навук. рэд. В. А. Лабачэўскай). Мінск, 2008. С. 69–86.

Дучыц Л., Клімковіч І. Сакральная геаграфія Беларусі. Мінск, 2011.

Дучыц Л. У., Клімковіч І. Е. Прыродныя сакральныя аб'екты (камяні, дрэвы, крыніцы) у храмах // Традыцыі і культурны стан культуры і мастацтваў. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (20–21 лістапада 2014 г., г. Мінск). Мінск, 2015. С. 343–346.

Зайковский Э. Предания о языческих культовых памятниках Беларуси и археология // *Kulturas krustpunkti*. 3. Laidiens. Riga, 2006. L. 163–182.

Зайцаў А. Сакральная геаграфія Вілейшчыны (паганскія культавыя помнікі Вілейшчыны) // *Культурный ландшафт Вілейшчыны*. Мінск, 2004. С. 64–73.

Зайцев А. П. Историческая и мифологическая семантика «ямочных камней» // *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтва*. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (28–29 лістапада 2013 г., г. Мінск). У двух частках. Ч. 2. Мінск, 2014. С. 320–327.

Карабанў А. і інш. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск, 2011.

Киркор А. Г. Этнографический взгляд на Виленскую губернию // *Этнографический сборник, издаваемый Императорским Русским географическим обществом*. Вып. III. СПб., 1858. С. 115–276.

Климкович И. Е. Инфернальные явления на местах, где по легендам спрятаны «проклятые» сокровища // *Таинственная Беларусь: материалы конференции* (25 января 2015 г., г. Минск). Минск, 2015. С. 51–64.

Лайроўскі Л. Вараскі надпіс на камені ў межах Беларусі // *Запіскі Аддзела гуманітарных навук*. Т. 2. Кн. 9. 1929. С. 293–296.

Ледавіковыя валуны Беларусі: Эксперыментальная база вывучэння валуноў. Мінск, 1993.

Ляўкоў Э. А. Маўклівыя сведкі мінуўшчыны. Мінск, 1992.

Ляўкоў Э. і інш. Чортавы камяні // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 11. Мінск, 1997. С. 151–156.

Михайловский Е. Археологический очерк Слонимского уезда Гродненской губернии // *Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX археологического съезда*. Вильна, 1893. С. 165–186.

Мялешка М. Камень у вераваннях і паданнях беларуса // *Запіскі аддзела гуманітарных навук: Працы катэдры этнаграфіі*. Т. 1. Кн. 4. Мінск, 1928. С. 155–182.

Описание церквей и приходов Минской епархии. Борисовский уезд. Минск, 1879.

Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып. II Народная проза беларусаў Падзвіння. У дзвюх частках. Ч. 1. Наваполацк, 2011.

Прохоров А. О камнях из деревни Стеберики // *Культурны ландшафт Вілейшчыны: Матэрыялы рэгіянальнай навукова-практычнай канферэнцыі* (Вілейка. 26–27 ліпеня 2003 г.). Мінск, 2014. С. 108–117.

Путевые заметки стольника П. А. Толстого о Могилевской губернии в 1697–1699 гг. // *Сборник статей Могилевских губернских ведомостей*. Вып. 1. 1898 и 1899. Могилев, 1900. С. 1–7.

Соловьевич Н. Выдержки из летописи Песочанской церкви Игуменского уезда // *Минские епархиальные ведомости*. 1869. № 9. С. 263–270.

Струков Д. М. Альбом рисунков, 1864–1867. (Изоматериал) / Под науч. ред. О. Д. Баженовой. Минск, 2011.

Татур Г. Археологическое значение Минской губернии // Памятная книжка Минской губернии на 1878 г. Ч. 2. Минск, 1878. С. 108–122.

Швед І. А. «Міфапаэтычная этыялогія» каменя ў беларускім фальклоры // Весті НАН. Серыя гуманітарных навук. № 1. 2015. С. 72–76.

Шыдлоўскі К. С. Валуны Браслаўшчыны як помнікі геалогіі і этнаграфіі: з гісторыі выяўлення і даследавання // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). Зборнік навуковых прац рэспубліканскага навукова-практычнага семінара (20–21 лістапада 2008 г.). Наваполацк, 2009. С. 279–287.

Янчук Н. По Минской губернии (Записки из поездки в 1886 году) // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Кн. 9. Вып. 1. Т. 61. М., 1889. С. 57–112.

Chlebowski B., Sulimierski F., Walewski W. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. II. Warszawa, 1881. S. 629–630.

Jel A. Święta Górka // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XI. Warszawa, 1890. S. 690.

Halicka A. Materiały do charakterystyki petrograficznej zabytkowych głazów narzutowych Wileńszczyzny (w latach 1935–1939) // Pracy Muzeum Ziemi. T. 18. Warszawa, 1986. S. 55–64.

Sawicki L. Notatki krajoznawcze z terenu obecnej Nowogródzczyzny // Ziemia. № 1. Warszawa, 1929. S. 8–11.

Sopodzka T. Poszukiwania archeologiczne w powiecie Ihumeńskim gubernii Mińskiej w r. 1875 b 1883 dokonane przez Tytusa Sopodzkę. Podgórze, 1889.

Szukiewicz W. Kamienie z wrytymi znakami // Światowit. T. II. Warszawa, 1900. S. 109–110.

Szymielewicz M. Zabytkowe kamienie // Ziemia Lidzka. 1937. № 9. S. 102–103.

КАМНИ С ЯМКАМИ В БЕЛАРУСИ

А. П. Зайцев

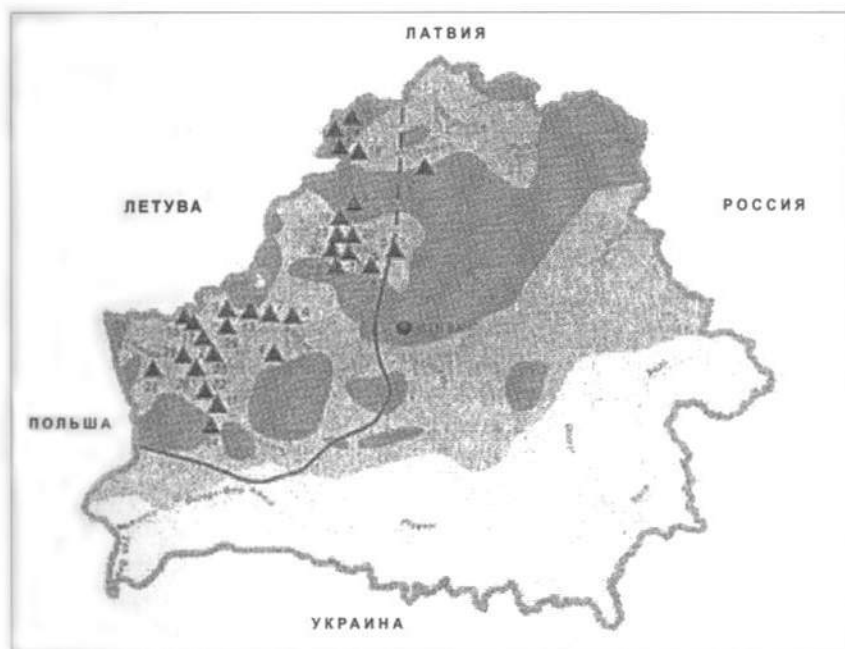
В Беларуси зафиксировано более пятисот валунов, относимых по тем или иным признакам к культовым. Около сотни из них имеют на поверхности искусственные углубления разных размеров и форм. Белорусские исследователи культовых валунов делят их по форме углублений на три основные группы: валуны с чаше-подобными большими углублениями диаметром до 70 см и глубиной от 2 до 15 см (1-я группа), с круглыми лунками диаметром от 3 до 7,5 см и глубиной от 0,5 до 7 см (2-я группа), с ямками неправильной формы диаметром от 7,5 до 15 см и глубиной от 5 до 15 см (3-я группа) [Вінакураў і інш. 2003, 231–251]. Валуну второй группы в специальной литературе проходят под разными названиями: чашечники, валуны с лунками, валуны с ямками. В Беларуси в настоящее время чаще используется термин «камни с ямками», аналогично, как и в соседних Литве (*akmenys su duobutėmis*) и Латвии (*bedrisakmeni*).

Долгое время считалось, что в Беларуси в отличие от Литвы и Латвии камней с ямками нет, хотя еще в конце XIX в. А. П. Сапунов в описании знаменитого камня Воротишин Крест в д. Камено Вилейского уезда вскользь упомянул: «...на верху камня два углубления, величиною в 1 вершок» [Материалы 1896, 195]. Вслед за ним результат своего обследования камня опубликовал в отдельной работе известный этнограф и археолог Е. Р. Романов. Он, в частности, писал: «Камень представляет собой конусообразную глыбу красного гранита... Вершина конуса закруглена, и на ней выбиты несимметрично два круглых углубления, в которых могла бы поместиться, например, слива. Цель их при настоящем виде представляется неясною. При большей глубине они могли служить для укрепления какого-либо предмета бывшего на вершине, например, железного креста» [Романов 1911, 57–64].

Ситуация коренным образом изменилась в третьей четверти XX в., когда геологи НАН Беларуси В. Ф. Винокуров, Э. А. Левков, А. К. Карабанов начали фиксацию, а затем и изучение (совместно с археологами) камней с историко-культурологическим контекстом. Исследования велись в масштабах всей республики, причем с 1989 по 1992 г. при проведении полевых геологических исследований закономерностей распространения ледниковых валунов, а с 1992 по 2000 г. — в рамках программ Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь. В результате экспедиционной работы были выявлены и описаны 24 валуна с ямками. Все они в дальнейшем были объявлены геологическими памятниками природы республиканского значения. В 2002 г. сведения о камнях с ямками в Беларуси (по определению авторов — «валуны с купулами») впервые обобщили В. Ф. Винокуров и С. П. Витязь в докладе «Валуны с выемками (“звездные карты”) на территории Беларуси», подготовленном к проходившей в 2002 г. в Эстонии 10-й Международной конференции SEAC (Международная ассоциация исследователей археоастрономии) [Vitiaz 2002, 76–77]. Приведенную в докладе схему размещения камней с ямками по Беларуси авторы совместили с показателями завалуненности территории республики. В итоге, касаясь вопроса происхождения выделенных ими валунов, авторы справедливо отметили, что камни с ямками занимают четко очерченную область на северо-западе Беларуси, которая прямо не соотносится с параметрами геологического распространения камней. Ими также была отмечена высокая степень совпадения ареала камней с ямками с ареалом одной из археологических культур — культуры шнуровой керамики Понеманья (местный вариант Прибалтийской культуры). На основании этого исследователи предположили, что рассматриваемые памятники созданы представителями данной культуры в период 2–1,5 тыс. лет до н. э. (ил. 1).

Уже в следующем, 2003 г., была опубликована совместная работа геологов и археологов НАН Беларуси — сводная статья по культовым валунам с искусственными углублениями в республике [Вінакураў і інш. 2003, 231–251]. В ней были приведены сведения уже о 33 камнях с ямками. Однако к настоящему времени эти данные заметно устарели — в республике зафиксировано уже 57 подобных валунов, в значительной степени благодаря поискам

краеведов на местах. Так, например, если в сводной статье описано 8 камней из Вилейского р-на Минской области, то к 2016 г. их там выявлено уже 25. Там же благодаря совместной работе краеведов и сотрудников Вилейского краеведческого музея была благоустроена территория у камней в Цинцевичах и Грицуках с установкой пояснительных табличек. Эти валуны были ранее смещены со своего естественного месторасположения при проведении мелиоративных работ. Еще три смещенных камня с ямками, с целью сохранения от уничтожения ввиду их небольших размеров, были перевезены на новые места также с установкой пояснительных табличек: два камня (из Баровцев и Уток) перевезены в Вилейку и один (из Туровщины) к зданию средней школы в д. Любань (ил. 2). В целом же по республике из 57 камней с ямками только 24 камня находятся в своем естественном местоположении. С целью выявления характерных особенностей в расположении камней в ландшафте, все они были нанесены на физическую карту страны. Полученный результат дал основание автору предположить, что по западной части Беларуси проходит юго-восточная граница ареала их распространения вокруг Балтийского моря [Зайцев 2014, 320–327]. Заметна на полученной схеме преобладающая концентрация камней в трех региональных группах, которые условно можно назвать: бассейн Верхнего Немана, бассейн Верхней Вилии и район Браславских озер (ил. 3). Здесь же прослеживается явная связь их месторасположения с рельефом местности — общий вытянутый ареал распространения камней разделен на три части высокой Ошмянской возвышенностью, Свентяньскими грядами и Полоцкой низменностью. Не выявлено камней с ямками и на поверхности Белорусской гряды, протянувшейся с запада на восток через всю страну. Являясь водоразделом бассейнов Балтийского и Черного морей, она отделяет их ареал от восточной части республики. Судя по схеме, камни с ямками практически не выявлены непосредственно и на Неманской, и Полоцкой низменностях, имеющих отметки высот 100–150 м над уровнем моря, а большинство из них выявлены на Нарочано-Вилейской и Лидской равнинах, которые имеют отметки высот 150–200 м. По данным археологии, в неолите и ранней бронзе Неманская низменность была густо заселена по берегам Немана и его левых притоков [Археологія 1997, 224–225, 352–353].

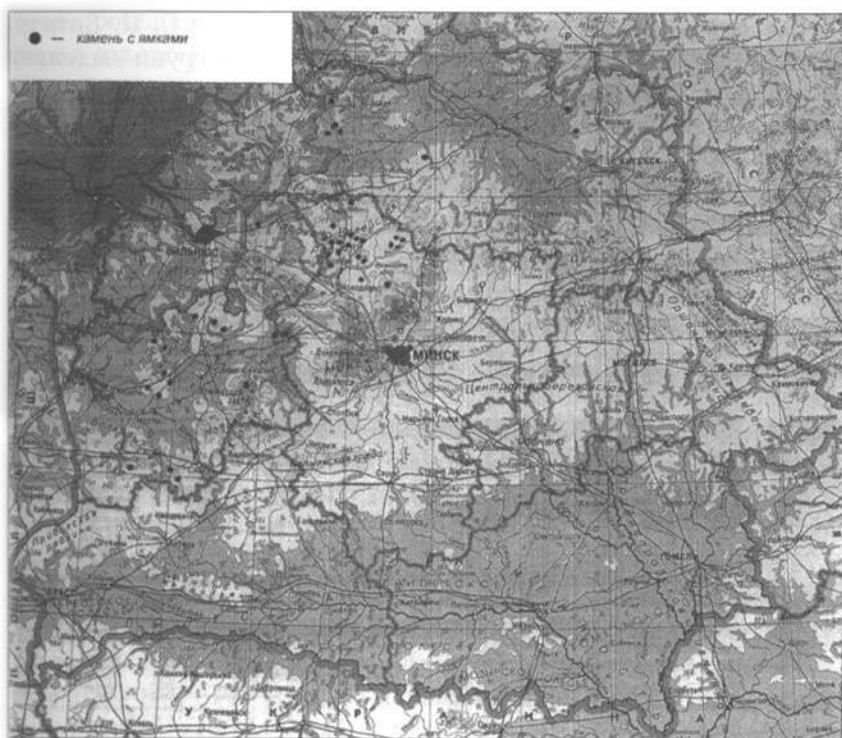
Ил. 1. Схема размещения камней с ямками в Беларуси по С. Витязю и В. Винокурову. Линией обозначен ареал культуры шнуровой керамики Понемонья

Ил. 2. Камень с ямками из Уток у здания Вилейских электросетей (фото А. П. Зайцева)

Учитывая то, что здесь не выявлены валуны с ямками, можно допустить, что традиция высечения углублений на камнях не имеет отношения к населению, практиковавшему присваивающую форму хозяйства. По мнению автора, данная традиция бытовала позже, в переходный период: поздний бронзовый век — ранний железный и была связана с ранним земледелием [Зайцев 2014, 320–327]. К сожалению, данный период в Западной и Северной Беларуси изучен слабо, памятников (поселений, могильников) выявлено мало, в связи с чем камни с ямками сложно привязать к какому-либо объекту. Рядом с четырьмя из них (Велец, Карейвишки, Констанполье, Пашевичи) археологом Э. М. Зайковским были проведены раскопки, результаты которых не дают возможности датировать появление ямок на камнях. Единственное случайно выявленное в регионе Верхней Вилии погребение эпохи бронзы находится в трех километрах от ближайшей группы камней с ямками (Студёнки) [Чарняўскі 2001, 24–27]. В такой ситуации попытка увязать высечение ямок с культом плодородия земли является наиболее перспективной. Практически все подобные камни в Беларуси находятся в обрабатываемых или ныне заброшенных полях. Такую же особенность в размещении валунов с ямками в Эстонии отметил Андрес Тваури. Исследовав там более тысячи таких камней, он установил, что они распространены только в регионах, где природно-климатические условия позволяют заниматься земледелием, в связи с чем, по его мнению, высечение ямки было актом аграрной магии [Tvauri 1997, 10–47].

Обследование валунов с ямками в Беларуси выявило две особенности, которые могут служить в пользу версии о связи их с сельскохозяйственными культами. Во-первых, часть таких камней (Утки, Старое Дворище, Старинки, Констанполье, Королевцы, Бильцевичи, Стеберяки, Студёнки) и сегодня едва выступают над поверхностью земли, и в древности, в условиях сплошного леса, вероятнее всего были незаметны без вмешательства извне. Во-вторых, при анализе размещения их на местности, оказалось, что многие из них расположены на пологих склонах над небольшими речками, ручьями и болотами, на участках с хорошими, плодородными почвами (ил. 4).

Ил. 3. Карта-схема размещения валунов с ямками на территории Беларуси
(сост. А. П. Зайцев)

Ил. 4. Валун в Королевцах на склоне, над ручьем
(фото А. П. Зайцева)

Как справедливо отметили В. Ф. Винокуров и С. П. Витязь, данную группу культовых валунов среди других групп выделяет минимум, а чаще полное отсутствие этнографических сведений, что говорит о древности времени высекания ямок на них [Vitiaz 2002, 76–77]. Местное население лишь в единичных случаях обращало внимание на ямки на камнях, а нередко и на сами камни. Так, только десять валунов из пятидесяти имеют названия у местного населения и то большая часть из них связаны или с именами людей, владевших земельным участком (Заблочкий, Язепов, Будревичев, Мартин) либо просто названы от имени — Воротишин Крест. Название одного камня связано с его местонахождением — камень в Придатках, еще одного с формой камня — Седловой. Непосредственно с ямками связано название камня Чертов (Велец). Черт скакал на камне, и ямки — это следы от его пяток [Вінакураў і інш. 2003, 231–251]. Две ямки на камне Божьи Стопки (Баровцы) оставил сам Бог, когда присел на этот камень отдохнуть. Иногда этот камень так и называют Сиденье Бога Иисуса Христа [Зайцаў 2001, 231–251]. На Перуновом камне (Тавкини) есть одна ямка и три тарелкообразные диаметром до 15 см. По местным поверьям Перун ударил в камень и покинул эти знаки. По рассказам местных жителей, Перун часто бьет в камень в Мишутах, и ямки на нем (84) образовались именно от ударов молнии [Вінакураў і інш. 2003, 231–251]. Еще несколько валунов не имеют характерных названий, но про них есть легенды и поверья. По поверьям золото закопано под камнем в Констанполье, а клад — под камнем в Карейвишках. На камне с пятью ямками в Цинцевичах появляются какие-то огоньки, иногда сверкают золотые монеты. По легенде золото было зарыто и под камнем с одной ямкой, находящимся в нескольких метрах от знаменитого Воротишина камня. Считается также, что оно зарыто и под самым Воротишиным камнем, на котором по ночам появляются золотой олень или лось. Множеством легенд «оброс» этот камень благодаря выбитым на нем кресту и надписи, которые, как считают местные жители, оставили французы в 1812 г. В XIX в. записана легенда о том, что это пахарь и волы, окаменевшие за работу в праздник Пасхи [Tyszkiewicz 1871, 33]. Еще к одному камню с одной ямкой (Василишки) в начале XX в. по праздникам приходили молиться, а камень в Дайнове

лечил бородавки. Для этого их терли медным пятакom и затем, перед заходом солнца, клали его в ямку на камне [Вінакураў і інш. 2003, 231–251].

Об одном из камней (Стеберяки) автором записана и современная трактовка происхождения ямок — это местный колхозный бригадир сверлил их с целью взорвать камень, мешавший пахать поле. Вероятно, к данной группе культовых камней относился и валун из д. Будище Вилейского р-на, утраченный при ремонте автодороги. По рассказу местного информатора, на нем были выемки, из которых «Боженька пил воду» и в них было удобно колоть орехи лещины. Касательно непосредственно самих ямок на камнях отметим, что они в Беларуси в целом не отличаются по своим параметрам от общеевропейских и имеют диаметр 3–10 см при глубине 0,5–5 см. На четырех валунах (Карейвишки, Баличи, Зачерная, Грицуки) выявлены ямки овальной или удлиненной формы, а также соединенные между собой канавкой (ил. 5). На одном камне (Мишуты) есть ямки на его боковой вертикальной поверхности. На нем же отмечено и наибольшее для Беларуси количество ямок на одном валуне — 84. В целом же по республике количество ямок на одном камне колеблется от одной до нескольких десятков (ил. 6). Больше 10 ямок имеют 23 валуна. На некоторых из них кроме ямок среднего размера выделяются 1–3 крупные ямки диаметром 8–9 см при глубине 6–7 см, однако каких-либо закономерностей здесь пока не выявлено.

Ил. 5. Удлиненные ямки
на валуне в Грицуках
(фото А. П. Зайцева)

Ил. 6. Ямки (84 шт.)
на валуне в Мишутах
(фото А. П. Зайцева)

Перечень валунов с ямками в Беларуси

№	Населенный пункт	Кол-во ямок	Размер камня (длина-ширина-высота)	Название камня, легенда
<i>Витебская область, Браславский район</i>				
1	д. Лайбуны	5	4,3 × 3,3 × 0,8	Мартин камень
2	д. Пашевичи	11	1,6 × 0,8 × 0,4	—
3	д. Сиповичи	1	3,9 × 2,7 × 1,4	Камень в Придатках
4	д. Старое Дворище	7	3,8 × 2,2 × 0,5	—
5	д. Урбаны	3	0,8 × 0,7 × 0,3	—
<i>Глубокский район</i>				
6	д. Велец	33	3,6 × 1,8 × 0,8	Чертов камень (черт скакал на камне)
<i>Шумилинский район</i>				
7	д. Бывалино	13	—	—
<i>Гродненская область, Островецкий район</i>				
8	д. Карейвишки	20	1,5 × 1,4 × 0,7	Под камнем зарыт клад
<i>Зельвенский район</i>				
9	д. Острада	12	2,0 × 1,5 × 1,3	—
10	д. Голынка	2	3,4 × 2,8 × 0,6	—
<i>Ивьевский район</i>				
11	д. Довнары	2	2,3 × 1,5 × 1,0	—
12	д. Заболотье	4	2,2 × 1,6 × 1,8	—
13	д. Уртишки	2	1,4 × 1,0 × 0,7	—
<i>Лидский район</i>				
14	д. Дайнова I	21	2,5 × 1,8 × 1,2	Лечили бородавки
15	д. Заполье	17	—	—
<i>Мостовский район</i>				
16	д. Дарагляны	12	2,4 × 1,7 × 0,8	—
17	д. Струбницы	1–2	—	Следовик у церкви

КАМНИ С ЯМКАМИ В БЕЛАРУСИ

№	Населенный пункт	Кол-во ямок	Размер камня (длина-ширина-высота)	Название камня, легенда
<i>Новогрудский район</i>				
18	д. Литовка	1	2,7 × 2,4 × 1,6	–
<i>Слонимский район</i>				
19	д. Великая Кракотка	5	3,3 × 2,0 × 1,5	–
<i>Вороновский район</i>				
20	д. Ремзы	5	3,3 × 2,0 × 1,4	Будревичев камень
21	д. Ремзы	6	5,3 × 3,8 × 1,4	Великий камень
22	д. Тавкини	2	4,1 × 3,9 × 1,2	Перунов камень
23	д. Старая Казаковщина	1	–	–
24	д. Енчи	36	3,4 × 3,2 × 0,5	–
<i>Щучинский район</i>				
25	д. Баличи	40	4,1 × 2,0 × 1,5	–
26	д. Василишки	1	4,9 × 3,0 × 1,7	У камня молились
27	д. Заречье	42	3,3 × 2,2 × 2,2	–
28	д. Зенявцы	25	4,7 × 3,0 × 2,1	–
29	д. Тумашевцы	19	–	Дзиньговы камень — звенит от ударов по нему (и как следовик)
<i>Минская область, Мядельский район</i>				
30	д. Занарочь	8	4,0 × 3,2 × 1,0	Седловой камень
31	д. Юшковичи	6	3,4 × 2,7 × 1,0	–
32	д. Старинки	2	–	–
<i>Вилейский район</i>				
33	д. Баровцы	2	1,2 × 0,8 × 0,7	Божьи Стопки, сидел Господь
34	д. Есьмановцы	2	2,1 × 1,9 × 1,1	–
35	д. Дворец	13	3,1 × 2,1 × 1,9	–

№	Населенный пункт	Кол-во ямок	Размер камня (длина-ширина-высота)	Название камня, легенда
36	д. Камено	3	3,7 × 3,5 × 2,1	Воротишин камень, Окаменевшие Волы
37	д. Камено	1	3,1 × 2,2 × 0,5	Легенда о двух братьях
38	д. Камено	1	0,7 × 0,7 × 0,1	–
39	д. Камено	5	1,9 × 1,7 × 0,7	–
40	д. Констанполье	49	3,0 × 2,5 × 0,5	Под камнем зарыто золото
41	д. Мишуты	84+ 5 боковых	4,7 × 3,0 × 1,5	В камень бьет Перун
42	д. Утки	10	2,0 × 1,7 × 1,3	–
43	д. Зачерная	2	–	–
44	д. Грицуки	13	2,8 × 2,3 × 1,5	Язепов камень
45	д. Клыни	2	1,5 × 0,9 × 0,3	–
46	д. Цинцевичи	8	1,8 × 1,4 × 0,9	–
47	д. Цинцевичи	5	1,8 × 1,5 × 1,1	На камне сверкают огоньки, монеты
48	д. Бильцевичи	10	2,1 × 1,9 × 1,4	–
49	д. Туровщина	4	1,7 × 1,6 × 1,1	–
50	д. Савино	8	1,4 × 1,3 × 0,7	–
51	д. Студёнки	2	2,1 × 2,0 × 0,7	–
52	д. Студёнки	5	2,6 × 1,9 × 1,2	–
53	д. Студёнки	14	2,3 × 1,5 × 0,6	–
54	д. Котловцы	18	3,5 × 2,8 × 0,9	Заблоцкий камень
55	д. Стеберяки	14	3,3 × 2,8 × 0,8	–
56	д. Стеберяки	18	1,9 × 1,9 × 0,9	–
57	д. Королевцы	23	–	–

ЛИТЕРАТУРА

Археологія Беларусі: у 4 т. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997. С. 224–225, 352–353.

Вінакураў В. і інш. Культавыя валуны са штучнымі паглыбленнямі на Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 15. Мінск, 2003. С. 231–251.

Зайцаў А. П. Гістарычныя камяні Вілейшчыны // Вілейскі краязнаўчы зборнік. Матэрыялы краязнаўчай навуковай канферэнцыі «Вілейшчына — погляд у мінулае і сучаснасць» (27 мая 1999 г.). Мінск, 2001. С. 24–27.

Зайцев А. П. Историческая и мифологическая семантика «ямочных камней» // Традицыі і сучасны стан культуры і мастацтва. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (28–29 лістапада 2013 г., г. Мінск). У двух частках. Частка 2. Мінск, 2014. С. 320–327.

Зайцев А. П. Итоги исследования камней с ямками в 2010–2014 годах // Таинственная Беларусь. Материалы конференции (25 января 2015 г., г. Минск). Минск, 2015. С. 94–102.

Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск, 1896.

Романов Е. Р. К археологии Северо-Западного края. Древние ляпидарные памятники Западно-Русского края. Вилейский камень // Записки Северо-Западного отделения русского географического общества. Кн. 2. Вильна, 1911. С. 57–64.

Чарняўскі М. М. Першыя людзі на ўзбярэжжах Віліі // Вілейскі краязнаўчы зборнік. Матэрыялы краязнаўчай навуковай канферэнцыі «Вілейшчына — погляд у мінулае і сучаснасць» (27 мая 1999 г.). Мінск, 2001. С. 24–27.

Tyszkiewicz K. Wilija i jej brzegi. Drezno, 1871. S. 33.

Tvaari A. Eesti lohukivid // Tartu u likooli arxeologia Kalineti toime-tiseit. 9 Arheologilisi uurimusi 1 / Toimetanud H. Valk. Tartu, 1997. L. 10–47.

Vitiaz S, Vinakurau V. Cup-Marked Stones («Star Maps») in Belarus // Cultural and the Archaeoastronomical Data and the Echoes of Cosmic Catastrophic Events. The SEAC 2002 Tenth Annual Conferens, 27–30 August in Tartu. L. 76–77.

ЛУНКОВЫЕ КАМНИ БЕЛАРУСИ

Попытка астрономической интерпретации

И. С. Бутов

Лунковые валуны распространены практически по всему земному шару (Северная и Южная Америки, Европа, Азия, Австралия, Средиземноморье и Северная Африка) и на протяжении нескольких столетий описываются в специализированной литературе. О предназначении лунковых камней было высказано множество самых разнообразных предположений, начиная с того, что они отмечали количество севооборотов на сельскохозяйственных полях, до некоторых аналогий со счетными или игровыми устройствами, наподобие абака. Эта статья не ставит своей задачей рассмотреть и тщательно проанализировать все многообразие мнений, мы решили остановиться только на взаимосвязи камней с космологией.

Вполне вероятно, что перед нами могут оказаться лишь точечные объекты, связанные с астрономией, однако до настоящего времени картированием лунок на пространстве СНГ практически никто не занимался, кроме того, все камни рассматривались и анализировались по отдельности. Нами было решено не только рассмотреть их в комплексе, но и выделить однотипные элементы-паттерны, возможно имеющие космологические мотивы. С этой целью в 2011–2016 гг. было обследовано и картировано большинство известных к настоящему времени на территории Беларуси камней с лунками. Итак, рассмотрим, могли ли наши далекие предки наносить карты звездного неба на вечный «холст» и если могли, то для чего они это делали?

В середине XIX — начале XX в. стали появляться работы, как известных ученых, так и любителей, рассматривающих эти узоры в качестве изображений созвездий. Особенно прижилась эта идея в Европе (в частности, в Швеции и Дании), которая оказалась богата не только подобными камнями, но и исследователями, не

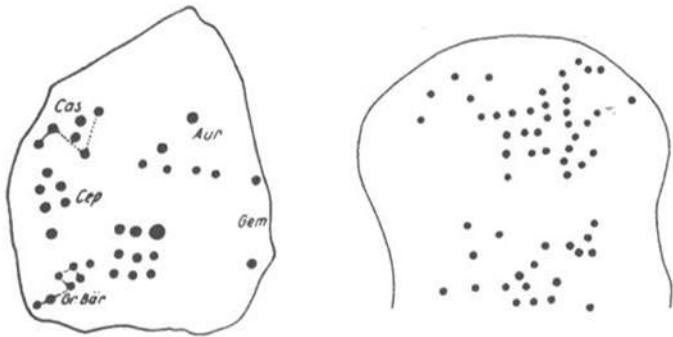
стесняющимися плыть против течения и развивавших собственный мейнстрим. И хотя эта гипотеза к настоящему времени не стала доминирующей, у нее остается множество приверженцев по всему миру.

К сожалению, работы середины XIX — начала XX в. зачастую были выполнены без связи с этноастрономией регионов, так как эта наука в то время еще только зарождалась, или с опорой на слабо аргументированные теории, например, о «неолитическом зодиаке». Во многих случаях были определены тусклые созвездия, которые не только не выполняли практических функций (например, не служили для ориентации во времени и пространстве), но и никаких представлений о них или сохранившихся народных названий среди населения не было зафиксировано. Однако встречались и весьма любопытные находки, а также смелые идеи, соседствующие, в том числе, и с мистификациями. Поначалу были обнаружены изображения Большой Медведицы, а затем и ряда других известных созвездий.

Одним из самых ранних сторонников «каменной астрономической теории» был шотландский врач и археолог-любитель Джордж Мур (1865) [Moore 1885]. Первыми из зарубежных ученых, которые на основании большого количества фактов попытались доказать, что углубления в камнях были как-то задействованы в доисторической астрономии, были: в Дании — филолог и историк Гудмунд Шютте (1920) [Schütte 1920, 244–254], в Англии — археолог Джордж Браун (1921) [Browne 1921], а во Франции — историк и новатор археоастрономии Марсель Бодуэн (1917, 1929) [Baudouin 1917, 237–244; Baudouin 1929]. Так, Бодуэн «нашел» на камнях тринадцать созвездий, из которых восемь Больших Медведиц и одна Малая (в Швейцарии), два Дракона и два Тельца. Браун, в свою очередь, «на глазок» определил, что на некоторых известных в Англии камнях, например, таких как Син Хинни (Sin Hinny) и камнях Ротимэя (Rothiemay stones)¹ присутствуют изображения Большой и Малой Медведиц, Северной Короны и Геркулеса. Если Браун и Бодуэн обнаружили конкретно лишь несколько созвездий, то Шютте считал, что может привести примеры настоящих «звездных карт» в Дании — к ним можно

¹ В других источниках — *Rothiemay circle* (вероятно, один из камней в кольце).

отнести камень в местечке Венслеви и в г. Долби. К этому же периоду можно отнести обнаружение сведений о том, что в Дании, рядом с церковью д. Кеттинг (на датском острове Альс), ранее располагался камень Фэнденс стен (Fandens sten), или же камень Дьявола с углублениями, напоминающими ковш с ручкой, а на камне был выбит крест в круге (который мог быть соотнесен с Полярной звездой) [Rosborn 1971, 1–35]. К сожалению, камень до наших дней не сохранился.

Ил. 1. Слева — фрагмент камня, расположенного неподалеку от местечка Венслеви (Дания) и одна из возможных интерпретаций нанесенных на него лунок [Schütte, 1920, 244–254]. Справа — камень из г. Долби [Müller 1939, 80–86]

Нельзя не отметить усилия на этом поприще шотландского археолога-энтузиаста Людовика Манна [Mann 1930, 13]. В 1930 г. Манн даже опубликовал в журнале «Nature» статью, в которой он интерпретировал изображения на камне Лангсайд стоун (Langside stone), неподалеку от современного шотландского города Гифнок, и Клеуч стоун (Cleuch stone), расположенного в местечке Блю Белл Вуд (Blue Bell Wood), как имеющие некоторое астрономическое значение.

В 1939 г., перед началом Второй мировой войны, в Германии вышла публикация Р. Мюллера, в которой он подробно рассматривает космическую гипотезу и приводит изображения камней, подпадающих под выбранные критерии, в частности уже упомянутой «звездной карты» из местечка Венслеви (Дания) и прорисовку

лунок на камнях из окрестностей области Бохуслен в Эстергётланде (Швеция), совпадающих с созвездиями Большой Медведицы (повозка Водана), Малой Медведицы, Кассиопеи, Цефея, Персея, Возничего, Ориона и Льва [Müller 1939, 80–86].

Астрономическая гипотеза со временем была подкреплена вполне конкретными находками изображений выбитых «звездочек» и звездоподобных форм на ряде камней и скал, иногда дополненных лунками (о таковых, например, упоминает Р. Брэдли в классической работе «Rock art and the prehistory of Atlantic Europe» [Bradley 1997]. В середине 1980-х гг. о камне со звездным небом, образованным сотнями лунок и колец в шведском Йорланде (Jörlanda), пишет В. Брайман [Bryman, 1986]. Весь этот разнообразный наскальный «арт» не мог не вызвать модификаций, развития и дополнения уже существующих концепций. Одной из очередных вех в истории становления рассматриваемой нами гипотезы стала книга М. Бреннана «The Stars and Stones. Ancient Art and Astronomy in Ireland», вышедшая в 1983 г. [Brennan 1983]. В дальнейшем автор неоднократно возвращался к этой теме и как мог популяризировал ее. Например, в книге «The stones of Time» он приводит множество изображений из различных ирландских каирнов², в которых можно легко увидеть те или иные космологические начала [Brennan 1994].

Некоторые астрономические параллели с созвездиями Большой Медведицы, Волопаса, Близнецов, Льва, Рыси³, Ориона, Девы и Млечного Пути были найдены и в скандинавских чашечных знаках [Yang 2015, 2149–2156]. Шведские астрономы, очень серьезно подошедшие к проблеме, обнаружили в лабиринтовом узоре лунок на некоторых шведских камнях контуры Большой Медведицы и Кассиопеи, «но не в том положении друг к другу, которое они занимают сейчас», а также Сириуса и даже кометы Энке. В статье, написанной в 1999 г. астрономом Г. Хенриксоном (G. Henriksson) из Швеции, затронута тема изображений на камнях лунок в сочетании с ладьями, фигурами воинов, а также другими знаками

² Каирн (англ. cairn) — каменный курган.

³ Довольно странно упоминание этого тусклого созвездия. Астроном Гевелий, который и выделил его на небе, замечал, что это созвездие может наблюдать лишь человек с действительно «рысьим» зрением.

и символами [Henriksson 1999, 155–173]. Хотя он акцентирует свое внимание в большей степени на изображениях, а не лунках, тем не менее, его работа может дополнять классическую картину, так как лунки не только в Швеции могут соседствовать со знаками лабиринта (спирали), ладьи и т. д.

Кроме уже отмеченных созвездий, автор рассматривает и концентрации лунок в одной группе, которые он отождествляет с Плеядами, именуемыми в шведском языке «Rougot», что означает «стадо телят». Подобные упорядоченные локусы из лунок встречаются в г. Хулаторпе (Hjulatorp), расположенном в провинции Смоланд (Småland). В других случаях они представляют собой пять чашечных углублений, расположенных в виде окружности во Флюхове (Flyhov), в провинции Вестергётланд (Västergötland) на западе Швеции или как несколько расположенных одна над другой колонок в местечке Оппебю (Oppebu) близ г. Нючёпинга (Nyköping). Г. Хендрикссон отстаивает идею о том, что нашими предками изображалось какое-то знаковое астрономическое событие, а не просто само по себе созвездие или звезда. Апофеозом такого подхода можно считать статью М. Ларсена (M. Larsen), в которой он доказывает, что на камне Херрештруштнен (Herrestrupstenen) из коммуны Одсхерред в Швеции изображено солнечное затмение, произошедшее в 1569 г. до н. э. Возможность датировки обеспечило взаимное расположение созвездий (образованных лунками и лодками): Цефея, Кассиопеи, Персея и др. [Larsen 1999].

Ил. 2. Возможные изображения Плеяд на камнях в Швеции.
Слева — пять лунок в основании ладьи во Флюхове (провинция Вестергётланд). В центре — два ряда лунок на камне в Оппебю.
Справа — кольцо из лунок в г. Хулаторпе [Henriksson 1999, 155–173]

Довольно неплохое развитие получила тема камней с созвездиями в Прибалтике. Она упоминалась в работах Й. Вайшкунаса [Vaiškunas 1994, 147–149], Л. Василявичуса [Василявичус 2000, 125–133], В. Вайткавичюса [Vaitkevičius 2004, 27] и др. Например В. Вайткавичус, ссылаясь на работу М. Черняускаса (M. Černiauskas), упоминает камень в районе населенного пункта Гостелишки (Gošteliskiai) в южной части Литвы, узор на котором «аналогичен структуре созвездия Большой Медведицы» [Černiauskas 1974, 60]. Л. Климка и В. Вайткавичус описывают находки в Литве сразу нескольких камней с изображением Большой Медведицы и подробно останавливаются на обнаруженном ими Большом камне из Лаукагале (Кайшиядорский р-н) с изображением этого созвездия. Упомянутые авторы, что немаловажно, приводят наборы паттернов из лунок, которые можно соотнести с различными вариантами отображения Большой Медведицы в Литве [Klimka, Vaitkevičius 1997, 343–350]. Есть сведения о камнях из Кельмесского⁴, Шяуляйского⁵ и Скуодасского⁶ р-нов Литвы, лунки на которых образуют контур Большой Медведицы [Зайкоўскі 1993, 84, 89; Klimka, Vaitkevičius 1997, 343–350]. Латвийский археолог Ю. Уртанс предположил, что на некоторых прибалтийских камнях могло быть изображение одного из наиболее известных на момент нанесения созвездий. По некоторым данным, только на территории Литвы может насчитываться более 10 ямковых камней, которые могли выполнять роль календаря или показывали звездное небо [Вінакураў і інш. 2003, 231–251; Карабанаў і інш. 2011, 133].

В России проблематике камней с углублениями также посвящено немало работ. Мысль о звездном начале изображений на камнях отстаивал еще князь П. А. Путятин, известный специалист по камням-чашечникам, ссылаясь в своих трудах на статью немецкого ученого Вихеля, обнаружившего на стене церкви Св. Николая⁷ в Диппольдисвальде углубления, расположение которых сильно напоминало созвездие Большой Медведицы. Путятин выдвинул

⁴ У автора не указан конкретный населенный пункт, но, по-видимому, имеется в виду д. Павайгувис, так как только возле нее в этом районе имеется камень с шестью ямками.

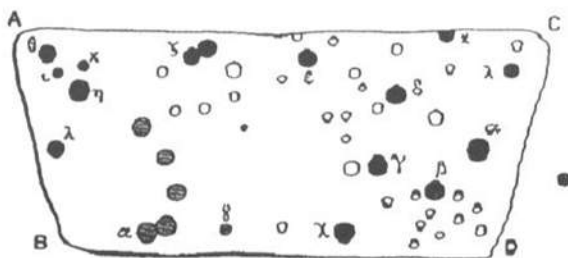
⁵ На городище Апуоле.

⁶ Возле д. Гаштинай.

⁷ Или в других источниках — церковь Святой Марии [Schels 2014].

на археологическом съезде предположение: не стремились ли подобным способом наши предки изобразить звездное небо [цит. по: Кусов 1989, 52–53]? Позже аналогичная точка зрения высказывалась Д. О. Святским (1962), В. А. Кузнецовым (1961–1962), П. Г. Куликовским (1971), А. А. Демаковым (1998), Д. Л. Бродянским, В. А. Лукашенко (2004) и др. [Бродянский 2004, 106–109; Демаков 1998; Кузнецов 1993; Куликовский 1971; Святский 1961, 71–129].

По записям князя П. А. Путятин удалось установить, что он обнаружил на камне, найденном в XIX в. на берегу Бологовского озера, изображения созвездий Гончих Псов, Волопаса, Дракона, а также ковш Большой Медведицы [Кусов 1989, 52–53]. Слпок с камня Путятин отослал известному французскому астроному и популяризатору науки К. Фламариону, который после его изучения пришел к выводу, что древние люди уже обладали определенными астрономическими знаниями и внимательно наблюдали за небесными светилами в целях, скорее всего, ориентации в пространстве и времени⁸ [Путятин 1886]. К сожалению, ныне местоположение этого камня установить не удалось [Кусов 1989, 52–53]. В настоящее время, по данным профессора Н. И. Моисеевой, во время археологических раскопок на территории России от Черного до Белого моря изредка попадаются каменные плиты или мелкие изделия из кремня с нанесенными углублениями в виде четко очерченных групп, что дало повод некоторым исследователям рассматривать их как карты звездного неба [Моисеева 1991].

Ил. 3. Бологовский камень [Святский 1961, 71–129]

⁸ Статья К. Фламариона была опубликована в журнале «Астрономия» (1885, № 2), однако найти ее нам не удалось. Путятин считал, что камень относится к неолиту, к VI–IV тыс. до н. э. Фламарион же относил его «к началу христианской эры».

По данным М. В. Шорина, изображение Большой Медведицы, в котором каждой звезде созвездия соответствует ямочка, можно увидеть на камне Медведица в д. Поозерье Новгородской обл. [Шорин 1991, 205]. Описание подобного же изображения приводится в работе В. С. Передольского [Передольский 1898]. Г. Кусов сообщает, что вода, оставшаяся в лунках аналогичного камня, находящегося в Куртатинском ущелье (Северная Осетия), напоминала контур этого созвездия [Кусов 1989, 52–53].

По сведениям И. Д. Маланина, фигура чем-то напоминающая Большую Медведицу, только в несколько «искаженном» виде обнаружена им на камне в Тверской обл. Ручка ковша имеет меньший угол и на одну или две звезды больше, нежели есть в созвездии. Несоответствие ручки «ковша» автор объясняет тем, что древний звездочет ошибся, вспомнив, что «ручка» должна указывать на север, а поэтому резко повернул ее в нужном направлении, насколько было возможно уже после того как, как основная часть «ковша» была исполнена в рисунке на камне [Маланин 2009, 33–37]. Л. И. Ашихмина также упоминает о созвездии Большой Медведицы, выполненном шестью ямками, правда, не на камне, а на одном из холмов святилища в бассейне р. Верхняя Вычегда (Республика Коми). Исследовательница предполагает, что святилище может быть рассмотрено как связующее звено между верхним и нижними мирами [Ашихмина 1996, 8–10]. Известные российские исследователи петроглифов М. А. Дэвлет и Е. Г. Дэвлет рассказывают об обнаружении ими в Саянском каньоне Енисея на святилище Мугур-Сагол на камне под порядковым номером 283 точечных углублений, соединенных тонкими линиями, образующими Большую Медведицу, а также Орион [Дэвлет Е., Дэвлет М. 2011, 207–208, 228–229].

Ил. 4. Изображение Большой Медведицы на камне по И. Д. Маланину
[Маланин 2009, 33–37]

Как отмечают Д. Л. Бродянский и В. А. Лукашенко, в семи лунках на камне из поселения Бойсмана, А. Г. Суханов, старейший астроном ДВГУ, определил созвездие Плеяд, которое у народов Приамурья называется *Семь, Семеро, Семь Дыр, Семь Сестер* и т. д. [Бродянский, Лукашенко 2004, 106–109]. Плеяды могли играть важную роль, возможно, по той причине, что это созвездие можно наблюдать с октября по март⁹, и поэтому они являются хорошим индикатором для ориентирования во времени и сельскохозяйственных работ [Авілін 2015, 116–119; Lumley et al 2007, 755–824].

Нередки упоминания о других созвездиях, вычерченных пытливым взглядом исследователей в хитросплетении замысловатого узора углублений. Так, археолог В. А. Кузнецов обнаружил и описал в 1961–1962 гг. в верховьях р. Кубани на Нижне-Архызском городище (Северный Кавказ) чашечные камни, на одном из которых просматривалось созвездие Рыб [Кузнецов 1993; Кусов 1989, 52–53]. По данным этого же автора, отдельное углубление внизу камня соотносится с одной из звезд близлежащего к Рыбам созвездия Овен¹⁰. В. А. Кузнецов сообщает также, что «астрономические» камни открыты и в Армении [Кузнецов 1993; Еремин 1979, 53]. Идеи В. А. Кузнецова развивает астроном П. Г. Куликовский, который в других Нижне-Архызских камнях с двумя горизонтальными линиями, образующими полосу, пересекающуюся вертикальными линиями, увидел точную аналогию с группой звезд из созвездий Кита¹¹ и Рыб. Автор отождествляет линии на камне с зодиакаль-

⁹ В Беларуси с начала сентября Плеяды начинают подниматься над горизонтом с 22:00. С октября они видны над горизонтом с 21:00. К марту в 20:00 Плеяды видны на юго-западе, в 22:00 — уже ближе к северо-западу, а в 1:00 уже заходят.

¹⁰ Правда, число чашек не совпадает с количеством звезд в созвездии [Еремин 1979, 53].

¹¹ Вероятно, авторы пошли по пути, популярном в СССР во второй половине XX в., согласно которому на камнях могли изображаться созвездия, которые кульминировали в дни солнцестояний [Немытов 2007, 46–52 и др.]. По этому поводу Г. Еремин даже написал, что созвездие Овна особо популярно у «мегалитчиков» [Еремин 1979, 53]. Не исключено, что иногда такие созвездия действительно могли изображаться, но в целом при анализе всего многообразия изображений созвездий на камнях такая точка зрения представляется избыточной: странно, что не изображались созвездия, которые были видны постоянно и по которым ориентировались чуть ли не ежедневно, а наносились редкие и не играющие практически

ным поясом, а также пятью планетами, видимыми невооруженным глазом [Куликовский 1971]. В 1969 г. у села Ближнее Боевое неподалеку от Феодосии под насыпью невысокого кургана была обнаружена каменная плита размерами — $1,30 \times 1,25 \times 0,30$ м. В центральной части плиты имелось отверстие, а на всей оставшейся плоскости — 34 круглых углубления чашевидной формы. В них усмотрели карту звездного неба с такими созвездиями как Близнецы, Малый Пес и Лев [Немытов 2007, 46–52]. Возможно, центральное отверстие — это Полярная звезда?

Исследования Д. Л. Бродянского и В. А. Лукашенко позволили впервые в дальневосточной археологии, в камнях с лунками, принадлежащих культуре бойсманцев, рассмотреть изображения определенных созвездий: Плеяд, Персея, Овна, Рака и др. Авторы делают вывод о том, что знание звездного неба могло служить для ориентации древних мореплавателей [Бродянский 2004, 106–109]. В дальнейшем В. А. Лукашенко опубликовал новые сведения об обнаружении на полу жилища янковской культуры (VIII–I вв. до н. э.) в поселении Бойсмана III (Приморье) массивного блока с 7 ямками, образовавшими знакомый всем ковш с ручкой — Большую Медведицу, однако «рукоять ковша развернута неправильно, можно сказать, что на камне, скорее — стеле, дано зеркальное изображение Большой Медведицы» [Лукашенко 2004, 50–52].

В верховьях р. Цазикумдон (Северная Осетия) Г. Кусовым обнаружен камень, возможно изображающий Солнце и планеты: две большие лунки соединяла бороздка, четыре лунки находились в отдалении, а одна представляла собой настоящую чашу [Кусов 1989, 52–53]. Об углублениях, в том числе звездоподобных фигурах на крышах кавказских дольменов пишет Б. Х. Бгажноков. Автор не исключает, что некоторые композиции могли являться Луной, планетами солнечной системы или звездами [Бгажноков 2013, 7–32]. Например, на перекрытии дольмена в верховьях р. Абин С. В. Валганов нашел изображение пятиконечной звезды [Валганов 2004, 192].

никакой роли в повседневной жизни созвездия, знания о которых были доступны только небольшой группе лиц. Например, созвездие Кита, а также большинство зодиакальных созвездий вообще не фигурируют в народной астрономии, поэтому отождествление с ними рисунка из лунок маловероятно.

Благодаря усилиям белорусских краеведов, первые сведения о наличии камней с ямками на территории нашей страны появились в середине XIX в., но обращать более пристальное внимание на них стали совсем недавно (В. Ф. Винокуров, Л. В. Дучиц, Э. А. Левков, А. К. Карабанов, Э. М. Зайковский, А. П. Зайцев и др.) [Зайцаў 2004 64–73; Вінакураў і інш. 2003, 231–251; Карабанаў і інш. 2011, 107–119]. Однако последовавшие за этим многочисленные исследования полученного материала лишь породили новые загадки. Найденный пепел, куски камней, глиняную посуду XVI–XIX вв. археологи отнесли к «вторичному» использованию этих культовых объектов, тогда как «первичное» все еще было окутано мраком. В Эстонии около таких камней во время раскопок обнаружены разнообразные предметы, датировка которых показала, что датировка начинается от железного века и прослеживается до позднего Средневековья. Спектр зафиксированных про камни современных легенд также колебался от историй о том, что дырочки образовались вследствие того, что «черти там играли в дучки, перекатывая по ямкам камушки», до рассказов о том, что ледниковые исполины становились жертвой разгневанного Перуна. Закономерностей относительно состава (петрографии) камней белорусские ученые также не отметили [Вінакураў і інш. 2003, 231–251]. Последние исследования показали, что большинство этих камней в Беларуси лежат на пахотных землях, расположенных на супесчаных почвах из-под сосновых лесов и тяготеют к палеоозерам, что дает основание связать ямки на камнях с подсечным земледелием и с использованием высоких в тот период болот и приозерных участков [Зайцев 2014, 320–327; Зайцев 2015, 94–102].

На территории Беларуси расположение большинства валунов с углублениями совпадает с местами расселения культуры шнуровой керамики, что, по одной из оценок, позволило отнести появление подобных выемок к 2000–1500 гг. до н. э. [Vitiaz, Vinakurau 2002, 76–77]. Согласно другим оценкам, время их нанесения можно отнести к 1500–500 гг. до н. э. [Зайцев 2015, 94–102]. У камней также выделяется несколько характерных черт [Vitiaz, Vinakurau 2002, 76–77]:

- они относительно крупных размеров, их длина варьируется примерно от 1 до 6 м;

- наличие у многих из них типично плоских поверхностей (часто горизонтальных или напоминающих стол), однако встречаются и камни, где лунки нанесены на боковые грани;
- типологическая близость ямок по форме и размерам, независимо от структуры камня, указывает на искусственное происхождение ямок и единый подход к их созданию.

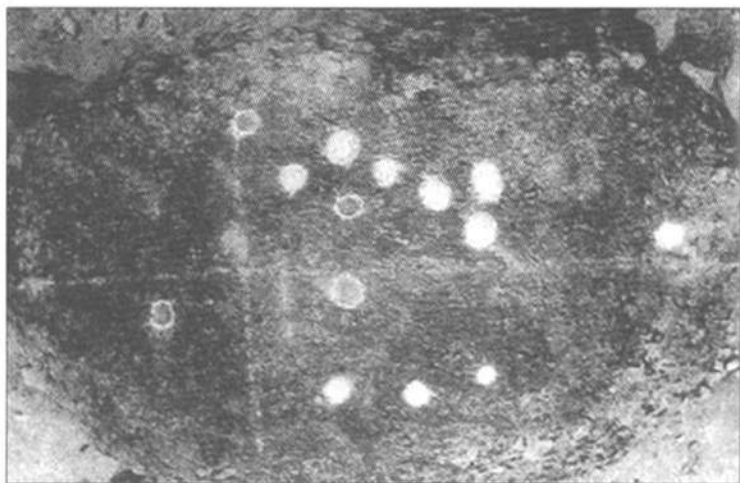
В Беларуси на сегодняшний день имеются данные примерно о полусотне валунов с лунками, которые делятся на две группы. К первой относятся камни с чашеподобными углублениями, диаметром до 70 см и глубиной от 2 до 15 см; ко второй — камни с лунками диаметром от 3 до 7,5 см и глубиной от 0,5 до 7 см; к третьей — камни с ямками неправильной формы от 7,5 до 15 см и глубиной от 5 до 15 см [Вінакураў і інш. 2003, 231–251; Зайцев 2015, 94–102]. До сих пор неизвестно, что символизируют единичные лунки, например, в рамках астрономической гипотезы, они могут обозначать Солнце, Луну или какую-либо яркую звезду, однако доказать в этом случае их «небесную» природу практически невозможно. В этом плане могут помочь лишь камни с созвездиями, которые можно соотнести с конкретными звездными скоплениями.

Несмотря на довольно большое количество камней с ямками в Беларуси, четкие указания на то, что на камнях могли присутствовать те или иные созвездия, единичны. Камень с созвездием Кассиопеи и галактикой М-31 (Андромеды), а также части Пегаса был описан Й. Вайшкунасом на самой границе Литвы и Беларуси (д. Пашевичи Браславского р-на Витебской обл.) [Vaiškunas 1994, 147–149; Vaiškunas 1997, 34–38]. Упоминается также некий «камень Друкшиу¹² в Литве» с теми же созвездиями, хотя, вероятно, имеется в виду тот же самый камень из Браславского р-на [Платов 2009, 286]. Также есть сведения о том, что на Чертовом камне в д. Велец Глубокского р-на и на камне в д. Стародворище (Старое Дворище) Браславского р-на изображено созвездие Большой Медведицы [Віцязь 2001, 42–43; Ляўкоў, Карабанаў 1998, 21–25].

¹² По всей видимости, это неверная транскрипция автором литовского топонима *Drūkšiai* (оз. Дрисвяты), на берегу которого и расположен камень.

Ил. 5. Камень в д. Пашевич.
(фото предоставлено автору В. Ф. Винокуровым)

Ил. 6. Прорисовка лунок на камне в д. Пашевичи
[Vaiškunas 1994, 147–149]

Еще один камень, описываемый В. А. Ивановым, был обнаружен им совместно с А. Л. Бычковым возле д. Бывалина Шумилинского р-на. Бывший морской штурман А. Л. Бычков определил, что узор из лунок напоминает созвездие Ориона. Автор пишет:

«Хорошо отображены лунками самая крупная звезда из Ориона — Бетельгейзе (ей соответствует и самая крупная лунка), три звезды из пояса Ориона — Альнитак, Альнилам и Минтака. Правее и выше их лунка на валуне обозначает звезду из Ориона Беллатрикс. А пониже и левее пояса Ориона на валуне помечена лункой звезда Саиф. Не отображены лунками только две нижние звезды Ориона — Хатика и Ригель, так называемые ножки Ориона. Но в этом месте валун прорезает канавка¹³ шириной 5 см и глубиной 10 см в направлении с севера на юг» [Иванов 2013, 94–100]. Примечательно, что, по данным автора, в 250 м от этого места расположен безлесый холм, на плоской вершине которого находится камень, который «с северной стороны имеет месяцеподобную лунку размерами — 40 × 7 см и глубиной 4 см».

Ил. 7. Камень у д. Бывалина Шумилинского р-на
(фото предоставлено автору А. Л. Бычковым)

¹³ В. А. Иванов даже выдвигает версию, что некоторые канавки «были ориентированы по сторонам света либо указывали на моменты восхода и захода Солнца во время солнцестояний». Это довольно спорное предположение, которое нуждается в проверке на большом количестве подобных камней. В ходе экспедиций «Уфокома» таких закономерностей отмечено не было.

Ил. 8. Камень из д. Стародворище (Старое Дворище) Браславского р-на
(фото Е. А. Шапошникова)

Ил. 9. Фрагмент Чертова камня в д. Велец
(Глубокский р-н, Витебская обл.). «Созвездие Большой Медведицы»
здесь можно увидеть с большим трудом
(фото автора)

Кроме этих четырех камней, как уже отмечалось выше, имелись упоминания как о валунах с созвездиями, находящихся в соседних с Беларусью странах (Россия, Литва, Латвия и др.), так и разбросанных по отдельным государствам Западной Европы. Это заставило нас предполагать, что малоизвестные мировому сообществу белорусские камни с лунками могут таить в себе еще целый ряд интересных открытий в этой области. Однако целенаправленная работа по картированию углублений на таких камнях в нашей стране никогда не велась, что побудило нас попробовать осуществить такую работу силами энтузиастов «Уфокома». Так как созвездия в их теперешнем понимании представляют собой группы звезд, для настоящего исследования нами были выбраны камни с количеством лунок больше двух¹⁴. Согласно данным литературы, таких лунковых валунов насчитывается в нашей стране более 30 [Вінакураў і інш. 2003, 231–251; Зайцев 2015, 94–102].

Целью наших исследований являлась проверка гипотезы о том, что лунковые камни являются картами разнообразных созвездий или иных астрономических объектов. Были поставлены следующие задачи:

- обследование уже известных камней и картирование валунов с лунками, диаметром от 3 до 7,5 см и глубиной от 0,5 до 7 см и сопоставление изображений с известными созвездиями и другими астрономическими объектами;
- определение GPS-координат камней с лунками;
- установление местонахождения новых камней;
- фиксация преданий о камнях у жителей близрасположенных деревень, а также возможных сведений об этноастрономии в этих регионах.

Всего в 2011–2016 гг. нами было картировано около 30 камней. Информация о камнях, посещенных за время проведения экспедиций, и схематическое изображение лунок на них, представлены в Приложении.

¹⁴ Проверялись также некоторые камни и с двумя лунками, так как бывало, что, несмотря на письменные источники, на самом деле лунок оказывалось больше двух.

Трудность отождествления рассеянных по камню лунок с созвездиями заключается в том, что присутствует исследовательский субъективизм. Очень сложно выработать жесткие критерии, по которым можно четко сказать, что на камне присутствует то или иное созвездие, или же мы сами захотели увидеть его черты. Поэтому обнаружение практически любого соответствия может быть расценено как попадание «пальцем в небо», если, конечно, оно не повторяется на целом ряде камней. К тому же очертания созвездий с течением времени изменяются, особенно значительными могут быть такие сдвиги в масштабах тысячелетий [Карпенко, 1981]. Некоторыми авторами учитываются подобные сдвиги при интерпретации и представлении результатов, но, с другой стороны, изменения местоположения звезд может позволить лишние лунки посчитать «звездами-отщепенцами» и приписать к своей гипотезе, уповав на астрономические факторы. Несоответствие количества звезд в созвездиях может быть объяснено и другими обстоятельствами: например, наблюдения осуществлялись ночью, а процесс выдалбливания лунок днем, что могло наложить на итоговое созвездие некоторое отличие [Müller 1939, 80–86]. Возможно также, что лунки в виде созвездий наносились на камень с целью попыток управления определенным объектом на небе или циклами сельскохозяйственных работ, которые маркировали его появления, что могло являться одним из ритуалов первобытной магии.

Если на камне уже обнаружен четкий контур созвездия, стоит тщательно обследовать все другие группы лунок и проанализировать выстраиваемые из них узоры: четкое соотнесение их с астрономическими объектами будет являться дополнительным фактором, который сделает выдвигаемую гипотезу состоятельной. Отсутствие такой привязки может говорить о более или менее случайном совпадении, но все же не последним «камнем в огород», уничтожающим все умпостроения.

Наиболее хорошо видимыми и чаще всего упоминаемыми созвездиями на территории Евразии являлись Большая Медведица (а также одна из звезд Малой Медведицы — Полярная), Плеяды и Пояс Ориона [Авилин 2015; Рут 2010]. Исследование местного ономастического материала, выполненное Й. Вайшкунасом, показало, что население территорий, относящихся к современной

Беларуси, так или иначе знало звездное скопление Плеяды (Сітка, Сітца), а также созвездия Большая Медведица (Возік, Вялікі Воз, Калёсы) и Орион (Касцы). Встречается также информация о более редких созвездиях: Овне, Возничих, Волопасе, Волосах Вероники, Козероге, Кассиопее¹⁵, Лебеде, Драконе, Близнецах, Лире, Малой Медведице и др. К числу заслуживающих внимания космонимов можно отнести и Млечный Путь (Птушыны Шлях) [Vaiškunas 1997, 168–179]. Более осторожно с этноастрономическим наследием обращается Т. В. Авилин, кроме «наиболее распространенных», он пишет всего о нескольких: Малой Медведице (Малы Воз), Волопасе (Ратай), Кассиопее (Касцы), Близнецах (Карона и Літва) и звездах — Сириусе (Сабака¹⁶), Полярной звезде (Гвязда Палярна) и Капелле (Каза) [Авилин 2015, 94–103]. К этой группе можно добавить и Венеру, которая могла восприниматься утром и вечером как две разные звезды (в ареале лунковых валунов на Вилейщине нами зафиксировано ее утреннее название — Заранка¹⁷, причем многие из опрошенных нами уверенно описывали закономерности движения Венеры в разное время года). В вопросе идентификации созвездий действительно нужно опираться на материалы опросов автохтонного населения, не подкупая все это «кабинетными» интерпретациями. Сложно, например, представить, что на камне в д. Пашевичи могли изобразить галактику М-31 (Андромеды) или «часть Пегаса», хотя узнаваемый контур Кассиопеи — куда как более вероятен. И хотя научно-технический прогресс и эволюционирующее самосознание периодически меняли представления о внешнем сходстве созвездий с теми или иными предметами/объектами, некоторые образные аналогии могли пройти даже сквозь тысячелетия.

Для сопоставления отдельных групп лунок, четко визуализирующихся на камнях, нами велось сравнение с базой уже известных «каменных созвездий» по всему миру, составленной после

¹⁵ Согласно исследованиям Т. В. Авилина, о созвездии Кассиопеи нет фольклорных упоминаний на территории Беларуси. В результате того, что слово *Кассиопея* похоже на слово *Касцы*, появился перенос с Ориона на Кассиопею.

¹⁶ Более поздняя калька с латинского *Canicula* (собачка).

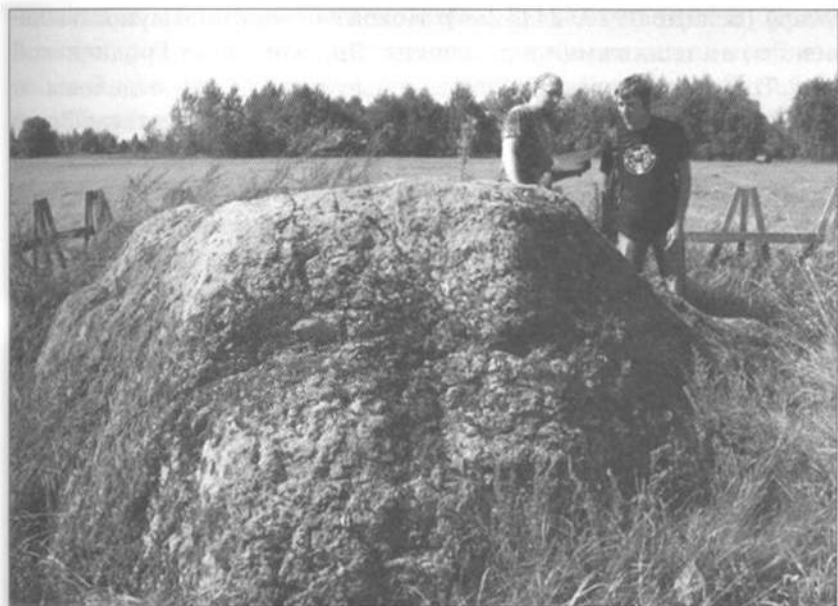
¹⁷ Записано со слов Нины Владимировны Верамей (1935 г. р.), д. Застенки Вилейского р-на.

анализа литературы по этому вопросу. Также в работе участвовал преподаватель астрономии С. В. Кравчук совместно с учащимися 11-х классов Антоновской средней школы Калинковичского р-на Гомельской области, которые искали схожие, с выявленными нами, контуры из лунок на различных звездных картах¹⁸. Впоследствии к анализу были подключены специалист по истории астрономии Е. Г. Абромчик, астроном, канд. физ.-мат. наук С. Н. Ефимов и др.

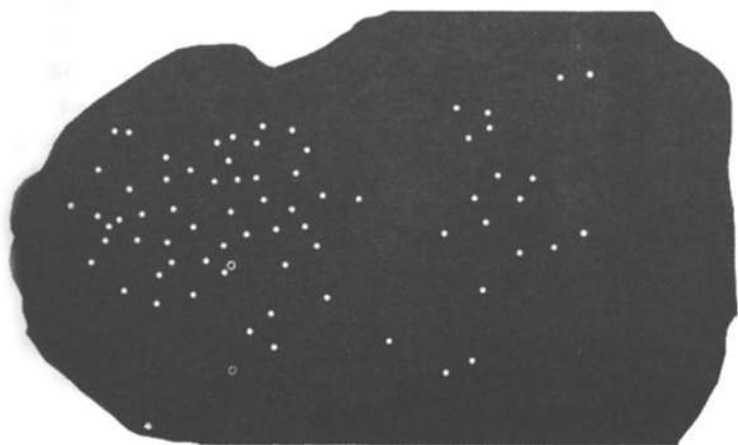
Археологические находки свидетельствуют, что конфигурация созвездия Большой Медведицы с течением времени претерпела незначительные изменения. Встречаются находки костей, бронзовых монетовидных амулетов, а также иглы с выбитыми изображениями хорошо узнаваемого ковша [Бродянский, Лукашенко 2004, 106–109; Ларичев 1989; Моисеева 1991; Makemson 1954, 163–171 и др.]. Поэтому поиск аналогий стоит начинать с этой всем известной группы звезд. При анализе собранной нами информации, можно предположить, что представленный под № 5 в Приложении камень (валун Большой Мишутский, или Перунов камень) не только содержит классическое изображение ковша Большой Медведицы, но также рядом расположенное созвездие Малой Медведицы¹⁹. Дополнительным подтверждением этого предположения может служить направленность «ручки» Малой Медведицы, которая указывает практически на север. Два созвездия разделены композицией из шести лунок. Согласно предположению, высказанному С. В. Кравчуком, по всей вероятности, здесь могла быть представлена одна из интерпретаций созвездия Цефея, однако более вероятно, что это созвездие Волопаса, которое во многих мифологиях тесно связано с Большой Медведицей и визуально соотносится с контуром этого созвездия. Сходное изображение имеется и на камне, расположенном близ местечка Венслев (Дания) и там эта фигура также соседствует с рядом лунок, которые напоминают созвездие Большой Медведицы (Charls's

¹⁸ Для полной уверенности хотелось бы привлечь к идентификации, кроме астрономов (которые настроены на поиск именно созвездий), также культурологов и ряд других специалистов.

¹⁹ Стоит отметить, что Малая Медведица известна в фольклоре на территории Беларуси гораздо меньше, несмотря на то что в ней расположена Полярная звезда.

Ил. 10. Валун у д. Мишуты
(фото Е. А. Шапошникова)

Ил. 11. Общий вид лунок на камне у д. Мишуты (Вилейский р-н)
(прорисовка автора)

Wain) [Schütte 1920, 244–254]. Похожее сочетание лунок выявлено нами и на камне в д. Заполье Лидского р-на Гродненской обл. Три представленные структурные композиции отделены от остальных лунок разломом и значительным пространством. Всего на камне около 84 лунок, поэтому наличие этих трех созвездий автоматически заставляет предполагать, что на камне могла быть изображена звездная сфера с ее различными элементами [Бутов 2014, 108–129; Бутов 2016, 4–35].

С помощью С. В. Кравчука на камне № 2 было четко идентифицировано созвездие Северная Корона (Corona Borealis) — одно из наиболее распознающихся на ночном небе. Хотя упоминание о некой «короне на небе» есть в распоряжении отечественной этноастрономии, сложно сказать какое именно созвездие имеется в виду: «Каруна», «Карона», «Карона с зорак», «Богородичино коло», «Богородочка — куча зорок на нэби» и др. [Авилин 2015, 100; Полесский архив; Ровинский 1909, 105; Красневич 1926, 112]. «З дванаццаці звёздаў карона ўпляцёна і на галаву пану Езусу палажона. Больш выдаць у зіму» (Браславский район) [Авилин, 2015, 100]. Некий небесный «венец»²⁰ упоминает еще Симеон Полоцкий: «Зато венец в небе вьется для тебе» [Симеон Полоцкий 1990, 33–38].

Интересным приложением для будущих исследований представляется поиск на камнях сходных элементов изображений, по выражению некоторых зарубежных исследователей «повторяющихся паттернов» [Yang 2015, 2149–2156]. Мы не знаем, как думал древний человек, однако известно, что «мысли витают в воздухе», значит, в определенную эпоху на одной и той же территории одни и те же созвездия могли видаться и изображаться примерно одинаковыми. Некоторые из элементов-паттернов встречаются на камнях, которые мы картировали, от двух до семи раз, заставляя предполагать их значимость. Так, изображение на Любецком камне (№ 3 в Приложении, ныне находится в Вилейке) практически копирует аналогичную композицию на камне в д. Цинцевичи (№ 7 в Приложении). Интересно, что на сходство изображения на камне, расположенном в д. Цинцевичи, с колесницей, обратил

²⁰ Т. е. восхваление кого-то.

внимание литовский исследователь В. Вайткавичус во время международной научно-практической конференции по проблеме камней с малыми ямками²¹ [Вилейка 2003]. Краевед А. П. Зайцев в свой каталог также занес его с пометкой «как колесница». На сегодняшний день таких однотипных изображений, напоминающих раздвоенную литеру «У», или «колесницу», нами уже выявлено 7. Возможно, они являлись вариантами представления о созвездии Большой Медведицы или обозначали Млечный Путь.

Следует рассмотреть, действительно ли перед нами целенаправленно созданный узор, а не случайное сочетание бессистемно нанесенных отверстий? Выявленные нами группировки обладают как сходными, так и отличающимися чертами. Например, они нанесены на плоских поверхностях, а не выбиты по кромке и, скажем, повторяют форму верхнего гребня камня. Исключение составляет только Будревичев камень (д. Ремзы Вороновского р-на), лунки на котором повторяют контур верхней части островершинного валуна. Стоит отметить определенное сходство узора на камне из д. Заполье Лидского р-на (№ 6 в Приложении) с сочетанием лунок на Большом Мишутском валуне (д. Мишуты Вилейского р-на). Однако из-за того, что камень в д. Заполье потерял свою изначальную ориентацию, это мешает увидеть целостную картину²². Количество лунок в выявленном нами «знаке» варьирует от 4 до 8, при этом в разных частях страны можно найти практически полные аналоги по форме. Однако на данном этапе мы все еще не знаем, является ли это сочетание искусственно созданным или образовалось случайно²³.

До сих пор на камнях с лунками, найденных на территории Беларуси не было обнаружено каких-либо изображений²⁴. В ходе экспедиции «Уфокома», прошедшей 29 августа 2011 г., был

²¹ Неопубликованное сообщение.

²² У него есть и еще одно отличие: на камне четко просматривается углубление, где раньше могла скапливаться вода. Причем рядом находится камень меньших размеров со сходным углублением, но понять, изначальное ли это его место или он был перемещен с поля, в настоящее время невозможно.

²³ Благодарю В. Г. Мизина за методологические замечания в этом вопросе.

²⁴ Кроме рисунков, появившихся в более поздние эпохи, например, креста на камне Воротишин Крест и др.

обследован камень из д. Котловцы. На поверхности камня нами был выявлен крест в круге, возможно искусственного происхождения²⁵. Аналогичные кресты обнаружены на различных камнях от Британии до Швеции, в том числе на нескольких «камнях с Большой Медведицей» в других странах, поэтому можно, с изрядной долей допущения, считать его первобытным символом центра небосвода²⁶. Хотя, как отмечает Е. В. Антонова, у древнего человека могла быть совершенно иная система условных обозначений для астронимов, чем это принято считать в настоящее время [Антонова 1996, 6–8].

Стоит также упомянуть, что в процессе поисков, 1 сентября 2012 г. близ д. Ждегели Браславского р-на автором и Е. А. Шапошниковым был обнаружен неизвестный науке камень с выбитой на нем единственной большой лункой [Бутов 2014, 108–129]. Неизвестные ранее лунковые камни были обнаружены нами также 29 апреля 2016 г. в д. Заполье Лидского р-на и 21 мая 2016 г. — в д. Енчи Вороновского р-на²⁷. Руководитель Радунского народного историко-краеведческого музея И. И. Фесенко обратил внимание, что на камне у д. Енчи присутствуют как крупные лунки, диаметром 5–6 см и глубиной 3 см, так и более мелкие, диаметр которых 2–3 см и глубина 1,5 см. Интересно, что крупные лунки образуют четко узнаваемую конфигурацию «ковша» (из 7 ямок) на фоне которого выбито несколько мелких. Нечто похожее можно наблюдать на известном камне в итальянской коммуне Лилльян, который описал археоастроном Джудио Коссард и на уже упомянутом Бологовском камне [Corradi, 2008; Святский 1961, 71–129].

²⁵ Находка требует независимой проверки других специалистов.

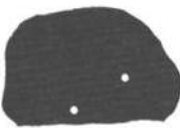
²⁶ Сам знак креста в круге имеет много названий: колокрыж, солнечный или кельтский крест и т. д. Некоторые считают его солярным или лунарным знаком, межевым знаком и т. д., но автор придерживается мнения, что он символизировал весь небесный круг или «небесное колесо», либо же четыре времени года в годовом круге. Во времена становления христианства в Европе полярный круг назывался именем, пришедшим непосредственно из языческих времен «колесо — гвоздь — круг» (hjol — gads — hringr). Гвоздем колесо крепится к оси [Рейтер 2014, 103]. Такие кресты встречаются на некоторых камнях и в Беларуси.

²⁷ Информация получена от краеведа И. И. Фесенко (г. п. Радунь, Вороновский р-н).

В последние годы воплощенные в камне «космические мотивы» продолжают отстаивать многие исследователи по всему земному шару, однако у этой версии все четче вырисовываются определенные методологические проблемы [Martini, 2002]. К сожалению, белорусские лунковые валуны страдают той же самой «болезнью», что и их аналоги в других странах: астрономы замечают, что пространственное расположение предполагаемых созвездий зачастую не соответствует их реальному положению на небе. Не до конца проработанная методика сличения изображений на камнях с реальными астрономическими телами может в настоящее время все еще являться объектом для критики. Тем не менее, выявленное внешнее сходство некоторых структурных элементов валунов с современными контурами созвездий, наталкивает на предположение о том, что некоторые камни действительно могли быть связаны с небом, космосом и выполнять в древних обществах определенную сакральную функцию. Дальнейшая проработка вопроса распознавания «закодированных» образов не должна игнорировать предложенные наработки зарубежных ученых и, по возможности, учитывать их при усовершенствовании методологического аппарата. Более пристального внимания требует также изучение ареала распространения подобных древних артефактов на территории Беларуси и сопредельных стран. Не менее важно изучить и выделить детали ландшафта, к которым были привязаны эти камни, собрать и изучить сохранившиеся о них легенды, связанную с ними современную топонимику и т. д.

Хотелось бы высказать благодарность всем тем, кто при работе над этой статьей постоянно консультировал автора и помогал ему советами и ценными замечаниями: А. П. Зайцеву, В. Ф. Винокурову, Э. М. Зайковскому, Л. В. Дучиц, Т. В. Авилину, Д. В. Скворчевскому, В. Н. Гайдучику, Е. Г. Абромчик, С. Н. Ефимову и С. В. Кравчуку. За помощь в организации экспедиций, фотосъемку и работу по картированию лунок отдельное спасибо Е. А. Шапошникову.

**Лунковые валуны, картированные в ходе экспедиций
«Уфокома», 2011–2016 гг.**

№	Название камня	Местона- хождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
1.	б/н	д. Студенки Вилейский р-н	N 54.60005 E 26.95716		13
2.	б/н	д. Студенки Вилейский р-н	N 54.59890 E 26.96952		5
3.	Лю- бецкий камень	г. Вилейка (перевезен из д. Утки) Вилейский р-н	N 54.502272 E 26.92295		10
4.	б/н	г. Вилейка (перевезен из д. Боров- цы) Вилей- ский р-н	—		2*
5.	Валун Боль- шой Мишут- ский	д. Мишуты Вилейский р-н	N 54.53830 E 26.62329		≈84

* Камень перевернут.

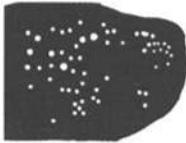
ЛУНКОВЫЕ КАМНИ БЕЛАРУСИ

№	Название камня	Местонахождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
6.	б/н	д. Констанполье Вилейский р-н	N 54.52273 E 26.65699		12 (5 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
7.	б/н	д. Цынцевичи Вилейский р-н	N 54.54748 E 26.83109		7
8.	б/н	д. Цынцевичи Вилейский р-н	N 54.54748 E 26.83109		5
9.	Заб(о)-лоцкий камень	д. Котловцы Вилейский р-н	N 54.66770 E 27.00726		35
10.	б/н	д. Стебيراки Вилейский р-н	N 54.68354 E 26.93938		22
11.	б/н	д. Стебيراки Вилейский р-н	N 54.685421 E 26.95666		19 (18 + 4 спорных по А. П. Зайцеву (Зайцев, 2016, 36–42))

№	Название камня	Местонахождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
12.	б/н	д. Бильцевичи Вилейский р-н	N 54.5493 E 26.8822		11
13.	Язэпов камень (Язэповик)	д. Грицуки Вилейский р-н	N 54.5304 E 27.0346		16
14.	б/н	д. Королевцы Вилейский р-н	N 54.638682 E 26.771029		20 + 6 спорных (23 в неопубл. каталоге А. П. Зайцева)
15.	б/н	д. Дворец Вилейский р-н	N 54.67073 E 26.732258		13*
16.	б/н	д. Студенки Вилейский р-н	N 54.60184 E 26.96505		2
17.	б/н	д. Туровщина, (перевезен в д. Любань) Вилейский р-н	N 54.595543 E 26.876661		4 (+1 спорная)

* Камень перевернут.

№	Название камня	Местонахождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
18.	б/н	д. Савино Вилейский р-н	N 54.551509 E 26.920916		15
19.	б/н, или Большой камень	д. Юшко- вичи Мядельский р-н	N 54.938105 E 26.928996		6 + 2 спор- ных (3 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
20.	б/н	д. Занарочь Мядельский р-н	N 54.79478 E 26.79044		14 (8 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
21.	б/н	д. Старо- дворище (Старое Дворище) Браславский р-н	N 55.43151 E 26.73343		4 (7 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
22.	Мартин камень	д. Лайбуны Браслав- ский р-н	N 55.38150 E 26.67083		7 (2 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)

№	Название камня	Местонахождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
23.	б/н	д. Пашевичи Браславский р-н	—		11 (по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251) / 15 (по Й. Вайшкунасу) (Vaiškunas 1994, 147–149)* (Vaiškunas)**
24.	Чертов камень	д. Велец Глубокский р-н	N 55.262778 E 27.906389		60 (33 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
25.	б/н	д. Зеневцы Щучинский р-н	N 53.690546 E 24.965319		11 (25 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
26.	Дзынговый камень	Между д. Тумашевцы и Дерванцы Щучинский р-н	N 53.649423 E 24.97240		19***

* Прорисовка лунок выполнена по фотографии, предоставленной автору А. Л. Бычковым.

** Прорисовка лунок выполнена по фотографии из статьи Й. Вайшкунаса [Vaiškunas 1997, 34–38].

*** Камень перевернут.

ЛУНКОВЫЕ КАМНИ БЕЛАРУСИ

№	Название камня	Местонахождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
27.	б/н	д. Баличи, Щучинский р-н	N 53.513595 E 24.757263		40 + 5 спорных (31 или 33 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
28.	б/н	Между д. Барташи и Заречье Щучинский р-н	N 53.577179 E 24.641845		426* (33 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
29.	б/н	д. Дайнова-1 Лидский р-н	N 53.871736 E 25.186835		22 (13 по В. Ф. Винокурову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
30.	б/н	д. Заполье Лидский р-н	N 53.889176 E 25.181138		17**
31.	б/н	д. Енчи Вороновский р-н	N 54.149167 E 24.894722		36 (+5–6 спорных)
32.	Будревичев камень	д. Ремзы Вороновский р-н	N 53.924167 E 24.718889		7

* Камень перевернут.

** Камень перевернут.

№	Название камня	Местона- хождение	Координаты	Схематическое изображение	Количество углублений
33.	б/н	д. Бывалина Шумилин- ского р-на	—		12*
34.	б/н	д. Острово Зельвенско- го р-на	N 53.247222 E 25.006944		17 + 17 спор- ных (12 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)
35.	б/н	д. Острово Зельвенско- го р-на	N 53.247222 E 25.006667		2
36.	б/н	д. Большая Кракотка Слонимско- го р-на	N 53.021667 E 24.976389		5
37.	б/н	Между д. Милеви- чи и До- рогляны Мостовского р-на	N 53.283889 E 24.856389		10 (12 по В. Ф. Вино- курову) (Вінакураў і інш. 2003, 231–251)

* Прорисовка лунок выполнена по фотографии, предоставленной автору А. Л. Бычковым.

ЛИТЕРАТУРА

- Авілін Ц. Паміж небам і зямлей: этнаастраномія. Мінск, 2015.
- Антонова Е. В. Специфика условных изображений дописьменных культур и проблема их интерпретации как знаков светил // Археoaстрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции 15–18 октября 1996 г. М., 1996. С. 6–8.
- Ашихмина Л. И. Святилище-обсерватория (?) Вомыньг на Верхней Вычегде // Археoaстрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции 15–18 октября 1996 г. М., 1996. С. 8–10.
- Бажноков Б. Х. Чашевидные знаки кавказских дольменов // Археология и этнология северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик, 2013. С. 7–32.
- Бродянский Д. Л., Лукашенко В. А. Созвездия на камнях: пласт астроархеологических источников в неолите и палеометалле Приморья // Вестник ДВО РАН. № 1. Владивосток, 2004. С. 106–109.
- Бутов И. С. Загадка звездных камней // Священные камни. Очерки сакральной географии Восточной Европы. М., 2014. С. 108–129.
- Бутов И. С. Розеттский камень белорусской астроархеологии // Таинственная Беларусь: материалы конференции (16 января 2016 г., г. Минск). Минск, 2016. С. 4–35.
- Вайшкунас Й. Народная астрономия белорусско-литовского пограничья // Балто-славянские исследования. XVI. М., 2004. С. 168–179.
- Василявичус Л. Девичья рубашка на «звездном камне» // Отечество: краеведческий альманах. М., 2000. С. 125–133.
- Валганов С. В. Дольмены Кавказа. Реконструкция культа. М., 2004.
- Віакураў В. і інш. Культавыя валуны са штучнымі паглыбленнямі на Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 15. Мінск, 2003. С. 231–251.
- Віцязь С. П. Фарміраванне каляндарнай традыцыі Беларусі: гістарыя графічна-крыніцазнаўчае даслед.: дыс. на саіск. вуч. ступ. канд. гіст. Навук. Мінск, 2001.
- Демаков А. А. Археoaстрономические исследования на Нижне-Архызском городище // Heritage: астрономическое наследие [электронный ресурс]. URL: <http://heritage.sai.msu.ru/history/arheo> (дата обращения: 11.07.2011).
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М., 2011.
- Еремин Г. Свяжи Солнце каменной цепью... // Техника — молодежи. № 6. 1979. С. 53.
- Зайкоўскі Э. М. Касмалагічныя ўяўленні старажытнага насельніцтва Беларусі // Гістарычна-археалагічны зборнік. Ч. 1. Мінск, 1993. С. 84–89.
- Зайцаў А. Сакральная геаграфія Вілейшчыны (паганскія культавыя помнікі Вілейшчыны) // Культурны ландшафт Вілейшчыны: Матэрыялы Вілейскай рэгіянальнай навукова-практычнай канферэнцыі. 26–27 ліпеня 2003 г. Мінск, 2004. С. 64–73.

Зайцев А. П. Историческая и мифологическая семантика «ямочных камней» // Традиції і сучасні стан культури і мистецтва. Матеріялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (28–29 лістапада 2013 г., г. Мінск). Ч. 2. Мінск, 2014. С. 320–327.

Зайцев А. П. Итоги исследования камней с ямками на территории Беларуси в 2010–2014 годах // Таинственная Беларусь: материалы конференции (25 января 2015 г., г. Минск). Минск, 2015. С. 94–102.

Зайцев А. П. Камни с ямками в Беларуси — новые открытия // Таинственная Беларусь: материалы конференции (16 января 2016 г., г. Минск). Минск, 2016. С. 36–42.

Иванов В. А. Валуны и кресты восточной Витебщины // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навуковых канферэнцый, 20–21 кастрычніка 2011 г., 14–15 лістапада 2012 г., г. Віцебск. Мінск, 2013. С. 94–100.

Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М., 1981.

Красневич Г. Крывічанскія назовы гвёзд // Крывіч. 1926. № 11 (1). С. 119.

Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII веках. Ставрополь, 1993.

Куликовский П. Г. Справочник любителя астрономии. М., 1971.

Карабанай А. К. і інш. Культывы і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск, 2011.

Кусов Г. Камень с Большой Медведицей // Вокруг света. № 5. 1989. С. 52–53.

Ларичев В. В. Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск, 1989.

Лукашенко В. А. Янковские звездочеты // Миграционные процессы на Дальнем Востоке (с древнейших времен до начала XX века). Благовещенск, 2004. С. 50–52.

Ляўкоў Э., Карабанай А. Валуны як помнікі гісторыі і культуры Браслаўшчыны // Памяць. Браслаўскі раён. Мінск, 1998. С. 21–25.

Маланин И. Там, где черти табак мололи // Аномалия. № 3. 2009. С. 33–37.

Моисеева Н. И. Время в нас и время вне нас. Л., 1991.

Немытов Н. Отражение бездны // Курганник: Были и легенды Крыма. Симферополь, 2007. С. 46–52.

Передольский В. С. Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898.

Платов А. В. Мегалиты русской равнины. М., 2009.

Пуятин П. А. Из области астрономической археологии. Изображения созвездия Большой Медведицы на каменной точилке каменного периода России. [Рукопись. Закончена 19 марта 1886] // РА ИИМК. Ф. 3. № 557.

Рейтер О. З. Звездное небо викингов. Астрономия древних германцев. М., 2014.

Ровинский П. Черногория в ея прошлом и настоящем. Т. II. Ч. 2. СПб., 1909.

Рут М. Э. Словарь астрономов. М., 2010.

Святский Д. Очерки истории астрономии в древней Руси // Историко-астрономические исследования. М., 1961.

Симеон Полоцкий. Вирши. Минск, 1990.

Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней // Славяно-русские древности. Краткие сообщения. М., 1991.

Baudouin M. Démonsration de l'existence, au Néolithique, de Pierres à Cupule représentant les Pléiades au naturel et de l'Unie des Pléiades de la Période grecque // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1917. № 5. Tome 14. P. 237–244.

Baudouin M. La préhistoire par les étoiles: un chronomètre préhistorique. Maloine, 1921.

Bradley R. Rock art and the prehistory of Atlantic Europe. London, 1997.

Brennan M. The Stars and the Stones. Ancient Art and Astronomy in Ireland. London, 1983.

Brennan M. The Stones of Time: Calendars, Sundials, and Stone Chambers of Ancient Ireland. Vermont, 1994.

Browne G. On Some Antiquities in the Neighbourhood of Dunecht House. Aberdeenshire, 1921.

Bryman W. Hällristningar i Göteborg med utblickar mot Sydbohuslän och Götaälv dalen. Vänersborg, 1986.

Brunod G. The visibility tunnel: survey method of astronomical oriented cup-marks // Proceedings of the International Meeting: Archaeoastronomy, a Debate Between Archaeologists and Astronomers Looking for a Shared Method. Held Genoa and Sanremo, February 8–9, Genoa and November 1–3. Sanremo, 2002.

Černiauskas M. Gaštyņų megalitinis paminklas // Mokslas ir gyvenimas. 1974. Vol. 7. P. 60.

Corradi M. Chissà cosa diceva Dio ai primitivi delle caverne che guardavano il suo cielo alla luce rossa del fuoco // TEMPI [Elettronico la risorsa]. URL: <http://www.tempi.it/chiss-cosa-diceva-dio-ai-primitivi-delle-caverne-che-guardavano-il-suo-cielo-alla-luce-rossa-del#WmouQjdn1PY>. (Data di accesso: 01.07.16.)

Lumley H. et al. Figurations de l'amas stellaire des Pléiades sur deux roches gravées de la région du Mont Bego // L'anthropologie, 111. — Z. IX. — G. II. — R. 4 et — Z. IX. — G. III. — R. 6. 111. 2007. P. 755–824.

Henriksson G. Prehistoric constellations on Swedish rock-carvings // Actes de la Vème Conférence Annuelle de la SEAC Gdansk, 5–8 septembre 1997. Warszawa; Gdansk, 1999. P. 155–173.

Klimka L., Vaitkevičius V. Laukagalio apeiginis akmuo // Paparčių ir Žaslių apylinkės. Kaišiadorys, 1997. P. 343–350.

Larsen M. Oldtidens danskere tegnede solformørkelsen // BT. 22 august. 1999.

Makemson M. Astronomy in Primitive Religion // The Journal of Bible and Religion. Vol. 22. № 3. 1954. P. 163–171.

Mann L. M. The eclipse in 2983 b. c. discovery near Glasgow marked stone of great antiquity what the «cup and rings» mean // Glasgow Herald newspaper. 1930, 17 September. P. 13.

Martini S. Constellation perception and rock art: methodological problems // Proceedings of the International Meeting: Archaeoastronomy, a Debate Between Archaeologists and Astronomers Looking for a Shared Method. Held Genoa and Sanremo, February 8–9 Genoa and November 1–3 Sanremo. 2002.

Moore G. Ancient Pillar Stones of Scotland: Their Significance and Bearing on Ethnology. Aberdeen, 1865.

Müller R. Gestirnsbilder auf Näpfchensteinen und vorgeschichtlichen Funden? // Germaneen Erbe. 1939. Hf. 3. S. 80–86.

Rosborn S. Skånes skålgropsförekomster. En gammal 3-betygsuppsats hämtad ur gömmorna // Academia [Electronic resource]. URL: [https://www.academia.edu/15541088/Skånes_skålgropsförekomster._En_gammal_3-betygsuppsats_hämtad_ur_gömmorna._1971_](https://www.academia.edu/15541088/Skånes_skålgropsförekomster._En_gammal_3-betygsuppsats_hämtad_ur_gömmorna._1971_.). (Date of access: 5.03.2016).

Schels P. Schabespuren auf Stein (Rillen und Näpfchen) [Elektronische Ressource]. URL: <https://www.yumpu.com/de/document/view/8703752/schabespuren-auf-stein-rillen-und-napfchen-hosting-agency/2>. (Zugriffsdatum: 06.02.2016).

Schütte G. Primaeval Astronomy in Scandinavia // Scottish Geographical Magazine. Vol. 36. № 4. 1920. P. 244–254.

Vaiškūnas J., Vaitkevičius V. Lietuvių liaudies žinios apie žvaigždes // Ramuva. 1997. № 3. P. 34–38.

Vaiškūnas J. Litauische Sternkunde // Second SEAC Conference Bochum, August 29th–31st, 1994. Bochum, 1996. P. 147–149.

Vaitkevicius V. Studies into the Balts' Sacred Places. Lithuanian Institute of History // BAR International Series 1228. 2004.

Vitiaz S., Vinakurau V. Cup-Marked Stones («Star Maps») in Belarus // Archaeoastronomical data and the echoes of cosmic catastrophic events (Abstracts submitted for the SEAC 2002 Tenth Annual Conference, 27–30 August in Tartu, Estonia). Tartu, 2002. P. 76–77.

Yang H. J. Astronomical Aspects of Korean Dolmens // Handbook of Archaeoastronomy and Ethnoastronomy. New York — London, 2015. P. 2149–2156.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КАМНИ ЛАТВИИ

Л. Якубенока

Введение

В Латвии много преданий, связанных с камнями. В научной и популярной литературе их обычно называют культовыми или священными камнями. Автор данной статьи предпочитает термин «мифологические камни», так как он шире, чем термин «культовый камень». Нельзя утверждать, что все камни, связанные с мифологическими преданиями, являются объектами культа и ритуальных действий, но все они связаны с мифическим восприятием мира. Цель этой публикации — показать колоритность и многообразие связанных с камнями преданий, понимая в то же время, что в рамках одной статьи невозможно охватить все многообразие преданий. Так, в этой статье мы лишь слегка коснемся темы камней и заколдованных кладов, хотя именно о них фольклорный материал наиболее многообразен и многочислен. Также за рамками нашей статьи остались предания, связанные с окаменевшими людьми, мифическими персонажами и животными.

Главным персонажем многих преданий является *велнс* (черт). Фольклорный черт — многослойный образ. В нем можно опознать древнее хтоническое божество, связанное с камнем, водой, плодородием, скотоводством, загробным миром, богатством. Также с его образом слились многочисленные духи природы и души умерших, особенно, людей, умерших не естественной смертью.

В публикации использованы как предания, которые собраны в 20-е и 30-е гг. прошлого века и ныне хранятся в Хранилище латышского фольклора Института литературы, фольклора и искусства Латвийского университета, так и фольклорные собрания наших дней. В статью включены также сообщения об объектах, выявленных в новейшей краеведческой практике. Предания,

почерпнутые из Хранилища латышского фольклора, в тексте отмечены аббревиатурой ХЛФ и соответствующим номером учета в картотеке хранилища.

Черти перемещают камни

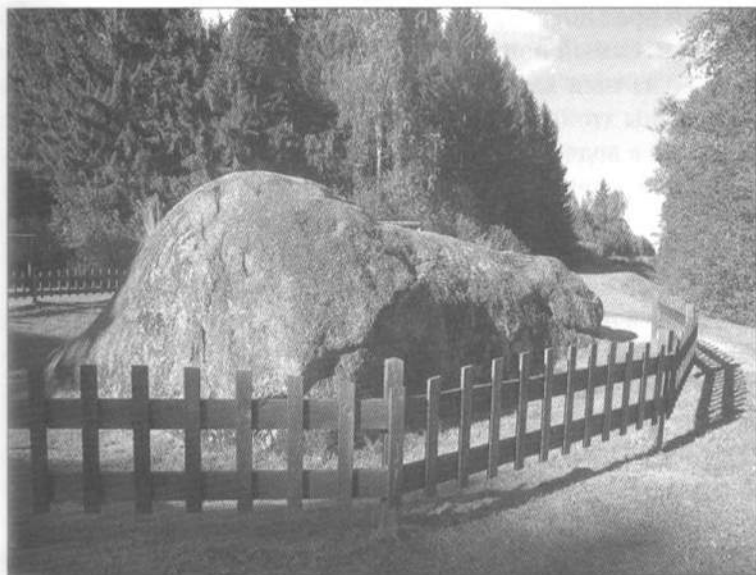
По народным представлениям как отдельные камни, так и скопления камней в воде и на суше, в основном, появились благодаря проделкам черта. Он эти камни или даже целые кучи камней носит, иногда камни катит, везет конной повозкой, медленно толкает вперед, шевелит, кидает.

Типичный сюжет преданий — черт нес камень, но пропел петух, и черт выпустил свою ношу. Христианское и языческое видение мира слилось в преданиях, в которых черта в работе потревожил колокольный звон или человек, говоря: «Бог в помощь!» Так, по преданию (ХЛФ 553, 3121), камень Укру Ауценского края черт закатил бы неизвестно куда, если бы человек не сказал ему: «Бог в помощь!» Нужно отметить, что это выражение в сказаниях, как Латвии, так и Литвы человек использует, увидев сидящего на камне и выполняющего какую-либо работу черта.

У камней, которые несет черт, обычно внушительные размеры. Так, самый большой валун Латвии — Ницгальский Большой камень (ил. 1) Даугавпилсского края — черт нес, чтобы перегородить р. Дубна (ХЛФ 1177, 370). По другому варианту этого предания валун несли 12 чертей.

Причины, по которым черт носит камни, самые разные. Во многих преданиях он камни таскает, чтобы перегородить какой-то водоем. Так, по преданию (ХЛФ 891, 5714) черт нес камень, чтобы запрудить Даугаву, но, когда бросил камень в реку, понял, что для Даугавы тот слишком мал. Вытащил, чтобы нести дальше и бросить в Гаю, но запел петух. В результате появились ныне популярный Чертов камень около бывшего имения Пастамуйжа Кокнесского края и омут в Даугаве.

Часто черти камни несут, чтобы что-то строить: дворец, мельницу, баню, мост (через реку, озеро, Рижский морской залив, море). Также черт носит камни, чтобы разрушить церковь или запереть дверь церкви.

Ил. 1. Ницгальский Большой камень
(фото Л. Якубеноки, 17.08.2015)

В некоторых преданиях черт перемещал камни, заботясь о своей семье. Так, по преданию (ХЛФ 34, 120) черт нес камни, чтобы помочь жене и детям переправиться через р. Салацу. В Добельской начальной школе записано предание (ХЛФ 1576, 3161) о черте, который шел на встречу с невестой через болото Пенчи. Он там собирал камни, чтобы невеста не побила ноги. Когда запел петух, бросил их в полях усадьбы Клабьи.

Уникально предание из Мадонского края (ХЛФ 2020, 558), в котором рассказывается, что черту завершить его работу не позволял лен. Черт от Акменьпурва («Каменное болото») нес камень в сторону р. Айвиекте, а ему навстречу лен, — и давай рассказывать все свои муки, которые ему пришлось пережить от человека. Пока он рассказывал про весь цикл обработки льна, запел петух, и черт, бросив камень, убежал. Предания о мучениях льна или конопли встречаются как у славян, так и у балтов, но только в данном повествовании сюжет привязан к конкретному объекту мифологического ландшафта.

Все эти предания соответствуют принципам мифологического мышления. Самый популярный мотив преданий — перегородить водоем — на наш взгляд и самый важный, ведь с земными водами связаны хтонические божества индоевропейцев, в том числе черт, также в воде живут многие персонажи низшей мифологии. Даже в тех преданиях, где появляется церковь, просматривается языческий пласт, и как мотив взаимной неприязни богов небесных и богов хтонических, и как борьба язычества с христианской верой.

Своеобразен круг преданий о камнях, которые черт вез. По преданию (ХЛФ 1666, 19) в городе Бауска камень Петра появился, когда строили мельницу. Для постройки ночью камни вез сам черт. Несколько преданий о камнях, которые вез черт, черт и старичок или только старичок, происходят из окрестностей города Лиепая. Некоторые из этих преданий довольно легко можно отнести к Большому камню в Капседе Медзенской волости, другое предание — к теперь уже уничтоженному граничному валуну у города Лиепая. Так, первый камень (ХЛФ 94, 9190) лошадью, запряженной в лучинные сани, везли из Зиемупе в Лиепаю черт и старичок, который призвал черта, вскрикнув: «Черт бы побрал, какое холодное время!», но пропел петух, и им пришлось камень бросить. В другом предании этот камень вез старый мужичок в маленьких салазках, которые тащила белая кобыла. Салазки сломались, камень остался лежать, а старик прыгнул на спину кобыле и ускакал в болото. (ХЛФ 1704, 2301). Надо думать, что в этом случае мужичок есть сам черт, недаром же он ускакал в болото. Это подчеркивается еще и тем, что в другом варианте предания сказано, что камень на белой лошади вез черт, а сани сломались, и черт ускакал (ХЛФ 1704, 4103).

Иногда черт камень катит. В Ранкской волости Гулбенского края записано предание (ХЛФ 67, 3884), где черт катил большой камень, который, когда запел петух, оставил на перекрестке дорог. На берегу озера поместья Граузде Джукстской волости Тукумского края был большой камень, который черт каждый год рогами толкал вперед (ХЛФ 1551, 5210). В фольклоре упомянут и камень, под которым жил черт, этот камень около полуночи шевелился (ХЛФ 1188, 4636). Ранее упомянутый Чертов камень Пастамуйжа черт ночами пробовал сдвинуть с места (ХЛФ 925, 803).

Многие валуны носят название *Чертов камень* потому, что по преданиям они были принесены чертом. С таким же успехом Чертовым камнем можно называть камень, около которого, под которым или даже в котором черт живет.

Камни — жилища черта

В Цераукстской волости Баускского края записано предание (ХЛФ 1650, 6162) о человеке, который встретил молодого незнакомого барина и спросил, где он живет. Тот ответил, что в поле под большим камнем. Позже этот камень разбил гром. Во Варкавском крае около Чертова болота был большой камень (ХЛФ 935, 32798), под которым находился дворец черта. Там он гулял свадьбы и держал своих жен. У одной пастушки под этим камнем пропал баран.

Иногда черт может жить в подземелье или в аду. Камень в преданиях появляется исключительно как дверь или вход в жилище черта. Так, если откатить Кригальский Большой камень в Нитаурской волости Аматаского края (ХЛФ 738, 11), то будет видна дорога в ад. В Яуналуksenской волости Алуksenского края записано предание о большом камне, который служил для выхода черта из подземелья. Однажды черт вылез на поверхность и украл девушку (ХЛФ 210, 671). Недалеко от Селпилс Салского края лежит большой камень (ХЛФ 914, 508). Ночами около камня светились огоньки, потому что черт там сушил деньги. В полночь из камня выезжала карета с шестью черными лошадьми и уезжала обратно под камень.

В Ренценской волости Буртниекского края записано предание (ХЛФ 1978, 2856) о черте, который душил в клетки спящую молодую женщину Машу, а когда та вскрикнула: «Черт», — черт убежал в камень, который с тех пор называется Чертовым камнем. В городе Добеле записано предание (ХЛФ 1576, 5820) о барине по имени Рагс, который у хозяина просил жилье. Хозяин ему наконец выделил большой камень у дороги. В Рудбаржской волости Скрунденского края записано предание (ХЛФ 1188, 4636) о женщине, у которой в животе жил черт. Знахари черта загнали в овраг около хутора Валдайни, где тот остался жить под большим камнем. Здесь уместно заметить, что из вышеупомянутых преданий хорошо

просматривается многослойность образа черта от первобытного великана, таскающего камни, до домашнего божка и даже персонажа средневековой демонологии.

По преданиям камни могут быть не только жилищами черта и других персонажей низшей мифологии. Они им служат креслами, кроватями, столами. Огромный валун в Грижи Таргальской волости Вентспилского края, по форме напоминающий скамью, называется Велна бенькис (Чертова скамья) (ил. 2).

*Ил. 2. Скамья Черта в Грижи
(фото Л. Якубеноки, 22.09.2012)*

В Бауском крае на берегу р. Муса был камень (ХЛФ 1652, 4273), на котором лежала ведьма. Однажды ведьму спугнул старичок, она убежала в речку и утонула. На камне по сей день видно место, на котором она лежала.

Сохранилось подробное предание (ХЛФ 23,6912) о камне вблизи хутора Андрецены Наукшенского края под названием Велна гулта (Чертова кровать) (ил. 3). Черт хотел загородить р. Гауя и звал на помощь свою мать, но та отказалась помогать. Тогда он привязал мать к камню, а сам побежал таскать камни, но его потревожил петух. Рассерженный на мать за то, что та отказалась помогать, черт прибежал к камню, на котором она спала связанная. В ярости он забрался на камень и изнасиловал ее. На камне виден отпечаток лежащего человека. Надо заметить, что мы, следуя правилам логики мифа, не вправе слишком упрекать черта. В древней

Греции даже с небесными богами всякое бывало, а черту как хтоническому персонажу в рамках культурной традиции свойственна неограниченная сексуальность.

*Ил. 3. Чертова кровать в Андрецены
(фото Л. Якубеноки, 01.05.2010)*

Камни — места взаимодействия чертей и людей

В этом контексте камни являются местом встречи представителей двух миров и маркерами перехода из одного мира в другой. Кстати, это небезопасно для представителей обеих сторон. Чертям, покинувшим свой мир, опасен бог грозы Перконс (Перун) и ему помогающий человек (к этому мотиву мы еще вернемся). Но и человеку небезопасны проделки чертей.

Черти могли затащить людей под камень. Так, в предании (ХЛФ 142, 2401) из Мадонского края рассказывается, что один хозяин всегда проклинал жену и троих детей. Вблизи дома находился Чертов камень. Черт под этот камень затащил как жену и детей, так и самого хозяина.

Около таких камней показываются разные привидения, слышны голоса. Вблизи таких камней можно блудить. Кони около такого камня пугаются или стоят на месте. По преданию (ХЛФ 693, 2523) в бору волости Ерцены Стренченского края был камень, чертом принесенный. Один человек хотел ехать на базар в город Руйена, но около камня конь остановился и дальше не сделал ни шага. Пришлось ехать домой. В Аташиенской волости Крустпилского края записано предание (ХЛФ 1341, 10477) о камне, проходя мимо которого, старик слышал разговор. На камне сидел черт и водил старика вокруг камня, пока не рассвело.

Около таких камней нельзя спать. По преданию (ХЛФ 1593, 1732) у оз. Лестене Тукумского края есть большой камень, около которого нельзя ни сидеть, ни спать, потому что за ноги кто-то как будто тянет прочь. В волости Саркани Мадонского края отмечен камень (ХЛФ 772, 370), возле которого никто не мог спать, т. к. прогоняли прочь. В другом предании (ХЛФ 1990, 837) этот сюжет более развернут. Некий дюжий парень пробует спать. Как только он погрузился в сон, черт пришел и говорит: «Уходи от моих дверей». Парень лег на другой стороне камня, но черт опять пришел: «Исчезни из моего дома, разотру твои кости». В поле хутора Дзирниеки волости Пампали Салдусского края есть большой камень. Человек выехал на ночь глядя, и лег около этого камня. Ночью его тащили прочь, и какой-то голос сказал, чтобы он здесь не спал (ХЛФ 1206, 5849).

Противоположностью камням, которые не подпускают к себе человека, являются камни, которые ему кажутся домом или печью. Сюжет этих преданий такой: поздно вечером запоздавший путник, часто пьяный, куда-то идет и встречает человека, который приглашает его к себе домой, там путник раздевается и ложится спать, а просыпается лежащим на камне. В Латвии камни, связанные с такими преданиями, встречаются, в основном, в Латгале. Так, по преданию (ХЛФ 1576, 5685) возле д. Даугули Нирзенской волости Лудзенского края находится огромный камень. Пастухи могли на него загнать 100 овец. К мужчине, который заблудился вблизи валуна, подошел незнакомец и спросил, чего он один посреди ночи тут ходит, и предложил зайти к нему погреться. В доме незнакомца человек залез на печь и заснул. Утром он очнулся на упомянутом валуне. Также рассказывали,

что иногда ночью вместо этого валуна виден светящийся дом или сарай, в котором слышны удары цепов. На этом камне всегда высыпались пьяницы.

В фольклорных записях наших дней рассказывается о камне недалеко от Вецслободы Лудзенского края (ил. 4). Камень находится около речки Истра на холме Чудовас. Один мужчина, выпив в Вецслободы со своими знакомыми, отправился потом домой. Когда мужчина приблизился к камню, ему показалось, что он уже находится дома, а рядом — теплая печь или печная лежанка. Он разделся и лег на камень спать. Мужчину нашли замерзшим.

*Ил. 4. Камень на холме Чудовас
(фото Л. Якубеноки, 20.07.2012)*

Черти и люди танцуют на камнях

Черта как хтонического персонажа интересуют музыка и танцы. Черти танцуют на камнях, иногда там оставляя отпечатки своих ног. В фольклоре Литвы и Беларуси иногда этим объясняется появление камней с ямками. В Латвии с танцующим чертом связываются чертовы камни и камни-следовики.

В Каздангской волости Айзпутского края на берегу речки Алоксте около городища Валатас лежит камень-следовик. По преданию (ХЛФ 1552, 27684) на нем танцевали дети черта. О популярном камне Одрес в Лауциенской волости Талсенского края рассказывается, что следы на камне оставил черт, танцующий от радости, что умер барон Фиркс и его душа попала в пекло (ХЛФ 997, 1).

По преданию (ХЛФ 1930, 3434) из волости Берзгале Резекненского края на одном валуне имеются отпечатки стоп. Там когда-то танцевал черт. Если кто-то хотел стать богатым, ему надо было залезть на этот камень и сказать: «Я господин, у меня поместье, с помощью черта становлюсь богатым». На валуне (ХЛФ 1707, 1276) в волости Дуналка Дурбенского края люди видели семь танцующих красных чертей.

Языческие ритуалы, в отличие от христианских, не требовали от людей исключительно покаяния и сожаления о грехах. Танцы, игры, радость, смех, а иногда и употребление спиртных напитков могли быть проявлением культа, в особенности, связанного с хтоническими божествами. Потому не случайно, что камни часто являются местом проведения гуляний. Около камней и даже на самих камнях молодежь устраивала пляски.

Около бывшей усадьбы Малтениеки Яунлайценской волости Алуксненского края находится Чертов камень. По преданию (ХЛФ 1769, 1559) этот камень нес черт, чтобы помочь мельнику строить мельницу, но закукарекал петух, и черту пришлось камень бросить. В конце предания замечание, что около камня и на нем могли танцевать пять пар одновременно.

Отметим два камня в Латгале, информацию о которых автору статьи удалось получить, разговаривая с местным населением. Один плоский камень находится в д. Пакашова Шкилбенской волости Вилякского края, ему дано название Данчу Акменс (Камень Танцев). Второй камень в д. Кайпи Чернайской волости Резекненского края (ил. 5). Местные жители рассказывают, что молодежь собиралась около камня на вечеринки и танцевала на камне древний латгальский танец Ланцатку. Одновременно могли танцевать четыре пары. Заметим, что камень Кайпи находится недалеко от городища Балтини и могильника Балтини. Возможно, камень был культовым местом уже во время существования городища.

*Ил. 5. Камень в д. Кайпи
(фото Л. Якубеноки, 03.05.2009)*

Увлечения черта азартными играми и состязаниями

Хтонических персонажей интересуют азартные игры. Если в Беларуси и Литве встречаются мотивы преданий, где в карты на камне играет сам черт, то в Латвии их уже заменяют люди, но чувствуется связь преданий с мифическим мировоззрением. Так, по преданию (ХЛФ 302, 1363) на камне около имения Богмуйжа Сеценской волости Яунъелгавского края в карты играли пятеро мужиков, рубль упал в расщелину камня, теперь ночами он светится. Черту не чужд дух соревнования. Некоторые Чертовы камни появились благодаря пари черта, что он сможет камень куда-либо доставить. В преданиях он готов состязаться как с другими мифологическими персонажами, так и с людьми.

Рассказывается, что ныне уничтоженный следовик Балтвилку (Рауненский край), появился потому, что черт и Бог состязались, кто из них, наступая на камень, оставит след поглубже. На камне были две ступни, одна поменьше, но глубже, другая побольше, но более поверхностная. Меньшая принадлежит богу, который в состязании по условию победил.

По преданию (ХЛФ 1308, 28) в погребках поместья Ликсна Даугавпилского края жили черти. Они поспорили с силачом Марцином, кто сильнее. Победил Марцин, затолкнувший одной рукой в реку большой камень. Тот остался в реке и был назван камнем Марцина. В предании (ХЛФ 1640, 655) из Лаункалнской волости Смильтенского края рассказывается, что около камня человеку показался черт и предложил ему бороться и бегать наперегонки.

Дух соревнования прослеживается и в следующем предании (ХЛФ 22, 2861), в котором заставляют черта присоединиться к людям в старинной игре парней — битье деревянного диска. В Скрунденском крае по воскресеньям к парням, которые били диски, присоединялся один незнакомец, ловкий игрок. Люди заметили, что у него нет ноздрей. Один колдун ударил его рябиновой палкой, и незнакомец превратился в камень.

В предании (ХЛФ 880, 3578) из Добельского края говорится о камне-следовике Буду, который нес черт, чтобы завалить вытекающий из оз. Гауратас ручеек. О том, что камень был в когтях черта, свидетельствуют отпечатки пальцев на камне. Позже, во время наводнения камень вымыло до усадьбы Буду. Парни из усадьбы Буду этот камень использовали, соревнуясь в поднятии тяжестей. Примечательна последняя оговорка об использовании камня в соревнованиях юношей. Возможно, соревнуясь в поднятии камня, юноши, в своем роде, имитируют черта, и начало этому развлечению, так же, как и многим другим играм и развлечениям юношей, нужно искать в ритуалах, связанных с мифами.

О ритуальных состязаниях около камня говорится и в материале, который собрал краевед Г. Эниньш. Недалеко от хутора, где он жил в детстве, находится камень, около которого собирались люди весной праздновать первый день выгона коней на ночное пастбище. Около камня ели, пили, разжигали костры. Парни по-разному состязались. В самом веселом состязании два парня становились на четвереньки задом друг к другу, на плечи бросали веревку, а потом протягивали между ног. Вербка должна была быть длинной, потому что посередине был пруд. По команде начинать оба тянули в свою сторону, одному парню неизбежно приходилось искупаться в пруду [Eniņš 2015, 133].

Камни-следовики

Этой группе мифологических камней Латвии в свое время уделили внимание археологи А. Цауне и Ю. Уртанс. Когда вышла статья Ю. Уртанса [Уртанс 1988], обследованы, описаны и измерены были 36 камней-следовиков из 98 известных, из которых 27 считались сохранившимися. В последующие годы ученым и краоведам удалось найти как некоторые камни-следовики, предания о которых хранятся в ХЛФ, так и новые камни-следовики, информация о которых записана в наши дни.

В картотеке автора данной статьи имеется достоверная информация о 43 сохранившихся камнях-следовиках, а приблизительно еще про 30 камней-следовиков информацию следует проверять и уточнять.

Тут мы подходим к вопросу о методике выявления следовиков. Ю. Уртанс в вышеупомянутой статье главным критерием для выделения следовиков считает народную традицию. С этим надо полностью согласиться, потому что на всех сохранившихся следовиках, за исключением одного, о котором речь пойдет дальше, следы — естественные углубления. В этой связи рассмотрим один из популярнейших следовиков Латвии, уже упомянутый Чертов камень в Кокнесской Пастамуйжа. Многочисленные предания утверждают, что черт нес этот камень и на нем остались отпечатки его пальцев. В наши дни на камне никаких углублений выявить не удастся, но обширный фольклорный материал позволяет этот камень смело причислить к следовикам. В то же время мы нередко получаем информацию о найденных камнях-следовиках от жителей разных мест. И действительно, нам показывали камни, на которых были видны углубления, похожие на человеческий след, но естественное происхождение следов и отсутствие какого-либо фольклорного материала не позволяет их причислить к камням-следовикам.

Несмотря на это, в последние десятилетия были найдены и новые камни-следовики. Один из них — камень около кладбища Дронку в Рубенской волости Екабпилского края (ил. 6). В народе этот камень называется Чертов след, а вода, собирающаяся в углублении, которое похоже на след парнокопытного животного, почитается целебной. Камень, который находится в д. Яунсташули

волости Маконькалнс Резекненского края неподалеку от классического известного и популярного следовика Чертова следа, называется в народе Лошадиным следом. Вода из этого следа использовалась при выведении бородавок. Своеобразие этих выявленных краеведами следовиков — целебные свойства скопившейся в их углублениях воды.

Ил. 6. Углубление, похожее на след парнокопытного животного на камне Дронку (фото Л. Якубеноки, 03.05.2013)

В фольклорных материалах прошлого столетия почти нет упоминаний о лечебных свойствах следовиков. По крайней мере, автору статьи известно лишь одно такое предание (ХЛФ 145, 2400). В Палсманской волости Смильтенского края упомянут Чертов камень со следом в виде ступни человека, оставленным чертом. Вода, которая скапливалась в следе, использовалась при болезнях глаз.

Ю. Уртанс в упомянутой статье приводит несколько примеров, когда следы на камнях народная традиция приписывает персонажам христианской мифологии: след св. Юриса (Геоργия) в Дудишки Аглонского края, девы Марии в Вецлаиценес Восвас Алуксненского края, след ангела в Гулбенциемс Энгурского края, след Пеститая (Спаса) в Мисас Паэгли Бауского края. В то же время он отмечает,

что в Латвии отличительной чертой преданий о камнях-следовиках является редкое упоминания этих персонажей.

В нескольких преданиях след на камне оставляет Бог. Так, по преданию (ХЛФ 1690, 1154) из Тукумского края женщины на лугу поместья Бризуле собирали сено и уронили крупинку соли. Мимо шел старичок — Бог, он поднял крупинку и на камне оставил отпечаток своего следа

Но все-таки главный герой всех подобных преданий — черт. Многие камни-следовики зовутся Чертов след. Следы на камнях появились после того, как черт наступил, пробежал, прыгнул, танцевал. Чертовыми следами могут быть как следы человека, так и следы животных. По народным представлениям черт бывает с лошадиной, коровьей, петушиной ногой. В предании (ХЛФ 1965, 2856) из Скрundenской волости рассказывается, что черт зашел в дом к поздно работающей — прядущей — женщине, но после пения петуха убежал. На берегу р. Вента на камне остались отпечатки его следов, а ноги у черта были — одна как у петуха, а другая как у лошади.

Отпечатки рук и пальцев на камнях народная традиция тоже приписывает черту. В одном предании (ХЛФ 1105, 2) из Курземе на камне также есть отпечаток кнута. Рассказывается, что на этом камне черт бил свою жену, и в этом занятии его потревожил петух. На камне видны отпечатки от кнута черта и от его сапога.

События могли произойти как в начале времени, когда камни были мягкие, так и в недавнем прошлом. Так, по преданию (ХЛФ 464, 184) помещик поместья Вецсаука Виеситского края заключил договор с чертом. По истечении срока договора черт забрал помещика и его деньги. Горшок с деньгами он засунул под камень и душу помещика тоже, чтобы та охраняла деньги. Уходя, черт наступил на камень и оставил след от правой ноги.

Как и у других чертовых камней, у следовиков также показываются привидения и происходят другие необъяснимые события. По преданию (ХЛФ 230, 3669) в Арлавской волости Талсенского края у кладбища Силциема был большой камень. На камне следы ребенка, кота и лошади. Если вечером ложиться спать у камня, то утром просыпаешься совсем в другом месте у реки.

Многие камни-следовики связаны с мотивом заколдованных денег. Так, в связи с популярным камнем в Нурмуйжас Одре

Талсенского края в предании (ХЛФ 230, 3186) упоминается об имеющихся на этом камне следах разных животных и человека. Под этим камнем деньги, и тому, кто хочет эти деньги получить, надо принести в жертву всех указанных животных и человека. Камень (ХЛФ 116, 2959) с отпечатками следов есть также в Ренценской волости. Черт под ним прятал деньги, а следы на камне оставил, чтобы деньги найти.

В предании (ХЛФ 8, 2394) из Тауренской волости Вецпиебалгского края рассказывается, что на окраине леса был камень с отпечатком следа. Люди думали, что под камнем деньги. Чтобы узнать, какая жертва требуется для получения денег, они вокруг камня рассыпали песок. На следующий день там нашли отпечаток ступни взрослого человека и ребенка. На берегу речки около замка Казданга лежит камень (ХЛФ 929, 25349) с отпечатками ног овцы, коровы, черта, а также отпечатком ладони черта. Под камнем черт в шкатулке прятал свои деньги. Когда поднимал камень, чтобы достать деньги, то оставил отпечаток своей руки. Черту принадлежало стадо, когда он перегонял скот на другой берег, на камне остались следы животных.

Иногда в преданиях деньги под камень кладут и след на камне оставляют люди. В Давиньской волости Баускского края была усадьба колдуна Вайвада. Когда он почувствовал приближение смерти, то наступил на камень (ХЛФ 985, 74), который находился вблизи его дома. На камне остались отпечатки его ног. То же он велел сделать и своему сыну. Потом он под камень положил все свои деньги. В предании (ХЛФ 72, 371) из Цесвайнского края рассказывается, что шведы, отступая, зарыли в землю котел с деньгами, сверху навалили камень и выбили три лапы кота.

Говоря о датировке следовиков, Ю. Уртанс пишет, что, вероятнее всего, появление латвийских камней-следовиков должно быть отнесено к периоду раннего металла, но надо иметь в виду, что вторичное или даже третьестепенное использование этих объектов могло относиться и к более позднему времени. По нашему убеждению, время становления мифологического мировоззрения, в рамках которого создавались предания, связанные с камнями-следовиками, а также и со многими другими мифологическими камнями, соотносимо с эпохой раннего металла. Но здесь, наверное, не нужно выделять какие-то конкретные территории, скажем

Латвию, просто был переход от присваивающего хозяйства к скотоводству и земледелию, к тому же, для многих индоевропейских племен долгое время главной отраслью хозяйства было именно скотоводство. Эти радикальные изменения в хозяйственной жизни произвели столь же значительные изменения в мышлении, что отразилось и в мифологии. Скот как главное богатство, представление о загробном мире как о пастбище, выделение сословия скотоводов и им противостоящих военных (мотив борьбы бога грома и хтонического божества), все эти представления так или иначе отражаются и в преданиях о камнях-следовиках. К конкретным объектам ландшафта эти предания могли привязаться уже в разные времена. И совсем не обязательно такой объект должен использоваться в культе. Наверно, большинство камней-следовиков не были культовыми камнями, но они были определенными точками отсчета в мифологическом ландшафте.

Интересным примером недавнего «прикрепления» предания является единственный известный камень-следовик с искусственными следами. Это камень Дреймани Сельской волости Мазсалацкого края (ил. 7).

Ил. 7. Камень-следовик Дреймани
(фото М. Зелтиньш, 16.11.2013)

На камне в одном ряду 7 ямок — следов овцы, которые народная традиция приписывает черту. Предания об этом камне записаны в 20–30-е гг. прошлого столетия. В них рассказывается, что хозяин усадьбы Дреймани в качестве домашнего божка держал черта, который жил в дубе у дома, а то и в самом доме. Однажды ночью, во время пожара, черт в испуге бежал в сторону озера, наступил на камень и оставил там свои следы. На самом деле, следы — выемки технологического характера, камень просто кто-то хотел расколоть, а потом бросил свой замысел [Eniņš 2015, 115].

Перун, черт и камни

Из небесных божеств с камнем связывают Перуна, как противника хтонического мира и его представителей. Иногда в качестве помощника Перуна появляется охотник (в каком-то смысле мифический культурный герой). Он серебряной пулей, серебряными деньгами или венчальным кольцом убивает черта, которого во время грозы замечает на камне, в воде или на берегу водоема, сидящего, прыгающего, иногда даже дразнящего Перуна. Громовнику также нужна помощь лодочника, чтобы подобраться к черту, который сидит в воде на камне и расчесывается. Перун может раздробить, расколоть пополам чертовы камни или отсечь от них какую-либо часть. Некоторые чертовы камни особо излюблены громом. В один он ударял 99 раз (ХЛФ 1667, 707), вокруг другого обычно сверкает молния (ХЛФ 891, 5722).

Некоторые продолговатые камни называются гробами черта, под ними лежат убитые Перуном черти. Специальную статью им посветил фольклорист Лайме [Laime, 2008]. В качестве примера приведем одно предание (ХЛФ 724, 470). В Эзерской волости Саддусского края около усадьбы Межубулайши протекает небольшая речка. На одном берегу Чертов камень с отпечатками двух следов. На противоположном берегу речки возвышается Перконкалнс (гора Перуна). Рядом продолговатый камень, под которым зарыт черт, которого убил Перун дубовой палицей.

В предании (ХЛФ 142, 742) рассказывается, что в Белявской волости Гулбенского края было озеро, в котором жил старый черт. Черт любил дразнить Перуна. Если гроза была близко, то

он не залезал в озеро, а сидел на своем любимом большом камне и смеялся. Однажды Перуну все-таки удалось подкрасться незамеченным. Блеснула молния, раздался гром. Раздались звуки, похожие на мяуканье кота, и распространился запах серы. Все это видела старушка, которая неподалеку пасла скот. Когда дождь закончился, она подошла к камню и увидела вокруг него вонючую коричневую жидкость. Камень был расколот посередине.

Камень Жакли на берегу речки Визла Вирешской волости Апенского края Перун расколол потому, что на этом камне люди жертвовали земным богам (ХЛФ 910, 4).

В других преданиях Перун мешает черту выспаться. Например, черт украл маленького мальчика и водил его несколько лет. Однажды, заснув около большого камня на берегу оз. Буртниеку, он приказал мальчику, чтобы тот при приближении грозы его разбудил. Мальчик черта не будил. Перун скинул черта вместе с камнем в озеро (ХЛФ 585, 481).

В Берзгальской волости Резекненского края записано предание о камне, около которого черт Людвиг одалживал крестьянам деньги и получал долги. Однажды один человек принес долг, но Людвиг больше не было, Перун его поразил. В камень вкована подкова с шестью гвоздями (ХЛФ 740, 23809).

Изредка наблюдается связь Перуна и камня без участия черта. Камень Меллачу Буртниецкого края находился на границе двух соседей, они ссорились, кому из них камень принадлежит. Перун расколол камень пополам, соседям стало стыдно, и они прекратили ссориться (ХЛФ 1386, 1057).

Из вышесказанного видно, что Перун около камней показывается, в основном, в рамках мотива поединка, и даже в тех случаях, когда камню дано имя Перуна, его нельзя рассматривать как посвященное Перуну культовое место.

В предании (ХЛФ 891, 4676) из Ренценской волости Буртниецкого края черт, преследуемый Перуном, появляется в облике змеи. Там фигурируют также дерево и камень — почти типичный вариант основного мифа индоевропейцев о Перуне и его хтоническом враге змее, который связан с камнем и корнями мирового дерева. Тут уместно замечание, что общие многим индоевропейским народам мифы лишь послужили основой для преданий этого типа, но черт преданий XIX и XX вв. уже намного больше связан с хтоническими персонажами более низкого ранга.

Возвращаясь к основному мифу, напомним, что одна из причин поединка — воды, плодородная потенция которых не может проявиться, пока те находятся в руках черта. Только божество грома, разбивающее скалу (известный аналог камня), может проявить плодородную сущность вод. Может быть, именно поэтому в преданиях черт дразнит Перуна непосредственно во время дождя, и грозы и камни очень часто находятся или в каком-нибудь водоеме, или в его прямой близости.

Камень и мотив закрытия и освобождения вод

В Беларуси распространен мотив преданий о заколдованных или проклятых ведьмами или цыганками реках, которые высыхают и перестают течь. Иногда около такой заколдованной реки находится камень, и если его отвалить, то река начнет течь. Возможно, в таких сказаниях обычный человек, правда, наделенный известными сверхъестественными способностями, заменяет древний хтонический персонаж, в руках которого воды земли. В связи с латвийским мифологическим ландшафтом этот мотив не проявляется в чистом виде, однако известные параллели можно разглядеть.

По преданиям (ХЛФ 679, 2165); (ХЛФ 1341, 17022) там, где сейчас в Латгале болото Рускуловас, раньше было море. По нему, в зависимости от вариантов преданий, в лодке плыла либо Лайма, либо Мара. В одном варианте предания божество потеряло расческу, в другом — ключ. Море стало заколдованным и начало зарастать. В месте, где ключ пропал, богиня наколдовала большой камень, который находился на середине болота.

По преданию (ХЛФ 1965, 4346) в р. Вадакте был камень по имени Вадактес Валдниекс (Владыка Вадакте). Помещик приказал камень доставить в парк, но люди сначала боялись это сделать, говоря: «А разве вода не пойдет за камнем?»

В различных уголках Латвии записано еще несколько преданий, которые так или иначе можно было бы связать с камнями и мотивом закрытия или освобождения вод, с высыханием и появлением водоемов. Из волости Лаункалнес Смилтеного края

происходит предание (ХЛФ 875, 279), в котором на месте мифических персонажей уже действуют люди. В колодце утонул сын литовского полководца. Отец на колодец взвалил огромный камень.

С уменьшением запасов воды связано одно интересное предание о камне около реки Айвиексте. У реки жил великан, который выпил воду реки, причинив окрестностям огромный ущерб. Бог засунул великана в яму и взвалил камень сверху. Однажды мужик, проходя мимо камня, слышал, как из камня кто-то зовет, просит дать ему пить.

В других преданиях мальчик скатывает камень, начинает плескаться вода, образуется река или озеро. Это относится и к происхождению р. Ирбе (в северном Курземе), которая впадает в Ирбенский пролив. В предании (ХЛФ 995, 132) сказано, что пастух пас коров, сидя на большом камне. Однажды он начал бить по камню и услышал, как глухо тот звучит. Желая выяснить, почему он так звучит, пастух откатил камень. Под ним нашел отверстие, в которое сам и провалился. Потом оттуда начала течь речка и текла в сторону моря.

В преданиях сам камень выступает в роли портного

В Латвии, так же как и в соседних странах, есть достаточно много объектов мифологического ландшафта, которые так или иначе связаны с изготовлением одежды и обуви. В соответствующих мотивах преданий есть и общее сходство с фольклором соседних стран, и локальные различия.

В Беларуси хорошо известны и в научной литературе достаточно хорошо описаны [Карабанаў і інш. 2011, 70–88] камни, которые шьют. В Латвии также были несколько таких камней [Čepītis, Jakubenoka 2011], которые, в основном, находились в Латгале. К сожалению, те камни-портные, предания о которых взяты из ХЛФ, в наше время в природе не найдены. Да и по сюжетам большинства преданий, соответствующих камней на их первоначальных местах нахождения не должно быть.

Краеводами собранно довольно много колоритных преданий о валуне Зуйчу Дрицанской волости Резекненского края (ил. 8).

По одному преданию на камне сидел черт и золотой расческой причесывался. По другому преданию под камнем зарыто золото, и два черта ссорились, кому оно принадлежит. Это надоело Перконсу (Перуну), который и расколол камень. В связи с нашей темой самым интересным является предание, что люди боялись ночами идти по тропинке мимо камня, потому что навстречу нередко шел господин, одетый во фрак, предлагающий сшить одежду. Также краевед И. Логин утверждал автору статьи, что одна старая женщина ему рассказывала характерное для камней-портных предание о сшитой одежде.

*Ил. 8. Валун Зуйчу, по преданию расколотый Перуном
(фото Л. Якубеноки, 08.10.2011)*

Один камень-портной был недалеко от Роговки в нынешней Наутренской волости Резекненского края (ХЛФ 679, 239). Большой камень находился на берегу небольшой бурной речушки, которая в свою очередь протекает вблизи городища. По нашему мнению, здесь говорится о притоке р. Ича — Зушупе, и о городище Опинку. В предании он именуется как камень-портной, на латгальском диалекте Крауцис. Если кто-то желал что-нибудь сшить, то вечером клал на камень ткань, деньги и попросил сшить одежду. На следующее утро заказ был выполнен. Самого портного никто не видел, где он находился, никто не мог указать. Все крестьяне были

благодарны камню-портному. В ближнем имении Зальмуйжа жил помещик, который у этого камня потребовал, чтобы ему сшили не так, как другим. На следующее утро помещик на камне нашел красивую одежду, но, когда начал примерять, оказалось, что оба рукава пришиты на спине. Разъяренный господин созвал всех слуг, и они столкнули камень в речушку. Под камнем нашли ножницы портного. Другое предание (ХЛФ 263, 1344) из этой волости о камне-портном записано в д. Пинтани. По преданию, большой валун стоял в поле, но эта информация не позволяет определить точное местонахождение камня. Тем не менее, интересно пояснение о личности портного — под камнем жил черт-портной (крауцис), которого никто не видел.

Про камень, который находился на берегу р. Ича, записаны два предания (ХЛФ 1238, 1), (ХЛФ 1472, 2582). Начало этих преданий типично — клали на камень ткань и получали готовые изделия. Помещик попросил сшить не так, как другим, и потом, рассерженный результатом работы, велел камень уничтожить. По одному преданию, на месте, где камень катили к речке, образовалась канава, а под камнем нашли ножницы и наперсток. По другому преданию, скинутый в реку камень три дня рыча шел к оз. Лубанас, а под ним нашли лягушку и нитку. Это не единственный камень-портной, который сам передвигался. По преданию (ХЛФ 232, 1219) из волости Дагда, рассерженный господин бросил камень в водоворот ближайшей речки, но и там камень не пропал. Он ушел по реке дальше на сто верст и там продолжал шить. По преданию из окрестностей города Лудза (ХЛФ 197, 997), разъяренный господин столкнул камень один раз, но камень перебежал на другой берег реки. Стокнул второй раз, камень вернулся обратно. Когда столкнул третий раз, тогда камень из пучины не выбежал, утонул.

Обособленно от других камней, на северо-востоке Видземе был еще один камень-портной (ХЛФ 179, 1224). Он находился на восточном берегу Алуксненского озера и назывался Скродерис (Портной). Если кому-то что-то нужно было сшить, тот приносил ткань, и на второй день заказ был готов. Однажды камень попросили сшить по новейшей рижской моде. В предании сказано, что черт осмотрел ткань и сказал, что по такой моде он не умеет шить, и с того времени прекратил работать.

Сюжеты латышских сказаний о камнях-портных схожи с соответствующими сюжетами белорусских сказаний. Камням не по душе указания со стороны заказчика, как шить. Если у белорусских камней-портных образ ножниц можно было увидеть в структуре камня, то у нас их находят под камнем. В латгальском диалекте слово «краудис» (портной) заимствовано из белорусского языка. Немного своеобразно окончание некоторых латышских преданий, а именно: скинутому в реку барином камню свойственна способность перемещаться. Однако и этим преданиям можно найти хотя бы частичные параллели как в белорусском, так и в литовском материале. Так, о камне-портном в Миорском р-не Беларуси сказано, что тому была свойственна способность превращаться из камня в богатыря и ходить по миру. С плаванием через реку связана также группа камней Мокас в Литве.

Камни по имени Скродерис (Портной)

Двум камням из бассейна р. Айвиекте, которая разделяет культурно-исторические регионы Видземе и Латгале, дано имя — Скродерис (Портной). Но с ними не связаны типичные для камней-портных предания о шитье одежды для людей.

Один из них, огромный валун, находится на правом берегу притока Айвиекте Куя около усадьбы Яунаузини Праулиенской волости Мадонского края (ил. 9). По преданиям, этот камень нес и бросил черт. Он же, сидя на камне, штопал свои штаны.

Второй огромный валун с таким названием находился в р. Айвиекте, но был уничтожен при очистке русла реки. По преданию (ХЛФ 1400, 32943) недалеко от поместья Сайкава той же Праулиенской волости на середине реки находится камень-портной. Там однажды некий портной видел черного мужчину и слышал плескание воды. На другое утро на том месте увидели камень, который называли Скродерис. Весной сплавщики одаривали камень иголками-прутами, чтобы успешно продолжать сплав. В другом предании (ХЛФ 929, 24170) говорится, что в р. Айвиекте находится белый камень по имени Скродерис. Если проезжающие мимо сплавщики не бросали иголок, то впоследствии плоты насакивали на камни и разбивались. Интересно замечание, что камень был

белым. Так как камень уничтожен, мы никогда не узнаем, была ли белизна реальным цветом камня или камень так назывался потому, что этого требовало мифическое мировосприятие. В литовском и в белорусском фольклоре встречаются белые камни, которые в действительности совсем не белые.

*Ил. 9. Валун Скродерис
(фото Л. Якубеноки, 14.06.2009)*

Камни, на которых черт штопает

В белорусском фольклоре камни-портные, главным образом, шьют людям. В Латвии можно выделить еще один, связанный с ранее рассмотренным сюжетом, но, тем не менее, немного отличный круг преданий. В этих преданиях черт сидит на камне и штопает свою одежду. Кроме уже упомянутого валуна в р. Куя, в Цесвайнском крае около хутора Вальги находится еще один популярный Чертов камень. О нем рассказывается, что черт сидел на камне и оглоблей штопал штаны, рубашку или даже хомут. Он просидел в камне дупло, похожее на котел. По преданию (ХЛФ 557, 8), черт штопал при лунном свете, временами крича непонятное нам выражение «икшпидикш». Черта потревожил один человек, призывая Бога. Убегая, черт зацепил камень иглой и оставил на камне шрам.

Со штопающим чертом связывают не только камни, но и другие объекты мифологического ландшафта Латвии, как природные (дерево, пень, место в реке или на берегу реки), так и созданные человеком (дом, рига, трактир). В Эргльском крае записано предание о черте по имени Стэпиныш, который сидел на вершине кучи сена и штопал шубу. Когда находили тучи, он кричал на луну, чтобы та светила. Погруженный в работу черт не заметил Перуна, который черта и убил.

Камни-сапожники

Как в Литве, так и в Беларуси известны камни-сапожники. В Латвии известны только два камня, сидя на которых, черт изготавливает обувь, оба в Латгале. Один из них находится в волости Пуша Резекненского края в дворе бывшего хутора Вирбулы (ил. 10). По преданиям, собранным краеведами в наши дни, на нем сидел чертик и шил из бересты обувь. Ночной пастух ударил его рябиновой палкой. Чертик подумал, что драчуном является луна, и сказал: «Свети, свети, но не дерись». В сравнительно небольшом камне есть два слабо выраженных естественных углубления, о которых говорится, что их просидел чертик.

Второй камень на местности не локализован. В предании (ХЛФ 709, 119) говорится, что поздно вечером, когда уже светила луна, идя домой из города Ливаны, какой-то человек видел на камне работающего черта. Черт говорил на русском языке и высказал, надо признать, для черта нетипичное предложение: «Скажи — Бог в помощь, тогда дам сапоги». Из ближних кустов выбежали два волка. Черт их испугался и убежал. Это место теперь называют Чертовым ревом, а сам луг Чертовым болотом, так как там ничего не растет.

Литовские и белорусские камни-сапожники обувь изготавливают для людей. Наш чертик из Пуши обувь изготавливал себе. В прямой речи Ливанского черта уже звучит предложение подарить сапоги человеку.

Надо заметить, что и в Видземе встречаются предания о черте-сапожнике, но связаны они с другими объектами мифологического ландшафта. Два таких предания записаны в Цесвайнском крае.

В одном предании (ХЛФ 1980, 2221) рассказывается, что бондарь, идя ночью домой, услышал в лесу звуки, как будто сапожник чинит сапоги, и подойдя, увидел работающего сапожника. Они обменялись кистами, но кист сапожника оказался ногтем лошади. За это бондарь ударил сапожника рябиновой клюкой. Во втором предании (ХЛФ 72, 4657) рассказывается, что при лунном свете мужик шел с мельницы. Нужно было идти вдоль кладбища Киндере. Дойдя до усыпальницы, он увидел одного сапожника, который смотрел на луну, шил сапоги и, неприлично ругаясь по-русски, требовал от луны светить: «Свети, ебу твою мать!» Когда мужик, услышав такое изречение, выкрикнул: «Урра!» — сапожник исчез.

В данных преданиях интересна прямая речь черта на русском языке. В некоторых преданиях о штопающем черте прямая речь черта на немецком языке. Видимо, причину этому нужно искать в мифологическом мышлении, где персонажей низшей мифологии старались причислить к чужакам.

*Ил. 10. Камень во дворе бывшего хутора Вирбулы
(фото Л. Якубеноки, 02.08.2009)*

Около камней работают мифические существа женского пола

Все камни, около которых появляются мифологические существа женского пола и занимаются прядением и вязанием, следует считать уникальными, так как их очень мало. В Курземе в Мерсрагском крае находится камень под названием Светмейту (Святых дев) (ил. 11), связанный с широким кругом преданий. Тут надо пояснить, что святые девы — персонажи низшей мифологии, чем-то похожие на кикимор. Около двенадцати часов ночи из камня выходит святая дева и прядет лен (ХЛФ 924, 3). В двенадцать часов ночи из камня выходит святая дева и прядет красивую нить (ХЛФ 924, 5). В полночь здесь можно слышать шум прялки — дева прядет (ХЛФ 2000, 5027). Один конец камня как будто срубленный, и в том месте прислонен большой четырехугольный тонкий камень. Это двери, через которые дева или ее душа вошла в камень (ХЛФ 622, 208). Какой-то колдун околдовал замок, и тот затонул. На том месте остался камень. Прикладывая к нему ухо, можно услышать звуки прядения (ХЛФ 7, 21591).

Ил. 11. Камень Святых Дев в Мерсрагском лесу
(фото М. Зелтиньш, 27.08.2014)

Заметим, что, по меньшей мере, два камня, около которых прядут мифические существа женского пола, известны и в Литве. В Биржайском р-не упомянут Ведьмин камень, на котором та пряла, а в районе Акмене — камень, на котором прядут лаумы.

Два следующих предания тоже из Курземе. В волости Раньки Скрundenского края был большой камень, именуемый Чертова баня, там ведьмы вили путы (ХЛФ 1148, 1). В свою очередь, в Страденской волости Талсенского края записано предание о валуне, на котором сидела одетая в красное старушка и вязала детям черта носки (ХЛФ 1686, 1114). Когда старушка закончила вязать, камень открылся, и она со своей собачкой вошла в камень.

Портные катят камни

В мифологии с хтоническим миром часто связан портной, который в преданиях обычно хромым. Хромота — признак хтонического персонажа, но по отношению к портным очень часто является и реальностью, так как портными нередко становились физически слабые люди, которые не могли выполнять тяжелую земляную работу. Мотивы преданий, в которых портные занимались катанием камней, своеобразно объясняют причины их хромоты. Эти камни являются особенностью мифологического ландшафта Латвии. Насколько нам известно, похожие сюжеты преданий в соседних странах не встречаются.

Один камень-портной находится в Земгале на берегу речки Сесава в Наудитской волости Добельского края. О камне записано несколько преданий (ХЛФ 573, 1714); (ХЛФ 1404, 4749); (ХЛФ 759, 9123) с одним основным мотивом. Либо все портные мира, либо 100 портных собрались и катили этот камень в гору. Камень скатился вниз и раздробил портным ноги, поэтому почти все портные хромы.

В Видземе в Райскупской волости Паргауйского края вблизи усадьбы Виткас находится Курпниеккалнс (Гора Сапожников). На вершине возвышенности лежит камень, именуемый камнем-портным, или камнем Трех портных. Последнее название кажется более молодым, происходящим из формы камня, поскольку у камня наверху три трещины, образующие три подъема (ил. 12). Камень

в гору катили 70 портных 7 лет (ХЛФ 1262, 14). Другое предание говорит о значительно большем количестве портных (ХЛФ 1400, 5561). Камень в гору катили портные, чтобы доказать, что они не такие слабые. 99 портных не справились, но, когда собрались 9 × 99, тогда они доставили камень на гору.

Ил. 12. Камень Трех Портных на вершине Курпниеккалнс
(фото Л. Якубеноки, 09.11.2015)

Связь камня с миром мертвых

Некоторые камни из известных преданий при поверхностном рассмотрении можно было бы причислить не к мифологическим камням, а считать мемориальными камнями, так как они связаны с трагическими событиями. Так, одни предания рассказывают, что около камня погиб или погиб и похоронен человек. В других преданиях рассказывается об умерщвленном матерью и скрытом под камнем или около камня некрещеном ребенке. Но и эти сюжеты преданий свидетельствуют о мифологическом мировосприятии их создателей.

Человек, погибший трагической смертью, не прошел весь жизненный цикл, не прожил свой срок и до истечения этого срока не может попасть в мир мертвых. Камень — один из объектов в мире природы, в котором временно укрывается душа трагически погибшего человека. Так, в предании (ХЛФ 949, 738) рассказывается, что у камня убила торговка горшков еврейского происхождения Юле. Такое событие могло действительно произойти. В предании также указывается, что у того камня слышали поющего петуха и на камне видели горящие огоньки, что свидетельствует о мифологическом мировосприятии создателей этого предания.

В другом предании (ХЛФ 1975, 377) рассказывается, что на камне высечен крест, потому что там на дуэли погибли люди. В продолжении предания говорится, что однажды вечером старичок рвал около камня траву и вдруг услышал голос: «Почему ты рвешь мои длинные волосы на закате?» В другой раз около камня видели овцу с ягнятами. В первом мотиве предания умерший уже слился с самим чертом. В фольклорном материале прослеживается связь травы с волосами черта. Второй мотив корнями уходит к восприятию индоевропейцами мира мертвых как пастбища, и души человека в виде животного.

В миропонимании древнего человека особое положение занимали некрещенные дети, ведь только ритуалы перехода (омовение, одевание, наречение именем) по-настоящему из новорожденного делали человека, равноправного члена общества. Умерщвленный ребенок, не проходивший выше упомянутые ритуалы, оставался где-то посередине между мирами. Также он, как и другие погибшие неестественной смертью люди, не прошел весь жизненный цикл, не прожил свой срок. Умерщвленные дети около камней плачут, просят, чтобы их окрестили, охраняют деньги черта. Около такого камня чудится. Ребенок показывается родственникам (брату, отцу) и рассказывает, как достать спрятанные под камнем деньги, или рассказывает, что Перун его будет крестить, и через какое-то время гром разбивает камень. Так, во Виеталвской волости Плявиньского края был камень (ХЛФ 861, 114), около которого каждую ночь кто-то плакал. Люди думали, что это душа некрещеного человека. Один смелый мужчина ночью пришел к камню и увидел косточку, которая плакала. Он положил над косточкой крестик и сказал: «Если мальчик — Адам, если девочка — Эва». Правда, так просто заставить ребенка не плакать удастся не всегда.

*Ил. 13. Камень на кладбище Абавмуйжас
(фото Л. Якубеноки, 22.09.2012)*

На Абавмуйжском кладбище Злекской волости Вентспилского края имеется камень с девятью крестами (ил. 13). В предании (ХЛФ 997, 13) рассказывается, что на этом кладбище в полдень, а также в полночь плакал ребенок. Вызвали священников всех вер. Они читали молитвы и выбили на камне кресты, после чего ребенок перестал плакать. В предании из Земгале (ХЛФ 91576, 3393) рассказывается, что к одному человеку подошел маленький мальчик и сказал, что он его сын. Мать его убила и зарыла под большим камнем. Через три дня его будут крестить, и он пойдет на небеса. Через три дня гроза разбивает большой камень, и отец под камнем находит кости сына. В предании из Лиелвардского края (ХЛФ 739, 4183) к человеку, который работает ночью в риге, приходит молодой человек и говорит, что он его брат. Мать его задушила и положила под камень. Все эти годы он служил черту и скопил много денег, в данный момент черта у камня нет, и брат может эти деньги забрать.

В одном предании из Коценского края (ХЛФ 23, 5435) с убитым ребенком связан камень-следовик. Молодая женщина около камня убила ребенка. Отец ребенка это узнал. Он на камне выбил правую стопу ребенка, а сам утопился в пруду. С тех пор пруд называется именем отца — прудом Яниса. О камне Гертруды из Вентспилского края есть несколько вариантов преданий. В одном из них (ХЛФ

1493, 442) на этом камне умерла старушка Гертруда, а во втором (ХЛФ 1493, 415) колдунья Гертруда положила ребенка на границе волостей Анце и Попе. Он плачет и превращается в камень.

Мифологические существа латышского фольклора, так называемые Ночные ведьмы, типологически схожие со славянскими русалками и литовскими лаумами, подробно описаны в монографии [Laime 2013]. Ночные ведьмы, впрочем, как и русалки, происходят от нечистых покойников, в том числе и от детей, молодых девушек, людей, не проживших свой жизненный цикл. С. Лайме замечает, что излюбленными занятиями этих персонажей является расчесывание волос [Laime 2013, 122] и мытье белья [Laime 2013, 211]. Этими своими занятиями они, как и сам черт, занимаются и у камней.

Так, в Ренценской волости Буртниекского края (ХЛФ 116, 91) находится горка Рагану (горка Ведьм), на вершине этой горки был большой камень, на котором ведьмы колотили белье вальком. Выемка на этом камне считалась отпечатком валька (ХЛФ 116, 957). О камне из Кайвской волости Вецпиебалгского края, который в народе называют Велла Велетава (ил. 14), то есть «место, где занимаются стиркой белья», рассказывается, что черт там колотил белье.

Ил. 14. Камень Велла Велетава
(фото Л. Якубеноки, 11.08.2007)

О камне в Маззалвской волости Неретского края, который называется Велна педа (Чертов след) и находится в р. Виесите, рассказывается, что на нем черт колотил теленка. В этом предании слились два мифологических мотива — связь хтонического персонажа с мытьем белья, а также его связь с животноводством. Сам камень называется Чертов след не потому, что на нем отпечаток следа, а потому, что камень по своей форме напоминает ступню человеческой ноги.

Около ныне не существующей усадьбы Мелькитарес Айзкраукльского края находится популярный Чертов камень, или Мулдакменс, то есть камень с корытообразной выемкой. С камнем связано много преданий. Одно из них (ХЛФ 1173, 967) о ведьме, которая перед закатом солнца сидела на камне, золотой расческой расчесывала волосы и мочила их в воде корытообразной выемки.

В соседнем, Кокнесском крае записано предание о трагической любви дочери владыки Кокнесского замка и простого садовника. Узнав, что отец казнил садовника, дочь выпрыгнула из окна замка и разбилась. Потом она иногда показывалась сидящей на камне и расчесывающей волосы.

Около д. Кампаны Сеценской волости Яуньелгавского края в болоте находился большой камень. На этом камне часто видели сидящую женщину, которая расчесывала волосы. Однажды гром ударил в одну ригу в деревне, и после этого женщину на камне больше не видели.

В Раунском крае был большой камень, который звали Чертовым камнем. Черт около камня подсмотрел, как пастушка расчесывает волосы и, достав старые грабли, стал расчесывать себе голову (ХЛФ 711, 66).

В р. Иецава напротив Иецавской церкви был камень, на котором сидел черт и оглоблей от саней штопал штаны. В другой раз он бороной расчесывал волосы. Другой черт высунул голову из воды и просил дать ему тоже расчесаться (ХЛФ 929, 26). В р. Светес, протекающей по Земгале, черт сидел на камне и золотым гребнем расчесывал волосы (ХЛФ 17, 23016).

Колоритным является предание (ХЛФ 829, 169) о камне вблизи хутора Иваны Сарканьской волости Мадонского края. Около этого камня в речке была баня черта. Там он мылся, потом залезал на камень и там расчесывал волосы. На камне по сей день видна выемка, оставшаяся от задницы черта. Черт также расчесывал волосы, сидя на камне Езерниеку Селпилской волости Салского края (ил. 15).

*Ил. 15. Камень Эзерниеку
(фото Л. Якубеноки, 28.04.2007)*

Кто в этих преданиях черт? Владыка страны мертвых или человек, умерший плохой смертью? Наверно, провести четкую грань между этими персонажами невозможно. В любом случае, следующее предание указывает на его связь с миром мертвых. В селе Дорупес волости Отаньки Гробиньского края находился Чертов камень. К ночным пастухам, которые пасли коней близ этого камня, присоединился один юноша. Когда парни предложили ему табак, он воскликнул: «У меня нет ноздрей!» — и со своим конем пропал около камня (ХЛФ 1711, 5677).

Также не всегда понятна роль камня. Чем он является в преданиях, маркером перехода или временным пристанищем душ? Кажется, что как маркер перехода выступает уже упомянутый Чертов камень около Мелькитарес в следующем предании [Urtāns 2007, 67], в котором черт затащил под камень хозяина, чей дом находился недалеко от камня. Когда хозяин освободился от черта, он никого из людей не узнавал. Ему казалось, что он под землей пробыл недолго, а на этом свете успели смениться поколения людей. Мир мертвых безвременен, или там время течет медленнее.

Из-за редкости данного мотива в латышском фольклоре уникально и предание об одном камне из Сарканьской волости (ХЛФ 893, 450) Мадонского края. В нем умерший человек

временно связан с камнем из-за своих грехов. Оно повествует о хозяине, который перенес камень, находящийся на границе земель его и соседа, дальше на соседскую землю, расширяя так свои владения. После смерти его душа не могла уйти от камня, пока сын соседа его не освободил. У этого сказания есть параллели в норвежском фольклоре, для которого характерен сюжет о хозяевах, перемещающих межевые камни, — после смерти каждую ночь им приходится нести их обратно.

В России, в Ленинградской области, известны покойнички, или прощальные камни, распространенные рядом с деревнями и расположенные по дороге к кладбищу. В некоторых волостях северо-восточной Видземе эту роль маркера перехода выполняли крестовые деревья, чаще всего сосны. В одном случае в Смиттенском крае упомянут и камень под названием Бери (Похоронный). Возвращаясь с кладбища, люди останавливались у сосны и в кору сосны врезали крест, а на рядом лежащем камне оставляли еду. Все ели и пили. Так делали для того, чтобы покойник мог дойти лишь до этого места, а дальше бы не прошел.

К сожалению, многие вышеупомянутые камни из преданий уничтожены. Идентификация других в природе затруднена. Оставшиеся камни являются материальными свидетелями мифологического мышления тех времен, когда человек, его родная земля и миф были едины.

ЛИТЕРАТУРА

Карабанаў А. К. і інш. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск, 2011.

Уртанс Ю. В. Камни «следовики» на территории Латвии // Известия Академии наук ЛССР. 1988. № 7 (492). С. 92–106.

Cepitis J., Jakubenoka L. Mythical creatures, the making of wearing apparel and the landscape // *Archaeologia Baltica*. № 15. 2011. L. 35–44.

Eniņš G. *Nezināmā Latvija*. Rīgā, 2015.

Laime S. Velna zārki Latvijā un to mitoloģiskais konteksts // *Aktuālas problēmas literatūras zinātnē*. 2008. № 13. Liepājā, L. 246–258.

Laime S. *Nakts raganas*. Rīga, 2013.

Urtāns J. *Daugavas kultūrvēsturiskie akmeņi*. Rīga, 2007.

КАМНИ С ЯМКАМИ В ЛАТВИИ

Я. Цепитис, Л. Якубенока

Введение

Среди камней со следами древней искусственной обработки по всему миру выделяется класс камней с небольшими углублениями в виде ямочек. Такие камни распространены и в северо-восточной Европе. Особенно часто они встречаются в Эстонии и скандинавских странах. До недавнего времени считалось, что на территории Латвии имеется лишь несколько таких объектов, но исследования последних десятилетий показали, что и у нас их находят не реже, чем в соседних странах — Литве, Беларуси, России. В литературе такие камни обозначаются различными терминами, например: камни с небольшими углублениями или выемками, камни с конусообразными выемками, камни с лунками, чашечные камни (англ. *cup-marked stones*) и др. В Латвии утвердился термин *bedrīšakmeņi*, что в переводе означает — камни с ямками. Этим термином дальше будем пользоваться и мы. Первым, кто употребил этот термин в Латвии, был знаменитый энтузиаст краеведения Г. Эниньш в статье о тогда известных 8 камнях с ямками в Латвии [Eņiņš 1994]. За основу настоящей статьи взята наша совместная работа с ведущим археологом по культовым камням Латвии Ю. Уртансом [Cepītis, Jakubenoka, Urtāns 2011], дополненная новейшими находками и теоретическими рассуждениями.

В настоящее время в Латвии известны 80 камней с ямками. К тому же, на данном уровне исследования их можно разделить на две группы — большие и маленькие или портативные, которых из общего числа 20. Последний термин введен активным исследователем камней с ямками в Латвии А. Гринбергсом в заметке [Grinbergs 2007] в связи с многочисленными находками таких объектов.

Камни с ямками имеют существенные различия в размерах и количестве ямок. В среднем, ямки имеют диаметр 5–7 см, глубину до 1,5–3 см и гладко обработанную поверхность, но характерной чертой множества латвийских камней с ямками является наличие одной ямки большого размера. Сравнительно редко наблюдаются и ямки овальной формы, а также ямки, соединенные между собой канавками.

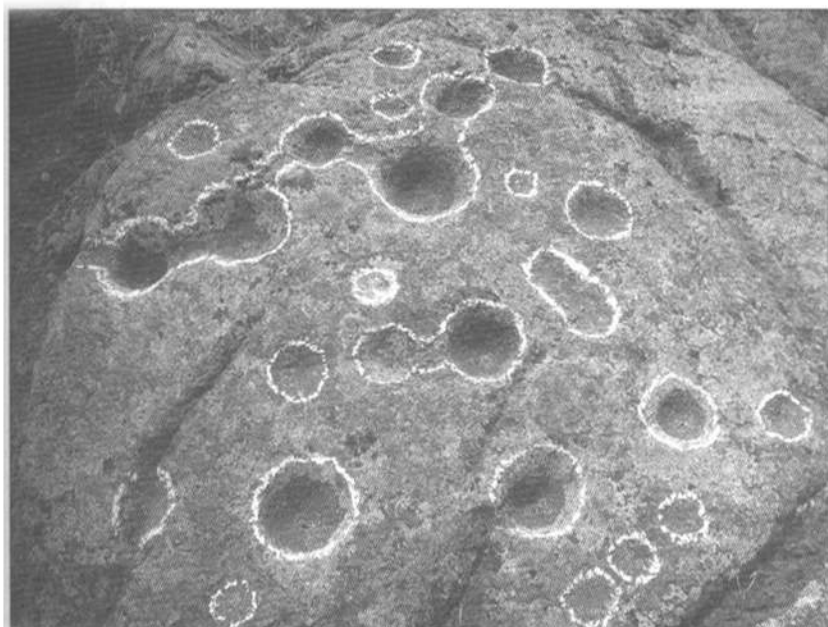
На больших камнях с ямками в Латвии находят от одной или нескольких ямок до более чем 260 ямок, но чаще всего от десятка до нескольких десятков. На портативных камнях с ямками обычно имеется одна или, нередко, две ямки на противоположных сторонах камня. Портативные камни с ямками хранятся в музеях или частных коллекциях. Отметим, что значительная часть больших камней с ямками, по-видимому, также были перемещены. Имеются сведения о нескольких уничтоженных или пропавших камнях с ямками, а также о ряде объектов, требующих уточнения.

История открытий

На территории Латвии первая находка камня с ямками относится к 1925 г. (см. статью А. Шталса [Štāls 1926]). Речь идет о камне, который до сих пор как археологический памятник, охраняемый государством, находится возле усадьбы Давини северо-западнее города Валмиера, сравнительно недалеко от границы с Эстонией (ил. 1). Камень лежит неподалеку от склона долины небольшой речки, которая когда-то называлась Витеке. На этом камне первоначально просматривались лишь 15 выразительных ямок, привлекавших внимание ученых. Позже количество углублений, их расположение, размеры и формы уточнялись различными исследователями.

Следует отметить, что это время характеризовалось бурным ростом находок камней с ямками в Эстонии. В обзорной статье эстонского исследователя А. Тваури [Tvauri 1997] отмечается, что если в 1921 г. в Эстонии были известны лишь около 20 камней с ямками, то к 1925 г. их число возросло уже до 95. Начало 20-х гг.

XX столетия, как и в Латвии, так и в Эстонии было временем становления системы охраны памятников культуры, в том числе и археологических памятников. Если раньше главный интерес прибалтийских немецких археологов был обращен к захоронениям, городищам и каменным замкам, то начиная с этого времени, латвийские исследователи стали уделять более пристальное внимание также объектам, связанным с поклонениями и древними обычаями. В таком контексте камень с ямками около усадьбы Давини, имеющий название Лиелайс акменс (Большой камень), привлек интерес как объект древнего культа и был взят под государственную охрану, и неоднократно упоминался в разных публикациях. Недостаточный уровень знаний не позволял в то время осознать, что этот камень является не отдельным своеобразным культовым камнем, а представляет целый класс камней, которые распространены на обширных территориях.

Ил. 1. Ямки на камне Давини I
(фото А. Гринбергса, 27.07.2008)

Долгие годы валун Давини оставался в Латвии единственным известным объектом такого рода. В 1963 г. археологом Э. Мугуре-вичем были проведены археологические раскопки на куршском могильнике XII–XIV столетий возле усадьбы Звиедри «Шведы». В ходе исследований на расстоянии 200–300 м от могильника на склоне левого берега долины р. Абава был обнаружен валун с 11 ямками. Обнаружение камня с ямками мимоходом отметили в публикациях того времени, однако, как и в случае с вышеупомянутым валуном около усадьбы Давини, место таких камней в системе древних культовых памятников еще не было определено. Без веских доказательств отмечалось, что такие камни характерны для финно-угорских территорий. Эта мысль поддерживалась и при публикации материалов раскопок. К сожалению, около 1970 г. этот валун был уничтожен в результате мелиоративных работ. Это был первый и пока единственный известный авторам уничтоженный большой камень с ямками в Латвии.

В 1972 г. эстонский археолог В. Лыугас опубликовал обобщающую статью о камнях с ямками Эстонии [Lõugas 1972]. В статье также упоминались оба латвийских камня с ямками, тем самым эти камни рассматривались в более широком ареале распространения таких объектов в северо-восточной Европе. Это дало возможность археологу А. Цауне в обобщающей статье о камнях с выемками в Латвии указать, что камни с ямками являются особой группой камней с выемками [Caune 1974]. А. Цауне назвал их камнями со многими небольшими конусообразными или похожими на треугольную призму выемками. Учитывая такую форму выемок, он выдвинул мысль о том, что к этому классу также могут принадлежать и камни, о которых имеется фольклорный материал, свидетельствующий о следах, оставленных когтями черта.

В конце 70-х гг. XX столетия латвийские археологи обнаружили наличие ямок еще на несколько валунах. В 1977 г. в д. Рускули неподалеку от берега оз. Циритис на валуне, который так же, как и вышеупомянутый валун у усадьбы Давини, носит имя Лиелайс акменс, было обнаружено 5 углублений в виде ямочек. Позднее еще два таких углубления исследователи заметили на боковой поверхности этого камня, а затем — еще ряд ямок на верхней поверхности камня. Так как этот валун находится в юго-восточной части Латвии и в то время латвийские исследователи не имели

сведений о камнях с ямками в Белоруссии, было высказано предположение, что камень находится на самой окраине распространения таких археологических памятников. В следующем году здесь под руководством археолога Ю. Уртанса впервые в Латвии были проведены археологические раскопки у камня с ямками. В ходе исследования на площади 14,5 кв. м было выявлено, что подножье камня сильно испорчено поздними перекопами, однако на глубине 0,47 м нашли следы небольшого кострища диаметром 0,22 м и глубиной 0,03 м. Огонь возжигали на небольшом плоском камне (0,18 × 0,16 м). Никаких других археологических находок не зафиксировано.

В том же году во время экспедиции Валмиерского музея был выявлен камень с 30 ямками близ усадьбы Калналаммикас у самой границы с Эстонией. Валун также находился недалеко от долины реки, на этот раз — Руи.

В 1978 г. по ходу мелиоративных работ в долине р. Аланде, восточнее города Гробиня, был замечен валун, имеющий несколько линий, по-видимому, искусственного происхождения. Этот валун тщательно был исследован руководителем Лиепайского музея Я. Судмалисом, а также геологом и любителем археоастрономии В. Гравитисом, который, вскользь упомянув многочисленные углубления в виде ямочек, имеющиеся на этом камне, выдвигал гипотезу, что линии на камне в далеком прошлом могли использоваться для астрономических наблюдений Солнца и Луны [Grāvītis 1978]. Как бы там ни было, бесспорно, что этот камень имеет наибольшее количество ямочек среди известных нам латвийских камней с ямками. Краеведы насчитали на камне около 270 ямочек. Восстанавливая старый топоним, этот камень называли камнем Падамбью (ил. 2). С этого времени камни с ямками стали часто упоминать и в популярной литературе.

В последующие годы продолжалось выявление ранее неизвестных камней с ямками. Наиболее яркими событиями стали открытие более 250 ямок на валуне у усадьбы Элекши западнее города Приекуле (ил. 3) и валуна, называемого Велна акменс (Чертов камень), с двумя ямками около хутора Эзерниеки неподалеку от р. Даугава (ил. 4). Таким образом, стало очевидно, что камни с ямками на территории Латвии не являются каким-то особым исключением.

Ил. 2. Камень Падамбью с линиями, побудившими В. Гравитиса к археоастрономической трактовке камня (фото Л. Якубеноки, 27.08.2013)

Ил. 3. Камень Элекши (фото Л. Якубеноки, 26.08.2013)

Ил. 4. Участники международной конференции по культовым камням, организованной Айзкраукльским музеем, на камне Эзерниeki (фото Л. Якубеноки, 25.10.2008)

Развивая вышеупомянутую мысль А. Цауне, в конце 80-х гг. XX столетия была предпринята попытка выявить связь между упоминавшимися в преданиях валунами с отпечатками когтей черта (эти валуны, как правило, не сохранились до наших дней либо на них не были выявлены явно выраженные ямки) и камнями с ямками. Обобщая сведения о камнях с ямками в Латвии, была опубликована статья [Уртанс 1987], в которой содержались данные о четырех известных на то время ямочных камнях, а также приведены данные о пяти других валунах с гипотетическими ямками. Таким образом, латвийские камни с ямками были введены в единый ареал таких памятников в Финляндии, России, Эстонии и Литвы. Ссылаясь на результаты исследования эстонских камней с ямками, эти камни отнесены к середине I тыс. до н. э., однако предположения об их назначении высказаны очень робко. Данную статью нередко цитировали авторы соседних стран, тем самым включая латвийские камни с ямками в более обширный ареал распространения этих объектов. Однако до настоящего времени в литературе соседних стран преобладает мнение, что количество камней с ямками в Латвии невелико по сравнению с соседними территориями.

В последующие десятилетия исследователи и краеведы стали обращать пристальное внимание на латвийские камни с ямками, изыскав целый ряд ранее неизвестных объектов. В последнее время главная заслуга по увеличению количества найденных камней с ямками принадлежит двум общественным организациям — «Фонду природного наследия» (далее — ФПН; www.dabasretumi.lv) и «Латвийскому центру петроглифов» (далее — ЛЦП; www.petroglifi.lv).

Опыт нахождения камней с ямками убеждает, что они, как правило, не связаны с народными преданиями. Возможность их обнаружения является чисто случайной, и в то же время требующей соответствующего опыта. Часто, проверяя поступающие сообщения даже от археологов о якобы имеющихся камнях с ямками, приходится признавать недостоверность полученной информации. А представители обеих организаций накопили достаточно опыта, чтобы заметить даже самые невзрачные ямки. К тому же, довольно часто камни с ямками располагаются группами, и если исследователь находит один камень с ямками, то поблизости он сам или кто-либо из его коллег обнаруживает и другие. Как правило,

между исследователями обеих организаций нет разногласий по поводу того, является ли камень ямочным, но иногда возникают значительные расхождения в количестве ямок. Как правило, это связано не столько со спорными ямками, сколько с тщательностью обследования. Даже один и тот же человек, исследуя камень при открытии и потом повторно, может указать разное число ямок. Сказанное относится и к нашим таблицам. Вполне вероятно, что тщательное обследование камней может изменить представление о количестве ямок.

Камни с ямками обнаружены на территории всей Латвии. В свете имеющихся находок вычерчиваются шесть заведомо достоверных ареалов распространения камней с ямками в Латвии — юго-западная часть культурно-исторического региона Курземе (Леяскурземе), северная часть культурно-исторического региона Курземе (окрестность города Талси), центральная часть культурно-исторического региона Видземе (окрестность города Валмиера), культурно-исторический регион Латгале (восточная Латвия), юго-восточная часть Латвии (бассейн р. Даугава в ее нижнем течении) и часть культурно-исторического региона Земгале (окрестность города Добеле). Рассмотрим последовательно упомянутые ареалы.

Леяскурземе

Самое большое количество камней с ямками (23) в Леяскурземе (таб. 1). В этом ареале находятся несколько камней с сотней и более ямочек. В то же время здесь немало камней и с небольшим количеством ямочек.

Ареал примыкает к соответствующим территориям местонахождения камней с ямками в северо-западной Литве. Так, вблизи хутора Перконы (Гроза), на склоне пограничной с Литвой р. Свентая, по обоим берегам оврага лежат камни Перконы II и Перконы III, а на противоположном берегу реки неподалеку находится огромный камень Пелекиу (Серый), который является самым богатым ямками в Литве — на нем насчитывается 89 ямок.

На берегу другой пограничной реки — Лукне — обнаружены камни с ямками Лукнес I и II. Находка этих камней хорошо

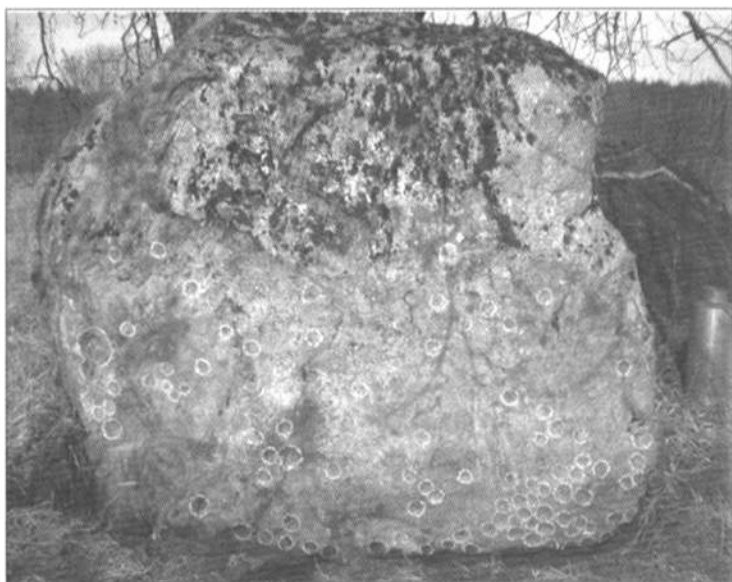
проявляет роль случайности и совпадения. В окрестности хутора Перконы мы неудачно искали вековой можжевельник. Позже туда же направился наш коллега А. Опманис и нашел не только можжевельник, но и камень с ямками Перконы I, потом А. Гринбергс нашел камни Перконы II и Перконы III. В свою очередь, мы после осмотра камней Перконы решили поискать вековые деревья в парке имения Лукнес и нашли камень с ямками Лукнес I. Позже выяснилось, что этот камень часто показывали школьникам как природный объект, но прежде ни школьники, ни учителя ямки не замечали. Неподалеку на лугу мы заметили и другой камень, который тоже оказался камнем с ямками (Лукнес II). Правда, на нем лежал камень поменьше, и мы не могли сосчитать ямки. Это удалось позже коллегам из ЛЦП, когда те сняли верхний камень.

Часть других камней с ямками этого ареала также связана с долинами рек: Падамбю — р. Аланде; Элекши, Иогули — р. Вирга; Клявиняс — р. Ланка. Однако камни с ямками возле усадеб Мурниеки, Вецвисмини и Клаустини никак не связаны со значимыми в наши дни водоемами. Камни с ямками Медзенской волости обнаружены у подножья древнего берега Балтийского моря.

Рудайс акменс (Рыжий камень) является известным памятником природы, при этом лишь недавно на нем были замечены ямки.

Камень близ хутора Одзиняс лежал на обрабатываемом поле, но после обнаружения исследователями на камне ямок хозяева закопали его в землю. Позже, после возмущения общественности, этот камень весом 43 тонны выкопали, переместили и установили рядом с шоссе Лиепая — Вентспилс. Камень неподалеку от возвышенности древнего берега моря Спицайс калнс (Острая гора), по-видимому, был перемещен мелиораторами и частично зарыт в землю (ил. 5). После обнаружения первых ямок камень откопали, и появилась возможность зафиксировать большое количество хорошо сохранившихся ямок.

Уже упомянутый камень с ямками у бывшей усадьбы Элекши чуть не попал в кучу собранных с поля камней. Камень спасло наше чисто случайное посещение в момент очистки поля новым хозяином земельного участка. Несмотря на включение камня в список охраняемых государством памятников археологии, хозяин не был поставлен в известность об этом.

Ил. 5. Камень с ямками вблизи Спицайс Калнс, часть которого долгое время была в земле (фото Л. Якубеноки, 07.04.2007)

Камни с ямками около усадьбы Мурниеки находятся вблизи каменной конструкции, вероятнее всего, культового назначения — прямоугольника, который обнаружили липайские краеведы и некогда исследовали вместе с любителями археоастрономии.

Благодаря этой достопримечательности, Я. Цепитис, проводя экскурсию, случайно заметил в лесу камень Мурниеки I, несколько месяцев спустя исследователи ЛЦП, посещая этот камень, нашли камень Мурниеки II, а в следующем году и камень Мурниеки III.

По-видимому, лишь осколок остался от большого камня с ямками в лесу Гаури (ил. 6). Большие и глубокие ямки на

Ил. 6. Осколок камня, найденный в лесу Гаури (фото Л. Якубеноки, 07.04.2007)

этом осколке заметила, собирая грибы, лиепайский инспектор по охране памятников культуры И. Визе.

В период написания настоящей статьи, возвращаясь с мероприятия по популяризации геологического памятника — обнажения верхнедевонной свиты Кетлеру на берегу р. Вента — и проверяя поступившее сообщение, исследователи ЛЦП обследовали камень с ямками близ хутора Гери. По весне хозяева переместили мешавший земледелию камень с поля к пруду и только тогда заметили ямки.

Таблица 1

Камни с ямками Леяскурземе

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
1	Чиекури	Айзпутская волость, Айзпутский край	1,9 × 1,2 × 0,6	8
2	Априкская школа, музей	Лажская волость, Айзпутский край	0,1 × 0,1 × 0,05	1
3	Мурниеки I	Циравская волость, Айзпутский край	2,3 × 1,4 × 1,0	Около 110
4	Мурниеки II	Циравская волость, Айзпутский край	1,7 × 1,2 × 0,7	4
5	Мурниеки III	Циравская волость, Айзпутский край	1,1 × 1,0 × 0,9	3
6	Клявиняс	Эмбутская волость, Вайнедский край	2,0 × 1,5 × 0,6	13
7	Падамбьи	Гробиньская волость, Гробиньский край	2,9 × 2,1 × 1,6	Около 270
8	Медзе	Медзенская волость, Гробиньский край	1,5 × 1,0 × 0,6	10
9	Одзиняс	Медзенская волость, Гробиньский край	3,4 × 2,3 × 1,6	Около 10
10	Рудайс акменс	Медзенская волость, Гробиньский край	3,9 × 2,8 × 2,0	7
11	Спицаис калнс	Медзенская волость, Гробиньский край	2,7 × 1,8 × 2,3	Около 110

Таблица 1 (окончание)

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
12	Гери	Ивандская волость, Кулдигский край	1,8 × 1,2 × 0,6	12
13	Элекши	Приекульская волость, Приекулский край	2,4 × 1,9 × 0,9	Около 260
14	Иогули I	Приекульская волость, Приекулский край	2,0 × 1,1 × 0,5	7
15	Иогули II	Приекульская волость, Приекулский край	1,6 × 1,0 × 0,4	Около 4
16	Лукнес I	Дуникская волость, Руцавский край	4,5 × 3,2 × 1,0	10
17	Лукнес II	Дуникская волость, Руцавский край	2,1 × 1,2 × 0,7	7
18	Перконы I	Руцавская волость, Руцавский край	2,1 × 0,9 × 0,8	18
19	Перконы II	Руцавская волость, Руцавский край	2,6 × 2,1 × 1,2	4
20	Перконы III	Руцавская волость, Руцавский край	1,3 × 1,1 × 0,5	2
21	Гаури	Руцавская волость, Руцавский край	1,2 × 0,4 × 0,5	5
22	Вецвисмини	Руцавская волость, Руцавский край	2,7 × 2,2 × 1,1	Около 50
23	Клаустини	Руцавская волость, Руцавский край	2,9 × 2,5 × 1,1	Около 5

Окрестности города Талси

Камни с ямками в окрестностях города Талси (табл. 2) по своим приметам более однородны, чем ямочные камни других ареалов.

Здесь в городе Валдемарпилс найден первый портативный камень с ямками Латвии. Найден совершенно случайно в куче камней на берегу оз. Сасмакас музееведом города Э. Прокоповичем. Потом Э. Прокопович настойчиво продолжал искать подобные камни на берегу озера, но успехов не добился.

Таблица 2

Камни с ямками в окрестностях города Талси

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
24	Кален	Пузенская волость, Вентспилский край	2,0 × 1,6 × 3,0	Около 30
25	Дандзитес I	Пузенская волость, Вентспилский край	2,0 × 1,9 × 0,5	9
26	Дандзитес II	Пузенская волость, Вентспилский край	1,2 × 0,8 × 0,2	2
27	Ажи	Дундагская волость, Дундагский край	1,6 × 1,6 × 1,9	6
28	Вентниеки	Дундагская волость, Дундагский край	1,5 × 1,4 × 0,4	9
29	Городище Бусес I	Маткулская волость, Кандавский край	1,2 × 1,1 × 0,5	18
30	Городище Бусес II	Маткулская волость, Кандавский край	1,3 × 0,8 × 0,3	1
31	Городище Бусес III	Маткулская волость, Кандавский край	1,9 × 1,0 × 0,7	1
32	Музей Педвале I	Абавская волость, Талсенский край	3,1 × 1,9 × 1,3	Около 15
33	Музей Педвале II	Абавская волость, Талсенский край	2,0 × 2,0 × 1,3	1
34	Валдемар- пилс	Город Валдемарпилс, Талсенский край	0,3 × 0,3 × 0,2	2
35	Яньандреи	Лаидзенская волость, Талсенский край	1,0 × 1,0 × 0,2	36
36	Венткалны	Лаидзенская волость, Талсенский край	3,4 × 2,2 × 1,5	16
37	Городище Межитес	Лауциенская волость, Талсенский край	1,0 × 0,8 × 0,3	12
38	Дижстенде	Либэгская волость, Талсенский край	1,7 × 1,3 × 0,6	32
39	Илбаты I	Стразденская волость, Талсенский край	1,0 × 0,9 × 0,3	8
40	Илбаты II	Стразденская волость, Талсенский край	4,9 × 2,6 × 1,3	3
41	Звиедри	Пурская волость, Тукумский край	Уничтожен	11

Камень с ямками обнаружен на склоне городища Межитес (ил. 7). Камень Илбаты I также находится у подножья археологического памятника, могильника Зелта калнс (Золотая гора).

*Ил. 7. Камень с ямками на склоне городища Межитес
(фото Л. Якубеноки, 20.03.2007)*

Камни Бусес связаны как с городищем Бусес, так и с рядом протекающей р. Имула. Открытие этих камней любопытно. В свое время участники геологической экспедиции сообщили о якобы найденном камне с ямками близ городища Бусес. Я. Цепитис поехал посмотреть камень и для облегчения поисков обратился к хозяину хутора Бусес К. Бусенбергу. Хозяин ничего не знал о ямках, но камни у подножья городища показал. На показанных камнях Бусес I и Бусес II действительно нашлись ямки. Позже Я. Цепитис увидел фотографию и точную схему расположения найденного геологами камня. Оказалось, что геологи имели в виду другой, лежащий неподалеку, камень с волнистой поверхностью, который на самом деле не был камнем с ямками. Впоследствии на противоположном склоне городища А. Опманис нашел и камень

Бусес III. Сначала показалось, что камни Бусес I и Бусес II являются кусками одного некогда целого большого камня с ямками, но тщательное исследование опровергло это предположение.

Соавтору этой статьи так же чисто случайно удалось первым из исследователей заметить камень с ямками в Дижстенде, рядом с тропинкой, которая ведет от автобусной остановки к центру хозяйства Стендской селекционной станции. В тот февральский день планировалась совсем другая краеведческая поездка, но из-за сильного ветра и угрожающей метели было принято решение оставаться близ магистральных дорог и ограничиться лишь осмотром Дижстендского парка. Сильный ветер очистил поверхность камня от снега, и появилась возможность заметить отчетливые ямки.

Первые два камня с ямками Пузенской волости заметила экспедиция ФПН, в составе которой были и авторы настоящей статьи, при обследовании векового ильма близ хутора Дандзитес. Спустя пару месяцев исследователи ЛЦП также осмотрели эти камни, но для дальнейшего пути выбрали другую дорогу. Проехав километр, они обратили внимание на вертикально стоящий у дороги камень. Этот камень был установлен в колхозное время в честь завершения мелиоративных работ. Памятник оказался ранее незамеченным камнем с ямками, который мелиораторы перевезли от рядом стоящей усадьбы Кален.

Восстанавливая некогда заброшенное хозяйство Яньяндри, новый хозяин заметил, что порогом одного из хозяйственных зданий служит камень с ямками. На камне были и сравнительно редко встречающиеся ямки, соединенные между собой канавками (ил. 8). О находке хозяин сообщил Талсенскому музею. Оказалось, что в соседнем хуторе Венткалны проживает сотрудник того же музея. Находка в соседском хозяйстве заставила его по-новому посмотреть на камень близ тропинки, ведущей к его дому. На этом камне также были обнаружены ямки.

Интересным фактом является и находка ямок на верхней, плоской грани часто посещаемого вертикально поставленного валуна Ажи, который якобы являлся граничным камнем между территориями проживания древних племен куршей и ливов в северной части Курземе. Но позднее, севернее этой границы при раскопке пруда во время строительства хутора Вентниеки также был найден камень с ямками.

Камни с ямками из Художественного музея под открытым небом Педвале принадлежат этому ареалу лишь формально. Скульптор, основатель этого музея О. Фелдбергс, заметил ямки на камне, привезенном в его мастерскую в Риге для работы, и отложил камень в сторону. По его словам, камень привезли из Бломской волости Смильтенского края, что в северной Видземе. Долгие годы лежавший возле Рижского дома художника камень решили перевезти в Педвале.

*Ил. 8. Камень в хуторе Яньандрей
(фото Л. Якубеноки, 26.10.2008)*

К сожалению, он не заметил ямку на другом камне, который подверг обработке, этот камень стал экспонатом художественной экспозиции, а ямка теперь частично испорчена.

Выделение двух ареалов местонахождения камней с ямками в культурно-историческом регионе Курземе обосновывается тем обстоятельством, что в разделяющей эти две области низине р. Вента и оз. Усмас нет находок подобных камней.

Окрестности города Валмиера

Часть камней с ямками в окрестности города Валмиера (табл. 3), а именно те, которые находятся в Мазсалацком, Наукшенском и Руиенском краях, примыкают к ареалу камней с ямками южной Эстонии. Тем не менее, до сих пор такие камни еще не найдены в других краях, граничащих с Эстонией. В этом ареале особо выделяется вышеупомянутый первый найденный в Латвии камень с ямками Давини I ввиду разнообразия имеющихся на нем ямочек. Следует отметить, что во время экскурсии археологов в 1983 г. в куче камней, собранных неподалеку в ходе мелиоративных работ, Ю. Уртансом был обнаружен другой камень с тремя ямками. К сожалению, долгие годы этот камень считался утерянным, и лишь в 2014 г. учительница Берзайнской школы З. Гмизо, подыскивая камень для памятника репрессированным, вновь его нашла.

Отличительной чертой камня с ямками у усадьбы Каки является большое число ямочек и, по-видимому, искусственно созданные линии (ил. 9).

*Ил. 9. Линии на камне с ямками у усадьбы Каки
(фото Л. Якубеноки, 18.05.2008)*

Таблица 3

Камни с ямками окрестности города Валмиера

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
42	Давини I	Берзайнская волость, Коценский край	4,0 × 2,8 × 1,7	Около 25
43	Давини II	Берзайнская волость, Коценский край	1,6 × 1,1 × 1,0	3
44	Ливи	Коценская волость, Коценский край	0,13 × 0,12 × 0,06	2
45	Ункшас	Лимбажская волость, Лимбажский край	1,9 × 1,8 × 0,9	7
46	Каки	Видрижская волость, Лимбажский край	3,3 × 3,0 × 1,2	72
47	Мазсалаца I	Город Мазсалаца, Мазсалацкий край	1,5 × 1,0 × 0,3	Около 12
48	Мазсалаца II	Город Мазсалаца, Мазсалацкий край	1,3 × 1,1 × 0,3	Около 10
49	Шкестеры	Мазсалацкая волость, Мазсалацкий край	2,6 × 1,4 × 0,5	2
50	Яунутени	Сканькалнская волость, Мазсалацкий край	2,4 × 1,2 × 0,5	2
51	Юрата I	Кенская волость, Наукшенский край	3,3 × 2,0 × 1,9	Около 12
52	Юрата II	Кенская волость, Наукшенский край	3,6 × 2,1 × 0,7	Около 30
53	Веини	Страупская волость, Паргауиский край	1,5 × 0,9 × 0,4	Около 10
54	Калналам- микас	Лоденская волость, Руиенский край	5,4 × 2,8 × 1,0	Около 30

Этот камень был найден вследствие изучения и анализа местного народного предания о так называемом Лунном камне. Благодаря местному активисту А. Андрусу, предположившему его культовое значение, он был внесен в список охраняемых памятников местного значения.

Недавно был осуществлен совместный проект приграничных регионов Латвии и Эстонии по выявлению неизвестных объектов культурного наследия, во время которого местные активисты исследовали многие культурно-исторические достопримечательности, в том числе и камни. В рамках этого проекта были открыты камни с ямками Унккшас и Яунутены. Но так как не все участники проекта раньше имели дело с культурно-историческими камнями, то были и необоснованные «открытия». Так однажды группа исследователей ФПН, в том числе и авторы настоящей статьи, поехали проверять два камня, о которых от участников проекта были сведения о якобы имеющихся ямках. Но на обоих камнях ямки оказались естественного происхождения. Потом мы решили посмотреть один валун в Наукшенском крае, которому в отчетах проекта приписали внушительные размеры. Сначала нас разочаровали размеры валуна, которые были меньше обещанного, но потом наше разочарование переросло в восторг. Под слоем мха мы нащупали, а почистив камень, и увидели ямки, которые не были ранее замечены участниками проекта. Когда этот камень поехали осмотреть исследователи ЛЦП, мы по телефону сообщили им как его найти. Но то ли мы недостаточно подробно описали дорогу, то ли они что-то перепутали, но свернули с главной дороги на одну дорожку раньше и недалеко от дорожки увидели камень с ямками. Так в результате случайностей и совпадений были открыты два камня Наукшенского края — Юрата I и Юрата II, лежащие в долине р. Руя.

Открытие другого камня этого ареала, по крайней мере по рассказу хозяина усадьбы Веини, переходит границы случайностей и совпадений и уходит даже в область сверхъестественного. Усадьба Веини находится рядом с р. Брасла и системой пещер с подземным озером в песчанике. Однажды группа с телевидения приехала снимать эти пещеры, но один из сотрудников группы с рамкой для биолокации двинулся не к пещерам, а к камню, который находился около небольшой дорожки. Камень был так засыпан землей и зарос травой, что почти не был виден, но человек с рамкой утверждал, что тут есть что-то особое, и рекомендовал хозяину камень откопать. На камне были обнаружены ямки. Как хозяин, так и сотрудник телевидения до этого ничего о камнях с ямками не знали. Позже хозяин сообщил об этом камне А. Гринбергсу.

Иногда к камням с ямками относят и камни с одной выемкой сравнительно большого размера (диаметром около 12 см и глубиной до 5 см), найденные возле усадеб Пуртетери (ил. 10) (Вайвская волость, Цесиский край) и Кална Цикужи (Апенская волость, Апенский край). Камень Кална Цикужи вмурован в фундамент дома, а камень Пуртетери находится на территории средневекового кладбища. По нашему предположению, эти камни относятся к более позднему времени [Jakubenoka 2005].

*Ил. 10. Камень возле усадьбы Пуртетери
(фото Л. Якубеноки, 30.04.2010)*

Восточная Латвия

Несмотря на небольшое количество найденных до сих пор камней с ямками в восточной Латвии (табл. 4), эта территория представляет собой существенный ареал распространения ямочных камней в Латвии. Расположенные вблизи берегов озер камни Рускули и Пускунджи похожи по величине и числу ямок, но следует отметить, что Пускунджи пока единственное место в Латвии, где в поле вблизи большого камня найдены и два портативных камня с ямками.

Таблица 4

Камни с ямками восточной Латвии

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
55	Рускули	Аглонская волость, Аглонский край	3,8 × 2,2 × 2,1	Около 10
56	Эзерличи	Тилжская волость, Балвенский край	Правильный тетраэдр с ребром 0,15	4
57	Эзерличи	Тилжская волость, Балвенский край	0,24 × 0,24 × 0,09	1
58	Мазие Журили	Нирзская волость, Лудзенский край	2,6 × 2,0 × 1,4	7
59	Таунага	Дрицанская волость, Резекненский край	4,9 × 3,0 × 2,1	5
60	Пускунджи	Илзескалнская волость, Резекненский край	3,3 × 2,9 × 1,9	6
61	Пускунджи	Илзескалнская волость, Резекненский край	0,15 × 0,15 × 0,06	2
62	Пускунджи	Илзескалнская волость, Резекненский край	0,06 × 0,06 × 0,03	1
63	Устинова	Лидумниекская волость, Циблский край	3,6 × 2,6 × 0,9	Около 130

Два портативных камня с ямками хранятся в коллекции Э. Каша, хозяина усадьбы Эзерличи. Камни найдены на территории его хозяйства. Исключительно интересным является один из них — обладающий формой правильного тетраэдра, на каждой грани которого имеется по одной ямке (ил. 11).

Но самым уникальным в рассматриваемом ареале является располагающийся в необитаемом ныне месте, в нескольких сотнях метров от границы с Россией, камень, лежащий на территории бывшей деревни Устинова и имеющий наибольшее в ареале количество ямок [Urtāns 2016]. Это единственный камень с ямками в Латвии, на который позднее были нанесены несколько других значимых символов — кресты (ил. 12).

*Ил. 11. Камень с ямками
из коллекции Эзерличи
(фото Л. Якубеноки,
13.07.2008)*

*Ил. 12. Крест на камне с ямками
у бывшей деревни Устинова
(фото Л. Якубеноки, 23.06.2015)*

Недалеко от границы с Россией найден и камень Мазие (Малые) Журили.

Бассейн р. Даугава в ее нижнем течении

Среди камней с ямками бассейна р. Даугава, в ее нижнем течении (табл. 5) самым известным является уже упомянутый Эзерниеку Велна акменс (Чертов камень). Остальные камни с ямками этого ареала, за исключением камня, который поставлен как памятник на Бебренском братском кладбище Первой мировой войны, являются портативными ямочными камнями.

Вблизи имения Стукмани в яблочном саду на сравнительно небольшой территории найдено целых шесть портативных камней с ямками. Четыре из них с двумя ямками на противоположных сторонах камня, на двух камнях по одной ямке. Неподалеку от места находок находится городище эпохи раннего металла Винакалнс (Винная гора). Сейчас эти камни экспонированы в Музее истории и искусства Айзкрауклского края.

Три камня из поселка Ликсна найдены в поле около древней каплицы. Место, где найден четвертый портативный камень с ямкой этого поселка, уточнить не удалось.

Таблица 5

**Камни с ямками бассейна р. Даугава
в ее нижнем течении**

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
64	Вишки	Вишкская волость, Даугавпилский край	0,18 × 0,18 × 0,08	2
65–68	Ликсна	Ликсненская волость, Даугавпилский край	Усреднено 0,12 × 0,15 × 0,07	1
69	Путнусала	Бебрнская волость, Илукстский край	0,33 × 0,32 × 0,20	1
70	Путнусала	Бебрнская волость, Илукстский край	0,10 × 0,08 × 0,06	1
71	Бебрне	Бебрнская волость, Илукстский край	0,70 × 0,60 × 1,40	1
72–75	Стукмани	Клинтайнская воость, Плявиньский край	Усреднено 0,30 × 0,20 × 0,10	2
76–77	Стукмани	Клинтайнская воость, Плявиньский край	Усреднено 0,30 × 0,20 × 0,10	1
78	Эзерниеки	Селпицкая волость, Салский край	6,0 × 4,0 × 1,5	2

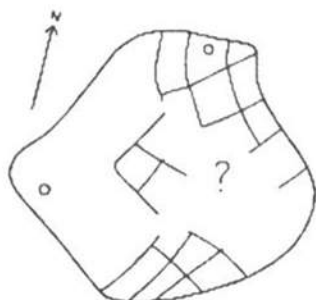
Получив информацию от хозяйки усадьбы Атали А. Груберте, что в ее частном музее хранится камень с ямкой, Я. Цепитис и А. Гринбергс поехали его осмотреть. Стояла осень, и соседи А. Груберте именно в этот день, копая картошку, нашли и притащили исследователям камень. Как и камень из коллекции А. Груберте, он был с одной ямкой, только по размерам куда больше первого (ил. 13). Оба камня связаны с территорией древнего поселения Двиетской низменности Путнусала (Остров птиц).

Камень с двумя ямками на противоположных сторонах найден в поселке Вишки в церкви Св. Иоанна Крестителя. Там его использовали как опору для дверей в летнее время, чтобы те не закрывались.

Ил. 13. Портативные камни из Путнусала
(фото Л. Якубеноки, 08.09.2007)

Дополнительно упомянем найденный Г. Эниньшем уникальный для Латвии камень Юргишу (Виеталвская волость, Плявиньский край) с линиями, сделанными рукой человека. Этот камень похож на камень в Виру Нигульской волости Северной Эстонии, отмеченный в работе эстонского исследователя А. Тваури [Tvauri 1997] (ил. 14а–б). Правда, на эстонском камне имеются как линии, так и ямки, на нашем же камне ямки отсутствуют. Надо заметить, что и в других странах Европы сочетание ямок и линий на камнях не редкость. И хоть на нашем камне сами ямки отсутствуют, мы выдвигаем гипотезу, что камень Юргишу связан со временем и традицией изготовления камней с ямками.

Ил. 14а. Рисунок из статьи
А. Тваури [Tvauri, 1997]

Ил. 14б. Камень Юргишу
(фото Л. Якубеноки, 25.10.2008).
Размер камня $1,5 \times 1,4 \times 0,4$ м

Окрестность города Добеле

Наконец, упомянем еще два недавно выявленных камня с ямками из окрестностей города Добеле (табл. 6). Если камень Жевероганас найден в болотистом лесу близ искусственного пруда, где редко ступает нога человека, то камень в Тервете обнаружен А. Гринбергсом между городищем Терветес и поселением Клостеркалнс (Монастырская гора), где всегда был огромный поток туристов и исследователей истории (ил. 15). От этого камня остались лишь три осколка, которые тесно сдвинуты друг к другу. Культурно-исторический регион Земгале выделяется интенсивной сельскохозяйственной деятельностью, что могло привести к уничтожению многих камней с ямками. Для сравнения упомянем, что в соседних регионах Литвы имеется не так уж мало таких камней.

Ил. 15. Камень с ямками возле городища Терветес
(фото Л. Якубеноки, 17.11.2014)

Таблица 6

Камни с ямками окрестности города Добеле

№	Название	Место	Размеры камня (м)	Число ямок
79	Жевероганас	Наудитская волость, Добелский край	1,9 × 0,9 × 0,5	5
80	Тервете	Терветская волость, Терветский край	1,5 × 1,8 × 0,3	6

Фольклор камней с ямками

Массовый сбор преданий на территории Латвии начался во второй половине XIX столетия и активно продолжался в 20–30-е гг. XX в. В собранном и опубликованном материале часто встречаются записи преданий и легенд, которые связаны как с камнями, так и с деяниями черта и других мифологических персонажей.

При этом лишь о трех из шестидесяти больших камней с ямками имеются предания. Все три камня — Давини, Рускули и Эзерниеки — больших размеров и, несомненно, могли привлечь внимание древнего человека независимо от наличия ямочек.

Так, в преданиях о камне Рускули ямочки вообще не упоминаются. О камне рассказывают, что днем на нем лежал и грелся черт, поэтому одно из его названий — Велна Цеплис (Чертова Печь), а ночью у камня показывались привидения. Также в народе рассказывали, что раньше на камень клали жертвоприношения. Ямки на камне заметили археологи, когда обследовали этот камень как связанный с преданиями.

На Чертовом камне около хутора Эзерниеки имеются как ямки, так и другие углубления. Последние по величине значительно превосходят ямки. Надо заметить, что мнения о происхождении этих углублений разделяются. Одни исследователи считают их искусственными, другие убеждены, что эти углубления естественного происхождения. Каково бы ни было происхождение этих углублений, возможно, предположить, что именно они имеются в виду, если в преданиях рассказывается, что черт оставил на камне отпечатки частей своего тела, когда на него наступил, сидел, спал, расчесывал волосы.

Предания, по существу связанные с ямками, имеются только о камне у усадьбы Давини. Мы уже отмечали, что ямки на нем действительно были большие, глубокие и выразительные, такие, что их заметил бы древний человек и нашел им в мифологии обоснованное объяснение. В одном фольклорном сюжете рассказывается, что старые девы копали речку Витеке, а на этом камне обедали. Копая речку, они ее русло так направляли, что выгоду получали те хозяева, которые их лучше кормили. По версии другого фольклорного сюжета, на этом камне обедал шведский король и ямки остались от его посуды. Про камень также рассказывалось,

что после уборки урожая в ямки сыпали зерно в жертву божкам — сколько божков, столько и ямочек.

Мы уже упоминали, что в среде археологов в 70-е и 80-е гг. прошлого столетия бытовала версия, что камни, о которых имеется фольклорный материал, свидетельствующий о следах, оставленных когтями черта, могут оказаться камнями с ямками. Большинство упомянутых в статье [Сауне 1974] камней до наших дней не сохранилось, а обследованные камни являются типичными следовиками. Следует заметить, что, действительно, в Литве про камни с ямками рассказывает такие же предания, как и про камни-следовики, лишь с той разницей, что ямки на камнях там не от пальцев рук черта, а от его ног (пятки) [Vaitkevičius 2003, 96].

Надо признать, что фольклорного материала о камнях с ямками мало и, вероятнее всего, нет прямой преемственности между теми, кто изготавливал ямки, и носителями фольклорной традиции. Это косвенно может свидетельствовать о том, что традиция наносить ямки на камень очень древняя.

Версии о предназначении ямок

О значении, времени использования, этнической и культурной принадлежности камней с ямками высказано множество предположений, однако общепризнанной точки зрения на предназначение этих камней до сих пор нет. Можно предположить, что использование и смысл камней с ямками различались как во времени, так и в пространстве.

Бесспорно одно: камни с ямками являются самыми древними культовыми камнями с искусственной обработкой в нашем регионе. Надо признать, что есть значительные различия между ними и другими камнями с выемками искусственного характера. Например, цилиндрические камни с плоскодонной выемкой воспринимались уже не как камни, а как посуда для пожертвования или накопления дождевой, целебной воды. Камни с ямками же еще не утратили свою природную форму камня.

В мифологии именно естественные камни важны как объекты природы и связываются с центром вселенной, с плодородием и хтоническими божествами, управляющими круговоротом жизни

и смерти. Вероятнее всего, основной целью ямок не являлось служение посудой для жертвоприношений, так как ямки имеются не только на верхней поверхности камня, но иногда и на других поверхностях. Следует предположить, что важен был сам процесс изготовления ямок, этим действием активизировали плодотворную сущность природы. Цель — плодovitость, возможно, здоровье животных и людей, урожайность земли.

Исходя из наших теоретических рассуждений, отметим, что из огромного числа версий о предназначении ямок в Латвии и в соседних странах наиболее популярны три: связь ямок с археoaстрономией, с земледелием и с культом мертвых.

Что касается археоaстрономии, то в Литве были попытки найти связь между расположением ямок на камне и созвездиями. По нашему убеждению, эта версия не слишком обоснована, ибо, учитывая значительное количество ямок на камнях, при большом желании и наличии фантазии можно «обнаружить» связь их практически с любыми созвездиями. К тому же, чисто теоретически камень в мифологии намного больше связан с хтоническим миром, чем с небесным. В Латвии, как отмечалось выше, была попытка связать камни с ямками и наблюдения Луны. Слабой стороной этой версии является то, что В. Гравитис исследовал камень после перемещения мелиораторами, а значит, не была ясна первоначальная ориентация по сторонам света. В то же время заслуживает внимания факт, что на двух камнях в Латвии (около усадьб Падамбъи и Каки) вместе с многочисленными ямками есть и каналы явно искусственного происхождения. Мы уже упоминали камень Пелекиу в Литве, на нем тоже множество ямок и линии. Эти каналы не похожи на линии чисто технического предназначения, которые в прошлом использовали при раскалывании камней, возможно, они также наносились на камни одновременно с ямками.

Ученые, изучающие камни Эстонии и Финляндии, находят связь между расположением камней с ямками и сельскохозяйственными участками [Tvaugī 1997]. В последнее время эту теорию развивает и белорусский краевед А. Зайцев. Он отмечает, что в Беларуси традиция высекать ямки на камнях не связана с населением, практиковавшим присваивающую форму хозяйства, что камни с ямками отмечены только в регионах с пахотными почвами. Он также

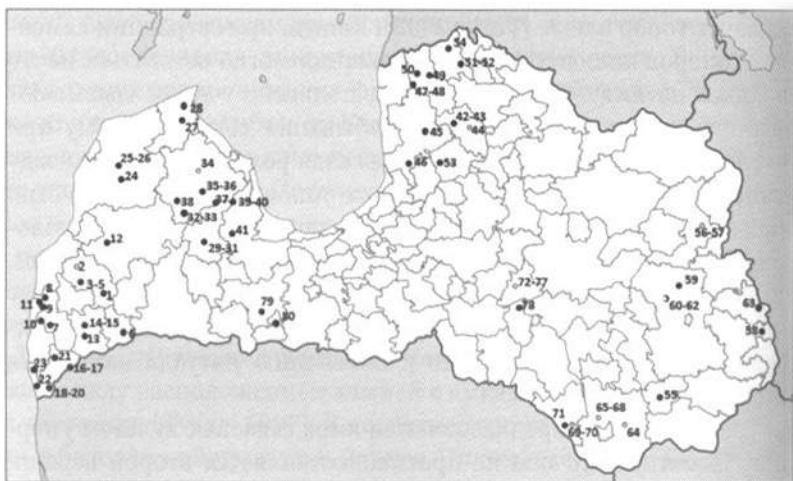
отмечает, что в целом такая же закономерность наблюдается и для территорий Латвии и Литвы [Зайцев 2015]. Надо признать, что, действительно, в Лубанской низменности, где много памятников каменного века, камни с ямками не найдены. Во введении мы уже отметили, что по нашим подсчетам значительная часть больших камней с ямками перемещены. Возможно, чтобы не мешать сельскохозяйственным работам, что тоже косвенно указывает на их связь с почвами, благоприятными для земледелия.

Возвращаясь к связи этих камней с мифологией, отметим, что в период поздней бронзы и раннего железа доминировало подсечное земледелие. В Литве замечена связь между находками камней с ямками и находками каменных топоров [Vaitkevičius 2003, 97]. Напомним, что в подсечном земледелии каменный шлифованный топор является наиважнейшим орудием труда, и заметим, что умеющий делать такие топоры, очевидно, мог без проблем изготовить даже такие тщательные, ровные и отшлифованные ямки, как на камне Давини I. Латышский археолог А. Васкс замечает, что в поселениях находят, в основном, фрагменты сломанных топоров. Целые каменные топоры находят в полях. Он предполагает маловероятным, что все эти каменные топоры были там случайно потеряны. Очевидно, существовал ритуал, требующий специально оставить топор в поле [Vasks 2002]. Кстати, при сверлении каменных топоров на подставке для сверления могло оставаться нечто похожее на ямку. В свою очередь, польские ученые связывают камни с ямками с технологией добывания огня, которому при подсечном земледелии отведена немалая роль. К тому же, между технологией изготовления каменного топора и добыванием огня много общего. Тут мы переходим к нашему робкому предположению, что, возможно, был какой-то технологический процесс, связанный с подсечным земледелием, который древнему человеку представлялся настолько важным, что переосмысление его в мифологическом плане привело к появлению ритуала нанесения ямочек на камень.

Третья версия о предназначении ямок связана с культом умерших. Заметим, что она не противопоставляется второй версии, хотя бы по той причине, что прослеживается связь между подсечным земледелием, культом огня и обрядом кремации. Мы уже отмечали, что с камнем связаны хтонические божества, во

власти которых плодородие земли, круговорот жизни и смерти в природе. Значит, эти камни могли быть связаны не только со смертью, но и с рождением. Писатель А. Гоба, рассуждая о камнях с ямками, указывает на свидетельство, что даже в сравнительно недавнем прошлом в окрестностях города Лубана на берегах притока Даугавы р. Айвиексте появление новорожденного в семье отмечали сотворением ямки на некотором камне [Goba 1995]. Нам до сих пор не удалось найти бесспорного подтверждения существованию этого обычая. Более того, как уже отмечалось, в окрестностях города Лубана не удастся обнаружить ни одного камня с ямками.

Все вышесказанное — всего лишь версии и предположения. Камни с ямками умеют хранить свои тайны. Но ясно, что в любом случае камням с ямками, так же как и другим мифологическим камням, была отведена важная роль в мировоззрении древнего человека. Они были точкой отсчета, упорядочивающей взаимоотношения древнего человека с природой, с миром сакрального, и являлись неотъемлемой частью мифического ландшафта. Таким образом, эти камни имеют не только научную, но и духовную ценность.

Ил. 16. Расположение камней с ямками в Латвии.

Номера на карте соответствуют номерам, указанным в табл. 1–6,
■ — большой камень, ● — портативный камень

Примечание. В декабре 2016 г. краеведы города Гробиня, У. Остелис и Ю. Эгле, показали найденные ими новые объекты. В 300 м от камня Падамбьи (см. табл. 1) на берегу ручейка Аллюпите, притока Аланде был обнаружен камень, имеющий 64 ямки, и неподалеку от него еще один, явно сдвинутый с поля камень с 14 ямками. Далее, на противоположном берегу долины Аланде, нашлись еще два таких камня, а на расстоянии 2,5 км от них и пятый, ранее неизвестный, ямочный камень.

ЛИТЕРАТУРА

Зайцев А. П. Итоги исследования камней с ямками в 2010–2014 годах // Таинственная Беларусь: материалы конференции (25 января 2015 г., г. Минск). Минск, 2015. С. 94–102.

Уртанс Ю. В. Культовые камни с углублениями в Латвии // Краткие сообщения Института археологии. № 190. М., 1987. С. 69–73.

Caune A. Dobumakmeņi Latvijā. Arheoloģija un etnogrāfija // XI laidiens. Rīga, 1974. L. 89–98.

Cepītis J., Jakubenoka L., Urtāns J. The history of research on Latvian cup-marked stones // Kultūras krustpunkti — 5. laidiens. Rīgā, 2011. L. 56–77.

Eniņš G. Noslēpumaino bedrīšu akmeņi // Rīgas Balss. 1994. Gada 6. Oktobrī. L. 8–9.

Goba A. Akmenim dziļas saknes. Rīgā, 1995. L. 222.

Grāvētis V. Laukakmens ar senām iecirstām zīmēm. Dabas un vēstures kalendārs 1979. Gadam. Rīga, 1978.

Grīnbergs A. Mazo bedrīšakmeņu atradumi turpinās // Vides Vēstis. № 11. 2007. L. 32–34.

Jakubenoka L. Koki un akmeņi — ar Velnu saistīti un nesaistīti // Daba un vēsture. 2006. Rīga, 2005. L. 127–134.

Lõugas V. Väikeste lohukudega kultusekivid // Eesti Loodus. № 12. 1972.

Štāls A. Senējā reliģiskā kulta pieminekļi // Latvijas Saule. 1926. № 37/38. L. 401–402.

Tvauri A. Eesti lohukivid. Arheoloogilisi uurimusi. T. 1. Tartu, 1997. L. 11–53.

Urtāns J. Arheoloģisko vietu jaunatlājumi // Arheologu pētījumi Latvijā 2014–2015. Gadā. Rīgā, 2016. L. 229–232.

Vaitkevičius V. Alkai. Baltu šventviečių studija. Vilnius, 2003. L. 319.

Vasks A. Akmens darba cirvju simbolika (Pēc Daugavas baseina materiāliem) // Latvijas arheoloģija. Pētījumi un problēmas. Latvijas vēstures muzeja raksti. № 8. Rīgā, 2002. L. 183–190.

КАМНИ С ЯМКАМИ В ЛИТВЕ

Итоги исследований 1972–2016 гг.

В. Вайткавичюс

Камни с ямками — одна из таинственных загадок нашего прошлого, феномен, который сейчас уже не существует. Именно по этой причине его характеристика и объяснение требуют серьёзных совместных усилий краеведов, археологов, исследователей религии. За более чем сорок лет научных исследований, касающихся камней с ямками, существенных открытий в Литве все еще не сделано. Данная статья посвящена представлению и обзору накопленного материала, дискуссии и некоторым обобщениям; в приложении к ней — карта и основные данные о 40 камнях с ямками на территории Литвы.

Офицер литовской армии, исследователь городищ и священных камней Пэтрас Тарасенка был первым, который отметил камень с ямками в д. Лаукагалис¹ и опубликовал его описание, фотографии с рисунком [Tarasenko 1923, 29–33]. Ему последовал краевед Балис Бурачас и учитель Антанас Клубис, которые обследовали камни в деревнях Павайгувис, Пaeжерай (Радвилишского района), Папьяунис (ил. 1), Якштайчюкай, а также помещик, любитель археологии Марионас Городецкис и абсолювент гимназии, будущий знаменитый фольклорист Йонас Балис, — последние обследовали камни с ямками в деревнях Дапкайчяй, Сяуряй и Шнипайчяй.

Благодаря краеведам: Юузасу Мицкявичюсу, Эгидиюсу Прасцявичюсу, Йонасу Трешкявичюсу, Юузасу Шлявасу и ученым: Витаутасу Даугудису, Витаутасу Урбанавичюсу, Миколасу Черняускасу число известных камней с ямками в Литве во второй половине XX в. постепенно увеличивалось; начиная с 1972 г.,

¹ Подробное описание памятника см. в Приложении к нашей статье.

хотя и без существенных результатов, в местах у этих камней был проведен ряд археологических раскопок. В 1984 г. было известно уже 18 камней такого рода: 7 сдвинутых либо увезенных со своего изначального места, 6 нетронутых и 5 уничтоженных. Археолог Бронюс Даканис впервые обобщил данные материалы, подчеркнул исключительность и гипотетичную связь камней с ямками со шлифовкой каменных изделий и (или) культом небесных тел, в особенности — с Солнцем [Dakanis 1984, 107, 109].

1. Vienas tokių akmenų yra netoli Gedmi-
^{Tauragės apskr. Sūduos val.}
 naičių dvaro ties Lapianis k. Berlyne.
 Tai nedidelis akmuo su iškaltoju Orjo-
 no (Šenpiuvio) žvaigždyno žvaigždėmis, mai-
 dang tokiu būdu . . . Padarimas eina,
 kad tuos ženklius : iškelę lenkę subtili-
 liai bigdani nuo rum iš Gedminaičių
 dvaro : Pajūnis, kur pakas įėjimą skry-

Ил. 1. Описание камня в д. Папьяунис и рисунок его ямок
 в письме А. Клумбиса, адресованного П. Тарасенке
 (1925.01.04; ВАК дело 8, лист 17v)

Позже по поводу камней с ямками в своих работах писали Рима-
 монтас Матулис [Matulis 1990, 31–33], В. Даугудис [Daugudis 1992,
 55–57] и некоторые другие исследователи. В 1996 г. автор данной
 статьи опубликовал обширный материал по камням с ямками,
 а также их каталог [Vaitkevičius 1996]. Несколько лет спустя на
 этой основе была выдвинута гипотеза о том, что в I тыс. до н. э. —
 первые века н. э. камни с ямками на территории Литвы составили
 отдельную ареальную группу восточного побережья Балтии. Кро-
 ме того, предлагался вывод, что камни с ямками во второй по-
 ловине I тыс. до н. э. появились в Западной Литве, а в первые века

н. э. их традиция была перенесена в Среднюю и Северную Литву; единичные камни с ямками в течении Немана и Нериса (Вилии) были датированы широким периодом I тыс. до н. э. [подробнее см.: Vaitkevičius 2003, 98; 2004, 28].

Такое положение до сих пор было принято в литовской историографии [ср. Bliujienė 2013, 228–229], и лишь новые данные по поводу камней с ямками на территории Литвы, представляемые в этой статье, материалы из Латвии, которые приводятся в данном сборнике, дают существенное основание возвратиться к старым и сформулировать новые вопросы о происхождении и распространении камней с ямками.

Характерной чертой ландшафта, вмещающего камни с ямками на территории Литвы, является, различным масштабом и образом выраженная их связь с водоемами, в основном с реками (Дваронис, Клебонишкяй, Павайгувис), изредка — с озерами и болотами (Мушос Тирелис, Тильже). Случаи, когда камень с ямками лежит в воде либо прямо на берегу, не зафиксированы. Наиболее характерно их расположение на ровных, постепенно понижающихся долинах рек (ил. 2). При этом довольно трудно оценить насколько эта среда — однообразные равнины — может являться результатом мелиорации второй половины XX в. Кроме того, внимания заслуживает тот факт, что камни Имбаре I и II, в отличие от Имбаре III, располагались над долиной р. Салантас, а последний камень лежал в глубоком овраге, в подножье той же возвышенности. На ярко выраженных холмах (Паежеряй (Пакруйский р-н)) и в лесных массивах камни с ямками встречаются исключительно редко (Кашучай I–III; ил. 3).

Большинство камней с ямками представляют собой красные либо синие гранитные валуны, размерами от $0,97 \times 0,98$ м (Монюнай) до $4,3 \times 5,8$ м (Пелекяй) и $4,9 \times 5,4$ м (Швендубре). Основными особенностями формы этих камней являются: плоскости, в виде стола, с ямками на верхней поверхности и ребрах камня (Кашучай II–III, Квецяй), выгнутая, в виде ядра форма камня, с ямками наверху (Даукшяй, Павирвитис I), двускатная пирамида, в виде шалаша, с ямками на верхнем канте и склонах (Гурбай, Кадарай), многогранная пирамида, иногда с отрезанной вершиной, с ямками наверху и на склонах (Жаджюнай, Мушос Тирелис, Швендубре).

*Ил. 2. Камень с ямками на поле у д. Гурбай
(фото Ж. Монтивдаса, 2013)*

*Ил. 3. Камень с ямками в Кашучайском лесу
(фото В. Вайткявичюса, 2016)*

Ямки обычно плоские и мелкие, 0,5–1 см глубиной, более ярко выраженные ямки (3–6 см глубиной) в разрезе имеют форму гиперболы. Диаметр ямок варьируется от 2,5 см (Швендубре) до 10–13 см (Гурбай, Имбаре III, Сяуряй), но в целом преобладают ямки 3–6 см в диаметре. В последние годы на камне в д. Даукшяй были открыты 4 ямки, края которых попарно пересекаются. Там же впервые в Литве зафиксированы две канавки между четырьмя ямками и три продолговатые, вытянутые ямки, размерами от 5–7 × 13 до 6–10 × 20 см.

Ровные продолговатые ямки, размерами 4,5 × 14 см, 7,5 × 13 см, 1,2–2 см глубиной, отмечены на всех трех камнях в лесу Кашучай. Они расположены вместе с ямками либо между ними и не отличаются от них глубиной.

Число ямок на камнях в Литве обычно не превышает двадцати (23 случая из 37); от 21 до 40 ямок — в 8 случаях, от 51 до 100 — в 5, также и установлен один случай, когда на поверхности камня 129 ямок (Кашучай III). Обращает на себя внимание тот факт, что на некоторых камнях ямки расположены группами, иногда они локализованы на определенных местах, например, исключительно на вершине камне (Лаукагалис), на северной (Павайгувис) либо восточной части поверхности (Клебонишкяй). Несмотря на это, каких-либо структур ямки не образуют, по крайней мере, они неопознаны, так как отличаются от представлений современной культуры и науки.

Возможно, что какое-то отношение к ямкам имеют линии — древние трещины; последние довольно часто отмечаются на поверхности камней с ямками (ил. 4). Так, на вершине камня в местности Мушос Тирелис очевидны два загадочных линейных знака.

Внимание также привлекают естественные углубления разной величины, считающиеся следами (Кадарай, Якштайчюкай I), поскольку в балтском мировоззрении существенной разницы между круглыми, также продолговатыми ямками с одной стороны, и нерегулярными углублениями на камнях с другой, не было. Ямки считались отпечатками пяток, а углубления — стоп; в обоих случаях камни являлись по существу следовиками, а предания и поверья о том, что божества в этих местах приходят на нашу Землю, либо ее покидают, выражали и подтверждали их мифологическое значение.

Ил. 4. Паежеряй (Пакруойский р-н). Вид на камень с ямками сверху
(фото В. Вайткявичюса, 2010)

И все-таки, считались ли ямки отпечатками пяток первоначально — вопрос открытый и нерешенный (для сравнения — норвежские археологи также обосновано считают ямки символическими отпечатками пастушьего посоха [Lødøen 2015, 225]). В общем, ямка — один из самых абстрактных знаков человечества за всю его историю [ср.: Malmer 1981, 75]. Это особенно ярко выражено в местностях и регионах, где ямки сопутствуют антропоморфным, зооморфным и многим другим фигурам, как в каменном, так и в бронзовом и даже в железном веке. Например, в Канозерье, в северной России, ямки в определенном контексте являются «чашевидными углублениями», «следами от лыжной палки», а в сочетании с двумя другими ямками — следами копытных [Колпаков, Шумкин 2012, 209, 238–239, 244–245].

О длительном значении камней с ямками с точки зрения религии и культуры жителей территории Литвы свидетельствуют не только поверья и предания, но и почитание либо проклятие, связанные с данными камнями. Лаукагалийский камень в южной, противоположной ямкам стороне, имеет три плоские канавы,

характерные для камней-жертвенников (ил. 5). Возле камня с ямками в д. Паежеряй (Пакруойский р-н) примерно в XVI–XVIII вв. существовало деревенское кладбище. Внимания заслуживают также исторические знаки, надписи, даты на поверхности камней с ямками, очевидно, что последние камни в свое время у деревень Апуоле и Павайгувис выполняли функцию межевых знаков (ил. 6).

Ил. 5. Лаукагалийский камень с ямками и канавами во время археологических раскопок (фото В. Урбанавичюса, 1977)

Ил. 6. Открытие камня с ямками и исторической надписью в д. Павайгувис (фото Б. Бурачаса, 1929)

Несмотря на усилия археологов, а раскопки возле камней с ямками были начаты еще в 1970-е гг., существенных материалов с точки зрения датировки и значения камней с ямками на территории Литвы до сих пор не найдено. Случайные находки каменных топоров, а также изучение культурного ландшафта на этот вопрос дают лишь приблизительные ответы, так как в основном камни с ямками располагаются на большом расстоянии от археологических памятников с установленной датировкой: поселений, городищ и погребальных памятников.

Отдельного внимания заслуживает открытие трех камней с ямками в Кашучайском лесу, сделанное в последние годы: все эти камни найдены на территории и вблизи каменной ограды со многими отдельными грудами камней. Данные памятники считаются местом древнего земледельца [см.: Bliujienė 2013, 256–263], что соответствует положению А. Тваури о связи камней с ямками с местами древнего земледелия [Tvauri 1999, 143–149]. Но археологические исследования каменных груд и раскопки среза каменного вала, вблизи камней с ямками, существенных материалов не предоставили. Из найденных углей в лабораториях Таллина и Познани получены весьма противоречивые даты: от некалиброванной 5485 ± 85 BP из-под камней вала ограды [Kanarskas 2002, 22]² и $809-486$ BC из-под каменной груды [Nemickienė и др. 2013, 574] по 1655 ± 30 BP из центральной части каменной груды³ и 1110 ± 30 BP из ее окружности⁴ [Nemickienė и др. 2014, 436; ср.: Nemickienė и др. 2012, 569]. Следует указать, что исследования в Кашучайском лесу все-таки наиболее перспективны и в определенных условиях могут предоставить ценные материалы для хронологии и определения значения камней с ямками.

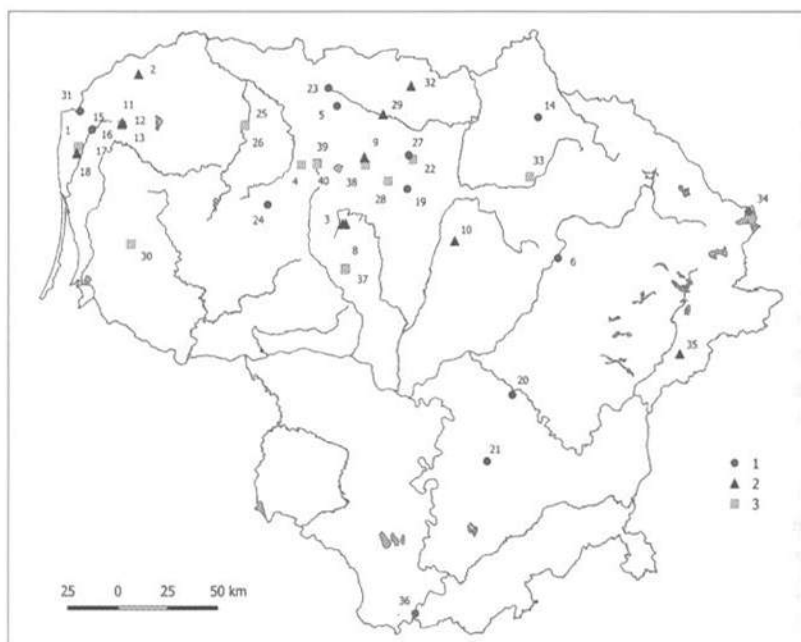
Обобщая, надо критически оценивать предположение о том, что в Средней и Северной Литве камни с ямками могли возникнуть вместе с курганными могильниками первых веков н. э., то есть позже, чем в Западной Литве [шире см.: Vaitkevičius 2003, 98; 2004, 28], поскольку памятники I тыс. до н. э. все еще являются белым пятном на археологической карте Литвы. Разумеется, если

² 4337 ± 88 BC (cal.).

³ 383 ± 32 AD (cal.).

⁴ 932 ± 34 AD (cal.).

на территории распространения камней с ямками позднее возникли курганные могильники римского периода, то это могло ввести ученых в заблуждение. Об этом свидетельствуют новые данные и карта распространения камней с ямками на территории Латвии [Серītis и др. 2011, 75]; в том случае, если бы камни с ямками в Средней Литве, низине р. Невежис, соответствовали курганам I–IV вв., они синхронно бы распространились и в Земгалии (Южной Латвии), бассейне р. Лелупе. В связи с этим, рассматривая происхождение и распространение камней с ямками как в Курземе (Западной Литве и Латвии), так и в Средней — Северной Литве, в период I тыс. до н. э., т. е. конца бронзового века — начала раннего железного века, следует считать наиболее вероятным; такое положение так же соотносится с основными выводами эстонских исследователей [Lang 2007, 244–245].

Карта 1. Камни с ямками на территории Литвы:

1 — остающиеся на своем месте, 2 — перемещенные в другую местность,
3 — уничтоженные.

(Список и нумерация соответствуют Приложению)

Вопрос о том, имеют ли ареалы распространения камней с ямками на территории Литвы прямую связь с камнями того же типа в Эстонии, все еще не решен. Учитывая белое пятно на карте камней с ямками в Земгалии (Южной Латвии), нельзя отвергнуть возможности, что два ареала — южный в Литве, с протяжением в юго-западную Латвию, и северный в Эстонии, с протяжением в северную Латвию — возникли в бронзовом веке и расширились самостоятельно. В этом случае основную роль в распространении камней с ямками могли играть контакты жителей восточного побережья Балтийского моря с островом Готланд и остальной частью Скандинавии — с территориями Швеции, Норвегии и Дании.

Приложение

Перечень камней с ямками по районам на территории Литвы

Анкштакяй (Кретингский район)

1. До 1939 г. камень с ямками лежал в 0,6 км на юг — юго-восток от могильника III–VI вв., находящегося у этой деревни, а также на север — северо-восток от курганов I тыс. до н. э. и могильника IX–XII вв., расположенных возле д. Квеций.

На поверхности камня (его размеры неизвестны) было множество ямок, но их число не установлено [Kanas 1989, 75].

Апуоле (Скуодасский район)

2. Камень с ямками лежал в 60 м от городища периода начала I тыс. — XIII в. н. э., на территории селища; в результате мелиорации был сдвинут на край поля и положен боком.

Размеры камня — $2,3 \times 2,3 \times 2,8$ м; 24 ямки расположены на боковой поверхности камня, размеры углублений — 3–9 см в диаметре и 1,2–2,5 см в глубину. Рядом с ямками на камне высечены буквы «Mt» и дата «1818» [Dakanis, Merkevičius, Zabiela 1988, 182].

Баранаучизна (Радвилишский район)

3. Камень с ямками найден среди других камней, сдвинутых мелиораторами с поля. Ныне камень установлен на боку возле краеведческого музея в местечке Шяуленай.

Согласно обследованию, проведенному автором, размеры камня — $0,7 \times 1,3$ м. На исходном месте постановка камня с плоской верхней гранью напоминала стол, высотой примерно 40 см. На плоской поверхности имеются 36 ямок в среднем 4,5–6 см в диаметре и 0,5–1 см в глубину.

Гоштелишкяй (Шяуляйский район)

4. До 1973 г. камень с ямками находился в 0,4 км на юг от р. Чяуша, на болотистом лугу; исчез в ходе мелиорации.

Размеры камня — $2,3 \times 3,6 \times 0,35-0,75$ м. На южной стороне камня было 5 ямок, диаметром 7–8 см, 1,5–3,5 см глубиной. При взгляде с противоположной стороны камня расположение ямок напоминало созвездие Большой Медведицы [Černiauskas 1974, 60].

Гурбай (Шяуляйский район)

5. Камень с ямками стоит на распаханном поле в долине речки Гирстуле; его форма напоминает палатку, поставленную вдоль направления север–юг.

Согласно обследованию, проведенному автором, размеры камня — $3,5 \times 4,05 \times 0,7-0,9$ м. 31 ямка расположена на самом верху камня, на северной стороне (края 4 ямок (2×2) пересекаются). В средней части камня — самая большая ямка величиной 10×11 см и глубиной 6 см, остальные ямки диаметром 5–6 см и глубиной 1,5–2 см.

Дапкайчяй (Расейнский район)

6. Камень с ямками описан в первой половине XX в., археологами не обследовался. Камень имел размеры — $1,3 \times 1,5$ м; 13 или 14 ямок на нем пастухи считали Чертовыми следами [VAK, д. 81, л. 48 v].

Даукияй (Радвилишский район)

7. Камень с ямками сдвинут вместе с другими камнями с поля на край дороги, расположен примерно в 1,8 км на юг от курганного могильника I–IV вв., возле д. Шаулелай.

Согласно обследованию, проведенному автором, размеры камня — $1,95 \times 2,3 \times 0,75-0,85$ м. На поверхности камня 33 ямки, 14 из них пересекаются краями либо соединены канавками (структуры такого рода достигают 17–19 см в длину). Самая маленькая ямка — 3,5 см в диаметре, 0,8–1 см в глубину, самая большая — 8,5–9 см в диаметре и 3,5 см в глубину.

Дваронис (Аникшчяйский район)

8. Камень, который называют Пунтукасом, лежит на левом берегу р. Швентойи, в Аникшчяйском бору. Порода камня — рапакиви, его размеры — $7,3 \times 7,5 \times 5,7$ м (1,3 м из них под землей). Наверху камня 5 ямок, раньше называемых Чертовыми царапинами; четыре из них диаметром 4–6 см, глубиной 1–3 см; пятая ямка — $7 \times 9,5$ см, ее глубина — 4 см.

По рассказам местных жителей, люди приносили сюда жертвы, а некий Пентикис их крал, за что и был приговорен к смертной казни (которая состоялась якобы на этом камне). В других преданиях говорится о том, что этот камень принес черт, который хотел разрушить с его помощью Аникшчяйский костел.

Возле Пунтукаса найдены некоторые кремниевые изделия, характерные для периода VIII–V тыс. до н. э., но культурного слоя вокруг них не обнаружено [Vaitkevičius 2006, 480–483].

Жаджюнай (Шяуляйский район)

9. Камень с ямками был найден среди валунов, собранных с поля, и впоследствии перевезен в музей Аушра в городе Шяуляй.

Согласно обследованию, проведенному автором, размеры этого частично разрушенного у основания камня — 1,1 м, 1,5 м, 1,15 м, 1,2 м, а высота — 1,35 м (камень полностью находится на поверхности земли). 19 или 20 ямок фиксируются на вершине камня, их размеры — 5–8 см в диаметре, 1–2,5 см в глубину [Vaitkevičius 1998, 555].

Жвирбляй (Паневежский район)

10. В 70-е гг. XX в. камень с ямками, находившийся ранее на опушке леса у д. Жвирбляй, был перевезен в местечко Еришкес и положен верхней частью вниз.

Размеры камня — 2,5 × 3,5 × 2 м. Исследователи отмечают, что на камне есть множество ямок, в которых видели отпечатки Чертовых пяток, а также две ямки, характеризующиеся как «Чертов след». Более точных данных об этих отпечатках нет. По рассказам местных жителей, около камня показывались привидения, черти обманывали местных жителей и т. д. [Šliavas 1977, 79; Vaitkevičius 1996, 17].

Имбаре (Кретингский район)

11. Первый камень с ямками найден во время мелиорации примерно в 1984 г. на селище возле Имбарского городища (I тыс. до н. э. — XIII в.). Дальнейшая судьба памятника неизвестна, однако на месте расположения камня археологом В. Даугудисом была обнаружена каменная кладка размерами 6 × 6 м и прослойка углей.

Камень был размерами 0,9 × 1 × 1,4 м; на нем имелись 65 или 75 ямок диаметром 3–6 см и глубиной 0,5–2 см [Daugudis 1984, 35; 1992, 57].

12. Автором данной статьи установлено, что второй камень с ямками приблизительно до 1985 г. лежал на поле у д. Имбаре, примерно в 0,6 км на юг от р. Алкупис, в 1 км от курганного могильника I тыс. до н. э., расположенного у д. Жвайняй, и в 1,25 км на север от городища Имбаре (на том же поле лежали камень-жертвенник и валун, называемый «каменем русалки»). Ныне этот камень с ямками размерами 0,75–1,15 × 1,75 м поставлен вертикально на краю усадьбы Юузаса Балтараса.

На поверхности камня было 55 ямок; все они в среднем 3–4 см в диаметре и 0,5–0,8 см глубиной; сгруппированы (кроме одной) у края камня. Последняя — на противоположном краю, она же и самая большая — 6 см в диаметре и 1,5 см глубиной [Kanarskas 1989, 77].

13. Автором данной статьи установлено, что третий камень с ямками, в 2012 г. поставленный у въезда в усадьбу Юстинаса Селкаукаска, ранее

находился полностью в земле в долине Варгонуписа, левого притока р. Салантас, в 0,36 км на восток от Салантаса и в 0,7 км на север от Имбарского городища.

Это камень особого вида, синеватого цвета, на нем пересекаются белые жилы кварцита. Размеры валуна — 1,1–1,6 × 2,4 м, и 9 или 11 ямок, среди которых наибольшая — размерами 10 × 13 см и глубиной 3–3,5 см; все остальные ямки 5–7 см в диаметре и 1–2 см глубиной.

Кадарай (Биржайский район)

14. Камень с ямками располагается на поле, возле усадьбы Нактиняй; его форма напоминает палатку, поставленную по направлению восток–запад.

Размеры валуна — 2–3,5 × 6,5 м, высота — 1,5 м (в восточной части камня) и 2,5 м (в западной части камня). По данным автора, на северной грани камня 2 или 3 ямки, на ребре 12 или 13 ямок. В среднем ямки 4–6 см в диаметре и 1–1,5 см глубиной (две из них большие — до 7 см в диаметре и 2,5 см глубиной). Кроме того, на южной грани отмечается углубление размерами 30 × 70 см и 3 см глубиной, называемое Чертовым следом.

На пашне вблизи камня найден каменный топор, характерный для периода бронзового века (II–I тыс. до н. э.) [Šliaivas 1977, 87].

Кашучяй (Кретингский район)

В 2012–2013 гг. три камня с ямками были найдены в Кашучяйском лесу, на территории археологического памятника, который считается местом хозяйственной деятельности (неустановленного характера) чело-века периода I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. [Nemickienė, Merkevičius, Kanarskas, Lang 2013, 572–575; Nemickienė, Merkevičius, Merkytė, Kanarskas 2014, 434–437].

15. Согласно обследованию, проведенному автором, первый камень с ямками — плоский, размерами 1,25 × 2,7 × 0,3–0,45 м. 13 ямок расположены в средней части поверхности камня, в среднем они имеют размеры 4,5 × 5 см и глубину 1 см; одна ямка продолговатая, размерами 6,5 × 14 см и глубиной 1,5 см.

16. Второй плоский камень с ямками лежит в центре древней каменной ограды, у самого ее вала, целиком в земле. Камень размерами 1,2 × 1,3 × 0,25 м. 22 ямки расположены без видимой системы; их величина — в интервале от 4 × 4,5 см до 7 × 7 см, глубина — от 0,5 см до 1,8 см. Одна из ямок на краю поверхности камня — продолговатая, 4,5 × 14 см величиной и 1,2–1,5 см глубиной.

17. Третий плоский камень с ямками имеет размеры 1,55 × 2,15 × 0,30–0,55 м, вся его поверхность, включая самые края, в ямках. Их насчитывается не менее 129.

Большинство ямок — размерами 4,5 × 4,5–6,5 × 7 см, глубиной 0,5–1 см; среди них имеются продолговатые (размерами 6,5 × 14 см и 7,5 × 13 см и глубиной 2 и 1,5 см), некоторые пары ямок соединены узкими канавками.

Квецяй (Кретингский район)

18. Камень с ямками поставлен боком возле въезда в коллективные сады в лесу Гиреле (откуда камень привезен — не установлено).

Согласно обследованию, проведенному автором, камень имеет 2,45 м в длину, не менее 1,15 м в ширину (остальная часть находится в земле); в оригинальном месте установки его напоминающая стол верхняя плоскость возвышалась на 0,3–0,4 м над землей. 10 ямок расположены на ребре камня (в среднем 4,5–5,5 см в диаметре, 0,5–1 см глубиной), остальные 5 ямок — в разных местах его плоской поверхности; самая большая ямка достигает в диаметре 6,5 см и глубины 1,5 см.

Клебонишкяй (Радвилишский район)

19. Камень с ямками лежит на правом берегу р. Даугивене, напротив городища с селищем (датируются I тыс. до н. э.) и курганного могильника (середина I тыс. н. э.), расположенного возле д. Пакальнишкяй.

Согласно обследованию, проведенному автором, размеры камня — 2,4 × 2,9 × 1,1 м. 35 ямок расположены на верхней части камня, в среднем их диаметр — 4–4,5 см, глубина — 1–1,5 см; размеры самой большой ямки — 8 × 9 см, глубина — 3 см. Еще три ямки — 7 см в диаметре и 2,5–3 см глубиной [Vaitkevičius 1996, 12–13].

Лаукагалис (Кайшядорский район)

20. Камень с ямками, иногда называемый Жертвенником и Чертовым Креслом, лежит на ровном поле в 0,47 км на восток от правого берега р. Гоманта, в 0,62 км на север от могильника XIII–XIV вв.

Размеры камня — 4,1 × 5,15 × 2,3 м. 7 ямок расположены в самой верхней части камня (на северной его стороне), в среднем их диаметр — 5 см, глубина — 2 см. В литературе отмечается некоторое сходство между «рисунком» расположения ямок и созвездием Большой Медведицы (или Ориона). С южной стороны на камне высечены три канавки (одна горизонтальная и две вертикальные); в 1977 г. археолог В. Урбанавичюс установил, что возле двух вертикальных канавок, около их окончания, в земле в неустановленный период были устроены огнища.

По рассказам местных жителей, к «Жертвеннику» люди приходили молиться, здесь приносили в жертву животных, разжигали огонь. Согласно другим рассказам, этот камень притащил черт. Некоторые же утверждают, что на Лаукагальском камне есть след, который принадлежит, по разным источникам, Богу, Езусу Крестосу, Марии или черту [Tarasenko 1923; Klimka, Vaitkevičius 1997; Kurilienė 2009, 361–364; Urbanavičius 2011, 314–315].

Мергишкес (Тракайский район)

21. Камень с ямкой лежит у леса, в 0,15 км на юг от перекрестка дорог Памишке–Моркунава и Моркунава–Геданонис.

Камень имеет размеры 1,1–1,55 × 1,95 × 0,9 м. Ямка расположена на верхушке камня, посередине. Размеры ямки — 8,5 см в диаметре, 2,2 см

глубиной. На южной грани камня расположено 25 ямок, которые напоминают естественные углубления, но с уверенностью говорить об их происхождении затруднительно [Vaitkevičius 1996, 13].

Монюнай (Пакруойский район)

22. Примерно до 1974 г. камень с ямками еще находился около жилого дома Ююзаса Балтрамеюнаса, в 0,17 км на юго-запад от впадения безымянного ручья в р. Даугивене. Дальнейшая судьба памятника неизвестна.

Камень имел размеры $0,97 \times 0,98 \times 0,26$ – $0,54$ м. На его плоской поверхности, вероятно, в последнем столетии, была выбита дырочка 2,5 см в диаметре, 3,5 см глубиной; полукругом от нее располагались 5 ямок от 2 до 7 см в диаметре, от 0,5 до 2 см глубиной [VUB, ф. 152, д. 285, л. 6].

Мушос Тирелис (Ионишкский район)

23. Камень с ямками расположен в глухом болотистом лесу, в окружении множества других валунов. Его размеры — $3,65 \times 3,65 \times 1$ – $1,3$ м. На западной грани камня, в 0,78 м выше уровня земли расположены 3 ямки диаметром 5,5 см, 6,5 см и 7 см, глубиной от 0,5 до 0,75 см; еще одна ямка находится на северной стороне, ее диаметр — 9×10 см, глубина — 1,5 см. Сверху камня высечены также два непонятных линейных знака [Vaitkevičius 2016, 89].

Павайгувис (Кельмеский район)

24. Камень с ямками находится на окраине местечка Вайгува, в долине р. Книтоюс, на распаханном поле.

Размеры камня — $1,75 \times 2,65 \times 1,1$ м. Наверху, у самого края верхней плоскости камня, расположено 6 ямок от 4 до 7,5 см в диаметре и от 0,5 до 2 см глубиной. Рядом с ямками на камне также выбит крест в виде буквы «X», дата «1789» и буквы «GSZ TB».

В 1980 г. с южной стороны камня археологом М. Черняускасом был выкопан шурф и установлено, что на глубине 35 см здесь выложена каменная кладка. По преданию, под камнем похоронен командир крестоносцев, по другой версии — сокрыты деньги [Vaitkevičius 1996, 14–15; 1998, 489–490].

Павирвитис (Тельшайский район)

25. Камень с ямками лежит в 0,35 км на запад от р. Вирвичя, на краю дороги Тришкяй–Кишяй, вероятно, был сдвинут на это место с поля (восточнее соседней д. Шаркальне находится курганный могильник II–III вв.).

Размеры камня — $2,3 \times 2,55 \times 0,36$ – $1,15$ м. 20 или 21 ямка расположены на вершине камня и на его грани, в среднем ямки 3,5–6 см в диаметре, плоские, примерно 0,4–0,6 см глубиной [Vaitkevičius 1998, 329].

26. Второй камень с ямками, расколотый на две части, в 1995 г. лежал в 0,1 км на северо-восток от первого, возле той же самой дороги. Его дальнейшая судьба неизвестна.

Размеры камня были примерно $1 \times 1,75$ м, высота — до 70 см. 8 или 9 ямок отмечены на плоской поверхности одного из осколков; второй

осколок был ниже первого и находился в положении, не позволяющем его обследовать, но и на нем можно было нащупать еще не менее 3 ямок. Все они плоские, 3,5–6 см в диаметре, до 1 см глубиной [Vaitkevičius 1998, 329–330].

Паежеряй (Пакруойский район)

27. Камень с ямками находится на площадке священной горы, называемой Копличкалнис, которая в исторические времена была превращена в деревенское кладбище. Копличкалнис изначально являлся холмом при слиянии р. Эжереле и Даугивене, но во второй половине XX в. был превращен в остров на водохранилище. В 1975 г. искатели кладов столкнули этот камень с ямками со своего места. Археолог Э. Бутенене исследовала место, где он изначально располагался, но безрезультатно.

Размеры камня — 1,9 × 2,4 × 0,4–0,7 м. Примерно 50 ямок находились на плоской поверхности камня и на его ребрах. Средняя величина ямок — 6 см в диаметре, 1,5 см глубиной (самая большая ямка — 8,5 диаметром и 2 см глубиной).

В преданиях говорится о том, что там, где лежал камень, якобы стояла и провалилась часовня; что здесь являются привидения. Когда камни еще были мягкими, черти веселились и своими пятками истоптали весь камень. Однажды во время веселья Перун ударил в камень, и все чертики на вечные времена провалились в ад.

Водой из ямок Паежерейского камня люди лечили болезни глаз [Šliavas 1974, 173–174, Vaitkevičius 1996, 14].

Паежеряй (Радвилишский район)

28. Камень с ямками на каменистом поле крестьянки Сенулене упоминался в середине XX в. Судьба памятника неизвестна.

Окружность камня, как упоминается, была 13,5 м, высота — 1,06 м; по середине камень был расколот или имел трещину. 14 ямок располагались двумя группами: 6 — в одном ряду, 8 — овалом (первые якобы оставила коленопреклоненная Мария, а последние являлись следами от ее четок). По другим данным, на камне было 20 ямок, которые делились на две группы по 10.

Согласно преданиям, под камнем были спрятаны сокровища, сам же камень являлся чудотворным. Рассказывается также, что на камне горел священный огонь, приносились жертвы, исполнялись (священные?) песни. «Камень и по сей день (в 1929 г. — *Авт.*) считается священным. Люди берут его куски и используют вместо лекарств» [LTR, д. 4901, л. 38; Tarasenko 1958, 34; Vaitkevičius 1996, 13–14].

Памушис (Пакруойский район)

29. Камень с ямками лежит на боку у въезда в одну из усадеб деревни. Был привезен сюда во второй половине XX в. Откуда — не установлено. Предполагается, что это может быть камень с ямками с поля у д. Даугалайчяй Йонишского р-на.

Согласно обследованию, проведенному автором, камень имеет 2,35 м в длину и 1,3 м в ширину (причем часть камня находится в земле), в оригинальном месте установки его верхняя горизонтальная плоскость напоминала стол, возможно, возвышаясь на 30–40 см над землей. На поверхности камня насчитывается не менее 39 ямок (остальные ямки — на подземной его части), которые расположены так близко одна к другой, что создается впечатление, что некоторые из них выбивались поверх старых. В среднем величина ямок 5–6 см, глубина — 1–1,5 см; самые меньшие диаметром 3,5–4 см и глубиной 0,5 см, а самая большая 8,5 см в диаметре и 2,5 см глубиной.

Папьяунис (Шилутский район)

30. Камень с ямками лежал недалеко от поместья Гедминайчяй (позже им владели Шяулис, затем — Медингис), в березняке. Когда он был уничтожен, точно не установлено.

На камне было 6 ямок, якобы «звезды созвездия Орион». По преданию, ямки на камне выбили повстанцы в 1831 г., когда отступали в Пруссию, они же зарыли под ним сундук с золотом. Другие рассказывали, что эти ямки выкрутил черт [VAK, д. 8, л. 17–17v].

Пелекяй (Кретингский район)

31. Камень с ямками располагается вблизи долины р. Швентойи, в 0,95 км на юго-восток от впадения в данную реку р. Кульше и в 0,48 км на юго-восток от камня-жертвенника, в 1,3 км на юг от могильника возле д. Суденай, который датируется III в. до н. э. — I в. н. э.

Камень особой треугольной формы, направлен в западную сторону; размеры его — 4,3 × 5,8 × 0,9–1,2 м. В средней части плоской поверхности имеется углубление размерами примерно 70 × 90 см и глубиной 3 см. Все ямки (их не менее 89), называемые Чертовыми следами, расположены наверху, на «южной» части камня, на участке площадью приблизительно в 1 кв. м. Большинство ямок 3,0–4,5 см в диаметре, 0,5–1 см глубиной, некоторые 5,5–6 см в диаметре, до 1 см глубиной, самая большая — 7,5 см в диаметре, 6 см глубиной.

Согласно местному преданию, по ночам на камне танцуют чертики, из-за чего люди избегали Пелекяйского камня. Учителя возле камня обычно рассказывают детям о том, что в старину здесь горел священный огонь и люди приносили жертвы [Vaitkevičius 1998, 89–91].

Стрюкай (Пакруойский район)

32. По данным Л. Вайткунене, часть разбитого камня с ямками, величиной 0,5 × 0,9 м, не так давно была найдена на поле и перевезена в частную усадьбу.

Вся поверхность камня покрыта ямками, их насчитывается не менее 50.

Сяуряй (Купишкский район)

33. Камень с ямками лежал на восток от усадьбы Смичюса (Антанавичюса), на поле, в довольно низком и болотистом месте. Его разбили мелиораторы примерно в 1976 г.

По описанию и рисунку Йонаса Балиса (1928 г.), на камне находилось 12 или 13 ямок, самая большая из которых была 10 см в диаметре и 6 см глубиной; остальные — гораздо меньше [LNB, ф. 17, д. 364, л. 1].

Тильже (Зарасайский район)

34. Камень с ямками находится в лесу в 0,45 км на северо-восток от оз. Друкши, на склоне холма.

Размеры камня — $1,25 \times 1,6 \times 0,6$ м. 3 ямки расположены в средней части плоской поверхности камня; размеры ямок — 4–6 см в диаметре, 1–1,5 см глубиной [Vaitkevičius 1996, 16–17].

Шакаляй (Швенчёнский район)

35. Камень с ямками стоит на возвышенности около дороги Люлине—Саряй, но местность, откуда он был привезен в конце XX в., не установлена.

По данным Ж. Монтвидаса, окружность камня на уровне земли — 8,5 м, его высота в нынешнем положении — 2,5 м. 12 ямок расположены на одной из поверхностей, двумя группами (7 и 5); ямки в среднем 4,5–5 см в диаметре и 0,5–1 см глубиной.

Швендубре (Варенский район)

36. Камень с ямками, называемый Чертовым камнем, находится в 0,79 км на восток от правого берега р. Неман, на ровной опушке леса; на вершине камня поставлен железный крест.

Камень имеет форму неправильного многоугольника, длина его сторон: 4,9 (восточная сторона) $\times$ 3,5 (юго-восточная сторона) $\times$ 3,2 (юго-западная сторона) $\times$ 3,1 (западная сторона) $\times$ 5,4 м (северная сторона). Высота камня — 2,2–3,15 м. От 7 до 9 ямок расположено на восточной грани камня, на уровне 1,2 м от земли. Размер ямок — 2,5–4,5 см в диаметре, глубина — до 0,8 см.

Согласно преданию, черт хотел этим камнем запрудить Неман, но запел петух, и камень черт уронил. Также рассказывают, что епископы здесь служили мессу и поэтому «с того дня все считают камень священным». При строительстве Ратницкого костела камень якобы хотели разбить, но люди отказались это делать. (Некоторые утверждают, что осколок камня все-таки заложен в фундамент Ратницкого костела.)

В окрестностях Швендубрского камня выявлены и обследованы стоянки каменного и бронзового веков [Vaitkevičius 1996, 15–16; Baltrūnas et al. 2001, 67–68].

Шнипайчяй (Расейнский район)

37. Камень с ямками описан в первой половине XX в., археологами не обследован. На поверхности камня было 9 ямок, похожих на отпечатки пятток [ВАК, д. 81, л. 47].

Шнюрайчяй (Радвилишский район)

38. Камень с ямками был найден мелиораторами и поставлен на бок в 0,5 км на северо-восток от могильника IV–VI вв., в 0,9 км на запад от городища Вантайняй (Рамуленай); кроме того, в Шнюрайчях обнаружены следы селища первых веков нашей эры. Данных о дальнейшей судьбе памятника нет.

Размеры камня — $1,4 \times 2,3 \times 0,5$ – $1,1$ м. В оригинальном месте установки камень возвышался над землей на 50–70 см. 5 ямок находились на плоскости камня, размер ямок — 5–7 см в диаметре, 0,7–2 см глубиной [Vaitkevičius 1996, 16].

Якштайчюкай (Шяуляйский район)

39. До середины XX в. камень с ямками лежал в 0,1 км на запад от усадьбы Антонины Немейкшене. В 1946 г. он был разбит.

Камень имел размеры $1,8 \times 2 \times 0,8$ м. Кроме 10–15 ямок, на камне было углубление, похожее на отпечаток правой ступни и называемое Чертовым следом. По преданию, каждый черт перед походом к людям с целью их соблазнить оставлял на камне отпечаток своей пятки. Из-за этого местные жители также называли камень Чертовым верстаком [ВАК, д. 74, л. 114–115; Buračas 1937].

40. Второй камень с ямками находился вблизи усадьбы Стасиса Линкуса. Это плоский валун, полностью погруженный в землю и разбитый на две части; на нем было больше десяти ямок разной величины.

В 1972 г. археологом В. Урбанавичюсом вокруг камня был заложен раскоп, но ни культурного слоя, ни даже единичных находок обнаружено не было. Дальнейшая судьба памятника неизвестна [Urbanavičius 2011, 177].

ЛИТЕРАТУРА

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб., 2012.

Baltrūnas V. et al. Ar tikrai Raigardas prasmego? Kompleksinių tyrimų duomenys. Vilnius, 2001.

Bliužienė A. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai // Lietuvos archeologija. T. III. Klaipėda, 2013.

Buračas B. Rado velnių varstotą // Lietuvos aidas, 1937. 10.06. (№ 453). L. 2.

Cepītis J., Jakubenoka L., Urtāns J. The history of research on Latvian cup-marked stones, Kultūras krustpunkti. Rīgā, 2011. Vol. 5. L. 56–77.

Cerniauskas M. Gaštyņų megalitinis paminklas, Mokslas ir gyvenimas. 1974. № 7. L. 60. Dakanis B. 1984. Nauja archeologinių akmenų grupė Lietuvoje // Jaunųjų istorikų darbai. T. 5. L. 106–110.

Dakanis B., Merkevičius A., Zabiela G. Skuodo rajono archeologijos paminklų žvalgymas, Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 1986 ir 1987 metais. Vilnius, 1988. P. 181–184.

Daugudis V. Imbarės akmuo // Mokslas ir gyvenimas. 1984. № 8. L. 35.

Daugudis V. Pagoniškiųjų šventyklų Lietuvoje klausimu, Iki krikščioniškosios Lietuvos kultūra. Vilnius, 1992. L. 50–77.

Kanarskas J. Kretingos raj. akmenys. Kretinga, 1989.

Kanarskas J. Kaščių aptvarų ir krūsnų žvalgomieji tyrimai // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2001 metais. Vilnius, 2002. P. 20–22.

Klimka L., Vaitkevičius V. Laukagalio apeiginis akmuo // Paparčių ir Žaslių apylinkės. Kaišiadorys, 1997. P. 343–350.

Kurilienė A. Kaišiadorių rajono archeologijos sąvadas. Kaišiadorys, 2009.

Lang V. The Bronze and Early Iron Age in Estonia // Estonian Archaeology. Vol. 3. Tartu, 2007.

Lørdøen T. K. Contextualizing cup marks: An approach for a better dating and understanding of their meaning and function // Exploitation of outfield resources — Joint Research at the University Museums of Norway. Bergen, 2015. P. 223–230.

Malmer M. P. A Chronological Study of North European Rock Art (Antikvariska serien 32) // Stockholm, 1981.

Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.

Nemickienė R., Merkevičius A., Kanarskas J. Kaščių senųjų laukų tyrimai // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2011 metais. Vilnius, 2012. P. 567–569.

Nemickienė R. et al. Kaščių senųjų laukų tyrimai // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2012 metais. Vilnius, 2013. P. 572–575.

Nemickienė R. et al. Kaščių senųjų laukų tyrimai // Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2013 metais. Vilnius, 2014. P. 434–437.

Šliavas J. Šiaurės Lietuvos lygumos [рукопись]. Žeimelis, 1974 // VUB. Ф. 152, д. 5.

Šliavas J. Lygumų legendos pasakoja [рукопись]. Žeimelis, 1977 // VUB. Ф. 152, д. 12.

Tarasenka P. Alko akmenys Trakų apskrityje // Kultūra. 1923. № 1. P. 25–34.

Tarasenka P. Pėdos akmenys. Lietuvos istoriniai akmenys. Vilnius, 1958.

Tvaauri A. Cup-marked Stones in Estonia, Folklore // Electronic Journal of Folklore. 1999. Vol. 11. P. 113–169.

Urbanavičius V. Sugrąžinta praeitis. Vilnius, 2011.

Vaitkevičius V. Akmenys su duobutėmis: sena ir nauja // Kultūros paminklai. 1996. T. III. P. 6–19.

Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Žemaitija. Vilnius, 1998.

Vaitkevičius V. Alkai. Baltų šventviečių studija. Vilnius, 2003.

Vaitkevičius V. Studies into the Balts' Sacred Places // British Archaeological Reports. International Series, 1228. Oxford, 2004.

Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Aukštaitija. Vilnius, 2006.

Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Joniškio rajonas. Šiauliai, 2016.

КУЛЬТОВЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КАМНИ НА КАРГОПОЛЬЕ

Материалы для сводного каталога источников

В. В. Шевелёв

Культ священных камней известен у многих народов и имеет универсальный характер [Барух 2013]. К настоящему времени значительное количество культовых камней выявлено также в лесной зоне Восточной Европы. Они обнаружены в Беларуси [Дучиц 1985], Литве [Tarasenko 1958; Матулис 1985; Даугудис 1988], Латвии [Цауне 1983; Уртанс 1987; Уртанс 1988], Эстонии [Tallgren 1925, 166–169; Lõugas 1972; Jaanits, Laul, Lõugas, Tõnisson 1982, 185], на Севере и Северо-Западе России [Александров 1983; Дубов 1988; Лебедев 1987; Макаров, Чернецов 1988; Мизин 2012; Формозов 1965], в Карелии [Мельников, Маслов 1992; Мельников 1998, 61–87, 106–119; Uino 1997] и Финляндии [Hautala 1965]. Неоднородность этой группы древних памятников очевидна. Они представляют собой разнообразные объекты, которые бытовали в различных культурных и хронологических контекстах. Поэтому актуальными задачами сейчас являются обобщение данных по отдельным микрорегионам и введение в научный оборот новых материалов по этой тематике.

В данной статье собраны материалы о культовых камнях Каргополья — исторической территории на юго-западе Архангельской области. Культовый характер большинства из этих объектов подтверждается преданиями и свидетельствами местных жителей, считающих их «святыми». Почитание (культовая практика) некоторых камней сохранялось до недавнего времени. Часть камней удалось обследовать; некоторые упоминаются в устной традиции и старых печатных изданиях, но не сохранились или пока не обнаружены [Шевелёв 1989; 1990; 1992; 1996; 1998; 1999; 2005;

2015; Shevelyov 1994]. На данный момент мы располагаем сведениями о 21 памятнике. В этот список включены также камни, особо отмеченные в местной фольклорной традиции (мифологические), культовый характер которых возможен, но неочевиден. Они локализируются в непосредственной близости от пяти трактов, выходящих из г. Каргополя: Ошевенского (№ 1–7), Пудожского (№ 8–10), Архангельского (№ 11–16), Няндомского (№ 17–18) и Ленинградского (№ 19–21).

1. Зажигино

Камень-следовик находится в 1 км к северо-западу от г. Каргополя. Он лежит на обочине Ошевенского тракта близ д. Зажигино (ил. 1). Это гранитный валун размерами $2 \times 2,5$ м и высотой 1,5 м, глубоко вросший в землю. На плоской вершине камня имеется восемь углублений различных очертаний. Самой крупной является ромбообразная выемка с округлыми углами. Ее размеры — $30 \times 17,5$ см, глубина на различных участках 1,5–4 см. Рядом с ней расположены три лунки неправильной овальной формы. Их размеры — $4,5 \times 6,5$; $4,5 \times 5$; $2,5 \times 3$ см, глубина — соответственно, 1,5, 2 и 2 см. Ниже по склону вершины находятся четыре углубления, напоминающие отпечатки двух стоп в обуви с каблуками, которые направлены в разные стороны. Длина «следков» 22 и 19 см, глубина 1–4 см. Вся «композиция» крайне примитивна и имеет естественное происхождение (ил. 2). Не исключено, что детали могли быть подправлены выбивкой. Об этом свидетельствуют две трудноразличимые буквы «ОШ» (Ошевенский), выбитые над ромбообразной выемкой. По преданию, на этом камне сидел св. Александр Ошевенский. В углублениях народная традиция видит отпечатки двух ног, пальцев рук и места, на которое он присел. В прошлом валун пользовался большой популярностью у богомольцев, направлявшихся в Александр-Ошевенский монастырь. Традиция его почитания сохранялась до недавнего времени. На углубления садились или ставили в них босую ногу, здесь же оставляли «по завету» пожертвования. При расчистке углублений в 1988 г. в одном из «следков» обнаружены три советские монеты 1961, 1981 и 1985 гг.

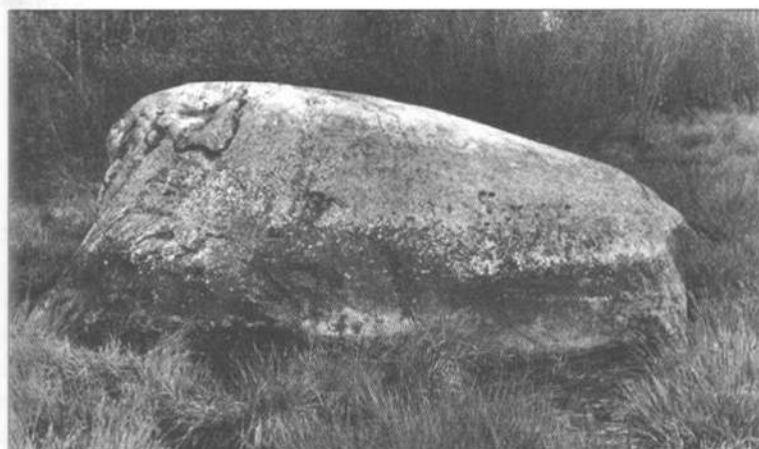
Ил. 1. Камень у д. Зажиго. Рисунок каргопольского художника В. Д. Шевелёва (1933 г. р.). 1988 г.

Ил. 2. Углубления на камне у д. Зажиго
(фото Э. Сестверка, 1989)

2. Куренина Ляга

Камень-следовик находится в 1,5 км к северу от г. Каргополя, в полях между Ошевенским и Архангельским трактами. Он лежит в болотце на берегу Курениной Ляги (небольшой водоем со стоячей водой). В прошлом в окрестностях этой ляги располагался куст деревень Саунинской округи, уже давно несуществующий. Это исполинский гранитный валун размерами 4,5 × 5 м и высотой — 1,5 м (ил. 3). На вершине камня находится естественная трещина серповидной формы, в которой скапливается дождевая вода. Ее размеры — 16 × 2,5 см, глубина — 7 см. У основания камня располагается выемка, напоминающая отпечаток стопы в обуви с каблуком и раздвоенным носком. «След» направлен вниз, в воду. Его размеры — 30 × 14 см, глубина — 1–2 см. Контур выемки довольно четкий, но его поверхность не отличается от остальной поверхности валуна. По преданию, тут проходил св. Александр Ошевенский (контаминация — Иисус Христос или какой-то святой) и предлагал местным жителям провести здесь реку, но те отказались. Тогда он ступил на камень и в гневе ударил по нему посохом. О камне известно немногим старожилам, а данных о его культовом почитании нет. Видимо, эта традиция прервалась вместе с исчезновением последних окрестных деревень.

Ил. 3. Камень у Курениной Ляги
(фото Э. Сестверка, 1989)

3. Черепаха

Камень-следовик, связанный с именем св. Александра Ошевенского, находился у часовни в д. Черепаха в 19 км к северо-западу от г. Каргополя. Он упоминается в устной фольклорной традиции. Обнаружить его пока не удалось, так как от деревни осталось лишь название урочища.

«Про первую деревню [Черепаха] существует предание, что в ней был во время своего пути в Ошевенск преп. Александр и жители прогнали его метлою, за что преподобный предсказал им жить ни серо, ни бело и, действительно, деревня производит впечатление неприглядной на вид и небогатой» [С. (Сергиевский Г. П.) 1911, 364].

«В этой Черепахе перед часовней был камень, плоский камень, гранит, и на нем был след ноги, босой ноги. Будто бы по поверью, по легенде Александр Ошевенский, когда шел в эту сторону, когда проклял свое место там: Большой Халуй и Малый Халуй (вы там знаете, около Ошевенска?), и сказал, что вы будете жить у воды, но без воды. Ну вот. А оттуда, когда двинулся в эту сторону, оставил границу: здесь кончается мой запрет, досюда токо будут ходить, приползать змеи. И змей у нас здесь никогда нет... Ну вот, так вот этот камень будто бы Александр Ошевенский оставил след как знак, что тут будет граница для его проклятия» (Л. И. Григорьев, 1904 г. р., местный) [Мороз 2009, 183].

4. Поздышево

Камень-следовик сохранился в д. Поздышево, в 25 км к северо-западу от г. Каргополя. Он лежит на обочине Ошевенского тракта, в центре деревни (ил. 4). В прошлом камень располагался у входа в часовню, которая не сохранилась, а в последнее время его неоднократно передвигали бульдозером. Это небольшой гранитный валун размерами 1,05 × 0,65 м и высотой 0,46 м. На его боковой поверхности (в первоначальном положении — на вершине) находится углубление, напоминающее отпечаток босой стопы человека с одним большим пальцем. Выемка имеет форму овала с четким контуром, вертикальными стенками и плоским дном. К широкой

части овала примыкает продолговатое углубление из двух слившихся конусообразных лунок, имитирующих большой палец. Вполне вероятно, что палец мог быть добавлен к естественной выемке позднее — для усиления сходства со стопой человека. Размеры «следа» вместе с пальцем — 33×13 см, глубина — 3,5–4 см. След приписывается св. Александру Ошевенскому и до сих пор почитается жителями окрестных деревень. Воду из углубления собирали и использовали для лечения глазных и других болезней, босую стопу ставили в выемку или «по завету» оставляли в ней пожертвования. В настоящее время этот камень стал самым известным объектом паломничества и туризма. Его фотографии появляются даже на страницах официальной церковной прессы [Музыкина 2004, 5].

Объектом поклонения служит также родниковый источник, расположенный в 300 м к западу от камня — в низине у оз. Александровского, где, по преданию, святой заночевал. Родниковая вода считается святой и используется в лечебных целях. Рядом с источником стоит деревянный крест, к которому приносят «по завету» одежду, обувь, полотенца, конфеты и деньги.

Ил. 4. Камень в д. Поздышево
(фото Э. Сестверка, 1989)

«В дер. Поздышеве у часовни лежит камень с довольно заметным отпечатком следа человеческой ноги. Предание приписывает этот след преподобному Александру, и путники усталые и больные ногами становятся босою ногою в этот след с верою в целебную силу его» [С. (Сергиевский Г. П.?) 1911, 364].

«Проходил якобы вблизи Поздышева Александр Ошевенский... Как будто бы хотел поставить монастырь на горбыше вблизи огромного родника и озера. Но, гласит легенда, крестьяне прогнали старца. А на этом месте поставили небольшую часовню — крест. Родник был огорожен, положены бревна и сделана площадка, чтобы брать воду. Она считалась святой. Озеро и родник зовутся александровскими. А когда заходил Александр Ошевенский в Поздышево, рассказывали старики, поднявшись в гору от озера, отдыхал на камне и оставил на нем свой след. На том месте стояла красивая часовня. Теперь ее нет, но камень с человеческим следом остался» [Белухин 1988].

«Там, в Поздышеве, тут это где вот Колька Захаров живет, дак против их... камень. Он теперь уже не на том мести, вот сдвинули маленько — ну, там, видно, человеческая настоящая нога. Вот шел [св. Александр Ошевенский], и ступил на это, и сказал: “Вы живите ни серо, ни бело!”» (А. Ф. Захарова, 1929 г. р., д. Поздышево) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 229].

«Ну во, этот камень лежал тут — он просто наступил при всех тут, этот след продавил камень и ушел» (Н. В. Захаров, д. Поздышево) [Мороз 2002, 107].

5. Палашалга

Необычный камень, напоминающий по форме коня, на котором, по преданию, сидел св. Александр Ошевенский, известен около бывшей д. Палашалга, близ с. Река на р. Чурьеге [Мороз 2009, 169, 171–172, 243–244]. Объект пока не найден.

«Конь-камень. Это за Палашалгой. Есть такой Конь-камень. А вот он что-то похожее на голову коня, на перед коня. Но почему его так называли... Похоже напоминает» (Ю. И. Пятунин, 1934 г. р., д. Наволок в с. Река) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 58].

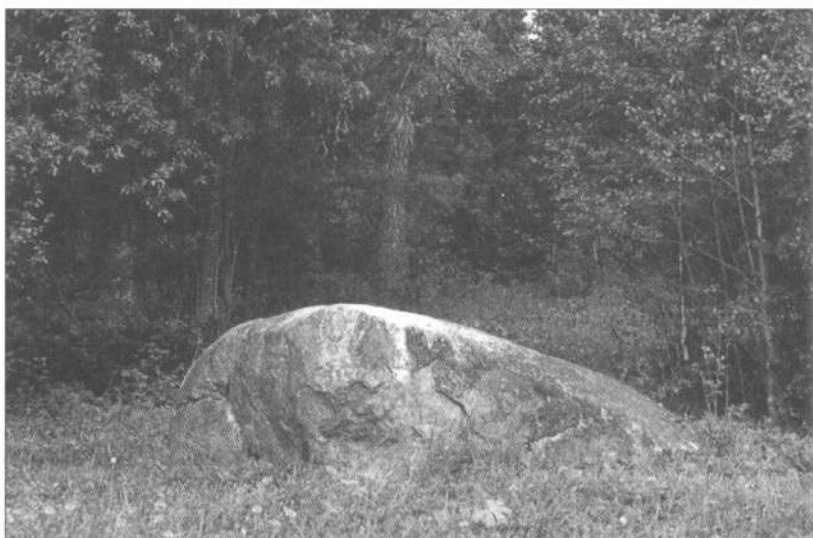
«Конь-камень был для нас Конем-камнем, когда мы вот такие [маленькие] были. А когда я давно, уже лет десять назад была, его уже почти не видно, он зарос весь...» (Т. И. Левченко, 1934 г. р., д. Колпаково в с. Река) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 58].

6. Ошевенск (Святая роща)

Камень-следовик находится в 50 км к северо-западу от г. Каргополя у с. Ошевенск (куст деревень в среднем течении р. Чурьегы, впадающей в р. Кену; Ошевенская волость). Он лежит в реликтовом сосновом бору, называемом Святой рощей, примерно в 300 м к югу от Александро-Ошевенского монастыря (ил. 5). Это большой гранитный валун размерами 3,3 × 3,5 м и высотой 1,3 м (ил. 6). По рассказам старожилов, на вершине камня находилось овальное углубление в виде человеческого следа, «как от валенка». По преданию, след оставлен основателем монастыря св. Александром Ошевенским. В настоящее время поверхность камня сильно выкрошилась, так как «след» в советское время пытались уничтожить и разводили на нем большие костры. Большие молебны устраивались в роще в мае в день св. Николая (Никола вешний) и на праздник Богомолье в честь св. Александра Ошевенского, отмечаемый в первое воскресенье Петрова поста.

Ил. 5. Святая роща в Ошевенске. Картина ошевенского художника-наивиста Б. П. Березина (1923–1996). ДВП, масло, 61 × 100,5 см. 1978 [Фокин 2006, 48 и 68]

*Ил. 6. Камень в Святой роще близ Александро-Ошевенского монастыря
(фото В. В. Шевелёва, 1997)*

До закрытия монастыря в этот день туда совершались крестные ходы из Каргополя. Больные наступали босыми ногами на «след», полагая, что он исцеляет болезни ног. Рядом расположено небольшое оз. Святое, вода которого считалась целебной. В нем купались и бросали туда «по завету» монеты. Рядом располагалась часовня Преподобного Александра, на месте которой теперь установлено три деревянных поклонных креста (ил. 7). К ним приносят «по завету» одежду, обувь, деньги, а во время эпизоотий — отрубленные куриные головы. Крест, видимо, ассоциировался с антропоморфным образом: платки привязывали к верхней части креста (от головной боли), передники (от боли в спине) — к средней, ботинки оставляли у основания креста (от болезни ног) [Макаров, Чернецов 1988, 86]. Сакральное пространство близ монастыря маркируют также топоним «Велесово поле», карстовая воронка и поклонные кресты на р. Халуй [Шевелёв 1992, 44; Shevelyov 1994, 119], культовый комплекс в урочище Валдово (см. № 7). В настоящее время камень стал популярным объектом туризма, включенным в маршруты по Каргополью. Углубление на его вершине заполнено современными монетами.

«В общем, есть такой праздник — Богомолье; в Ошевенске... под первым мостом, недалеко, лужа такая, старая лужа, болотистая. К ней приходят в этот праздник грехи замаливать. Не... несут с собой монет разных, мелочь, кидают в эту лужу монеты, и где у тебя болит что-то, например, ноги болят, руки болят, голова болит постоянно что-то, — моют святой водой. Помылись, монетку кинули, там тем более что лучше, и пошли; там есть поляна такая небольшая, и там камень есть, большой такой камень, там есть след, отпечаток [ноги], — и раздевают обувь, левой ногой в этот отпечаток [наступают]... Вот это считается, что грехи замолил, как... смысл грехи в этой луже» (А. А. Сметанин, 1981 г. р., с. Озёрко) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 137–138].

7. Ошевенск (Валдово)

Второй камень-следовик находится в 2 км к северу от Александр-Ошевенского монастыря. Он находится в урочище Валдово, на берегу небольшого оз. Валдавинского, где раньше стояла часовня Божьей Матери Всех Скорбящих Радость. Камень представляет собой расколотую пополам обтесанную гранитную плиту прямоугольной формы размерами 1,2 × 0,8 м и толщиной 0,16 м, лежавшую на паперти этой часовни. Сбоку на камне выбито число «1876» — год строительства часовни, когда камень-следовик был обтесан (ил. 8). Посередине находится углубление овальной формы размерами 32 × 13 см, глубиной 1–3 см, которое считается следом Богородицы (контаминация — св. Александра Ошевенского).

Ил. 7. Поклонные кресты
в Святой роще в Ошевенске
(фото В. В. Шевелёва, 1997)

Ил. 8. Камень
со «следом» Богородицы
в урочище Валдово (Ошевенск)
(фото В. В. Шевелёва, 2016)

На месте часовни установлены два деревянных поклонных креста, рядом с которыми стояло святое дерево (не сохранилось) — две сосны, растущие из одного корня [Макаров, Чернецов 1988, ил. 2 и 3]. Большие моления здесь проводились в Вербное воскресенье и на Валдовинский праздник («Валдовка»), посвященный иконе Божьей Матери Всех Скорбящих Радость, который отмечался в воскресенье за неделю до Троицы (сообщение Л. П. Третьяковой, 1953 г. р., д. Низ в Ошевенске). Больные разувались и становились босыми ногами на «след», купались в озере, к крестам и сосне привязывали «по завету» части одежды, полотенца, в озеро и дупло одной из сосен бросали монеты.

«А часовенку тожо кто ставил, я не знаю, и когда ставили. А когда ставили, к озёрышку ходили рыбаки, рыбу ловили и икону увидели на дереве. Что там как бы Божья Мать пришла. И вот была икона, и в честь этой иконы была поставлена часовенка. Туда старушки ходят, молятся... Два креста поставлено, дак кое-кто привешивают разные тряпки... платки, полотенца... Завещанья... завещанья делают, как приболеют, что дак завет какой-то кладут: туда сходить, или в озёрышке там покупаться... А есть такой праздник, у нас Валдовинский праздник, дак в этот... много ходило туда, всё купались» (В. В. Босых, 1938 г. р., д. Ширияха в Ошевенске) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 58].

8. Софоново

Камень-следовик находился на территории д. Софоново в 10 км к юго-западу от г. Каргополя, в полях между Пудожским и Ленинградским трактами. Камень не сохранился, так как место бывшей деревни в настоящее время распаханно. По свидетельству старожилов — уроженцев деревни (сообщение А. А. Зайкова, д. Ловзанга), это был небольшой гранитный валун, на вершине которого имелось углубление в виде отпечатка босой стопы человека. Камень находился под часовней св. Макария Желтоводского, и след на нем приписывался этому святому. Для доступа к реликвии в полу часовни было сделано отверстие. Согласно легенде, записанной в начале XX в., св. Макарий Желтоводский, проходя по северным землям по пути на Соловки, присел отдохнуть на камне в д. Софоново, но местные крестьяне прогнали его:

«Дело, вероятно, было в жаркую погоду, т. к. преподобный попросил попить воды у крестьянина Черныша, изба которого находилась против камня, на котором сидел преподобный Макарий. Черныш же... начал всячески ругать его... Наконец, с некоторыми из своих соседей, решил выгнать его за деревню. Святой, вздохнувши, пошел, но на прощанье сказал мужикам: «Видя нужду вашу, хотел просить я у Господа, чтобы Он повелел быть в деревне вашей источнику водному... но будете жить ни серо, ни бело...» По крайней мере, в деревне Софоново до сих пор есть крестьянин с древним прозвищем Чернышев, и среди этой деревни есть часовня во имя св. Макария Желтоводского, под которой будто бы находится и тот камень, на котором сидел преподобный» [И. Р. (Рудометов И. И.) 1913, 7–8; Рудометов 1919, 11].

9. Красная Ляга

Камень-следовик находится в 20 км к западу от Каргополя, между бывшими деревнями Шейна и Зенково (сообщение М. П. Башмакова, 1898 г. р., г. Каргополь). В настоящее время здесь сохранилась лишь деревянная шатровая церковь Сретения Господня и Михаила Архангела XVII в. Он лежит на склоне карстовой воронки, в которой раньше находилось небольшое озеро — Красная Ляга (ил. 9). Это гранитный валун размерами $2,5 \times 1,7$ м и высотой около 0,7 м. На восточной стороне камня имеется овальное углубление естественного происхождения размерами 20×8 см и глубиной 4,5 см. Углубление считается отпечатком стопы св. Александра Ошевенского, который будто бы проходил здесь и ступил на камень. По поверью, «след» обладал чудесной способностью исцелять болезни ног. Больные ставили в него босую ногу. О длительности подобной практики свидетельствует залощенная поверхность углубления на месте пятки.

«Вот камень такой, на камне след. Человеческий след. На Красной Ляге. Говорили, какой-то святой шел, ступил на камень» (Е. В. Раскова, 1925 г. р., с. Печниково) [Трофимов 1999, 49].

«Говорят Александр Ошевенский шел... Дак не знаю, каким путем шел, по нашей деревне, наверно, шел и ступил на камень, что след оставил [в с. Красная Ляга] и пошел потом от нас к Поздышеву, в Поздышеве хотел остановиться. Говорят, его не пустили

в Поздышево, и вот он так сказал, что живите вы ни серо, ни бело — ну, в Поздышеве всегда худо жили — и ушел в Ошевенск» (А. И. Попова, 1926 г. р., с. Печниково) [Трофимов 1999, 49].

*Ил. 9. Камень в Красной Ляге
(фото Э. Сестверка, 1989)*

10. Мартыново

Культовый камень, известный в устной традиции как Николин камень, находится вблизи северного побережья оз. Лекшмозеро, в 75 км к северо-западу от г. Каргополя. Он расположен в 1 км к северо-западу от д. Мартыново рядом с проселочной дорогой, ведущей в бывшую Аглимозерскую пустынь св. Николая. Он лежит на склоне оврага в русле пересыхающего ручья, в местности под названием Пашин колодец. Это большой гранитный валун размерами $4,9 \times 3,6$ м и высотой 1,45 м. Вершина камня имеет вогнутую поверхность. В центре ее находится естественная впадина подтреугольной формы размерами $1 \times 1,9$ м, в которой скапливается дождевая вода (ил. 10). Избыток воды стекает по ложбинке с северо-западной стороны валуна. На юго-восточной стороне его есть три естественных уступа, по которым удобно подниматься на

вершину камня. Валун до сих пор почитается местными жителями, а в последнее время он стал популярным объектом туризма, так как располагается на территории Кенозерского национального парка. Выемка с водой считается «божьим даром Николы угодника» и является объектом культа. К ней поднимаются по уступам на юго-восточной стороне камня, умываются святой водой и оставляют «по завету» денежные пожертвования. При обследовании камня в 1988 г. в углублении найдена советская монета 1974 г.

«Сообщаю, что у нас в Лекшмозере, в километре от д. Мартыново, лежит огромный камень. В длину он метра четыре, в ширину — три. На камне выбиты ступеньки. По ним поднимаются на верхушку валуна, чтобы умыться водой, которая здесь никогда не пересыхает. Когда-то считалось, что это божий дар Николы Угодника. Жива эта легенда и сейчас» [Подгорних 1988].

«След на том камне, и там всегда вода. Да, туда ходили тоже: считается как бы, значит, местом... таким, предотвращающим от невзгод» (М. А. Виноградова, 1927 г. р., д. Калинино в Лекшмозере) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 156].

Ил. 10. Камень у д. Мартыново на Лекшмозере
(фото В. В. Шевелёва, 2005)

11. Усачёво

В с. Усачёво (группа деревень Устьвольской волости в 30 км к северу от г. Каргополя, в районе впадения р. Волошки в р. Онегу) находился старый каменный крест (камень крестообразной формы?), концы которого «обгрызли богомольцы». Реликвия сохранилась в часовне св. Николая, располагавшейся в д. Ореховской на левом берегу р. Онеги. Местоположение бывшей часовни зафиксировано, но о судьбе креста ничего не известно (А. А. Усачев, 1957 г. р., уроженец д. Ореховской в с. Усачево). О ее появлении здесь повествуется в местной легенде, записанной в 1909 г.:

«Часовня эта первоначально была не здесь: она стояла недалеко от верховьев Воложки... в лесу. Но потом она сама передвинулась по лесу к Воложке. Путь ее к реке и до сих пор заметен, в нем, как на просеке, не растет крупный лес. По р. Воложке часовня в целом виде спустилась вниз на 70 верст к устью речки и, поднявшись на версту вверх по р. Онеге, пристала к берегу у самой д. Антиповской. Но антиповцы с ругательствами оттолкнули от берега святыню... Тогда из часовни раздался грозный голос: "Живите же вы ни серо, ни бело!" И часовня поплыла прямо через реку к д. Ореховской. Ореховцы с радостью встретили часовню Угодника Николая, подняли ее на высокий берег Онеги, украсили ее и особенно почитали и ныне почитают св. Николая, видя в нем своего покровителя и помощника... Святынею Ореховской часовни, кроме древней иконы Св. Николая... является каменный неособенно большой крест. Крест этот четырехконечный и совершенно гладкий, без надписей. Концы его обгрызены богомольцами, страдающими болью зубов» [Шайжин 1909, 289].

12. Юлинская

В с. Волосово (группа деревень Волосовской волости в 44 км к северу от г. Каргополя) сохранился Николин камень. Он находится на правом берегу реки Онеги на распаханном поле близ д. Юлинской, в 200 м от берега. Это округлый гранитный валун овальной формы размерами — 2,5 × 1,5 м и высотой 0,7 м. По свидетельству каргопольского краеведа Н. Ф. Аннина (1945–2006), уроженца д. Юлинской, с ним связывается предание о Николе

Угоднике. Согласно легенде, святой пролетал здесь в поисках места для храма и присел отдохнуть на этом камне. Но так как тут его облаяли собаки, он перелетел на другой берег р. Онеги в д. Петуховскую (Погост), где до недавнего времени сохранялась деревянная Никольская церковь XVII в. В 500 м от камня на Семёновом ручье находится святой источник, рядом с которым раньше стояла часовня. Вода считалась целебной. Сакральный характер этой местности подчеркивает также топоним «Никольские горы» и особое отношение к ней местных жителей:

«Юлинская — святая деревня считалась. Кто там побывает, сорок грехов снимает. Или даже все грехи снимает» (З. В. Гаровская) [Тормосова 2011, 189].

13. Бабкино

В часовне Св. Николая в бывшей д. Бабкино (группа деревень Архангельской волости на правом берегу р. Онеги, в 60 км к северу от г. Каргополя) объектом почитания был камень крестообразной формы (ср. № 11: Усачево). Не обнаружен. По преданию на нем приплыла икона Св. Николая Чудотворца, под которой он и сохранялся:

«В часовню перед праздниками многие больные ходят, по обещанию молиться Чудотворцу на ночь и грызут камень, на коем приплыла икона, получая по вере облегчение» [Моисеев 1899, № 60].

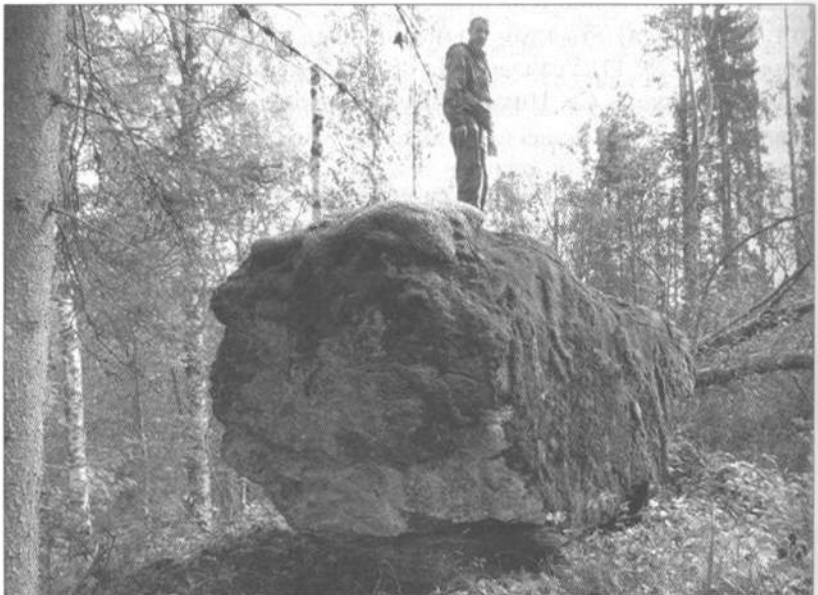
14. Мухомориха

В часовне Св. Ильи в бывшей д. Мухомориха (недалеко от д. Бабкино; точное местоположение пока не установлено) объектом поклонения была белая известняковая плита, на которой приплыла икона Пророка Ильи:

«Хранящийся поныне в часовне камень, на котором будто бы приплыла икона, богомольцы грызут от зубной боли» [Моисеев 1899, № 60].

15. Щелье

В районе с. Троица (группа деревень Троицкой волости в 60 км к северу от г. Каргополя) находится валун, известный в народе под названием Конь-камень. Он расположен на левом берегу р. Чурьеги, впадающей в р. Кену, примерно в 3 км к северо-западу от бывшей д. Щелье. Это исполинский гранитный валун размерами 5×3 м и высотой 2,7 м, лежащий на высоком крутом берегу реки (ил. 11). Он действительно напоминает туловище животного с округлой и приподнятой над землей грудью. Обойдя вокруг и оценив его форму и внушительный размер, невольно отмечаешь также определенное сходство камня с английским танком времен Первой мировой войны и иностранной интервенции на Севере (личное впечатление). Неподалеку (примерно в 150 м) стоит еще один камень-великан в форме пирамиды размерами $4 \times 3,5$ м и высотой около 3 м, а также три больших валуна меньшего размера.

*Ил. 11. Конь-камень около д. Щелье
(фото А. М. Грязова, 2016)*

Раньше в здешних местах располагались выпасы для скота. Табуны лошадей сгоняли сюда со всех окрестных деревень — Шолтомы, Чурьеги, Ютьеги и Тимоховской. Пастухами были обычно мальчики-подростки. В местном предании, которое передается уже «не менее 200 лет», объясняется происхождение названия камня (Н. А. Куйкин, 1950 г. р., уроженец д. Куйкино). Будто бы пастухи искали пропавший табун и увидели вдали, в перелеске на берегу р. Чурьеги, пятно, напоминающее фигуру лошади. Оказалось, что это большой валун, который с тех пор и стали называть Конем-камнем.

16. Конёво

На левом берегу р. Онеги, напротив с. Конёво в 90 км к северу от г. Каргополя (Плесецкий р-н Архангельской обл.), находится исполинский валун под названием Конь-камень, с которым связано предание о конце мира. Это гранитный камень седловидной формы без видимых следов искусственной обработки размерами 6 × 4,5 м и высотой 2,5 м. Если смотреть с севера, то он действительно напоминает фигуру животного (ил. 12). Согласно преданию, опубликованному в 1899 г., «...в народе ведется слух, что под конец века (при светопреставлении) в означенной местности будет кровопролитная битва и война такая сильная, что р. Ектыша, впадающая в р. Онегу, от крови будет яко огненная, а убитые тела поплывут в крови, как головеньки» [Моисеев 1899, № 77]. Устная традиция, восходящая к этому «слуху», сохранилась до настоящего времени. Камень хорошо известен в окрестностях Конева, о «каменном коне» или «окаменелом всаднике» слышали многие жители Каргопольского и Плесецкого р-нов [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 55–57].

По воспоминаниям И. И. Березина (1904 г. р., уроженца д. Надконецкая), даже при советской власти местное население (старообрядцы) верило, что предсказание сбывается и конец света приближается: Вселенная уже вся опутана проволоками (линии электропередачи), по ней скачут стальные кони и давят людей (танки и тракторы), железные птицы летают и клюют людей (самолеты), змеи шипят в каждом углу (радиорепродукторы),

люди огнем дышат (курят), деревни без дыма горят (укрупнение деревень при коллективизации). Перед решающей битвой с воинством Антихриста камень будто бы оживет и превратится в коня, на котором поскачет пророк Илья (контаминация — Архангел Михаил или Иисус Христос) и затрубит в золотой рог, созывая оставшихся в живых людей на «страшный суд Господний» [Березин 1979].

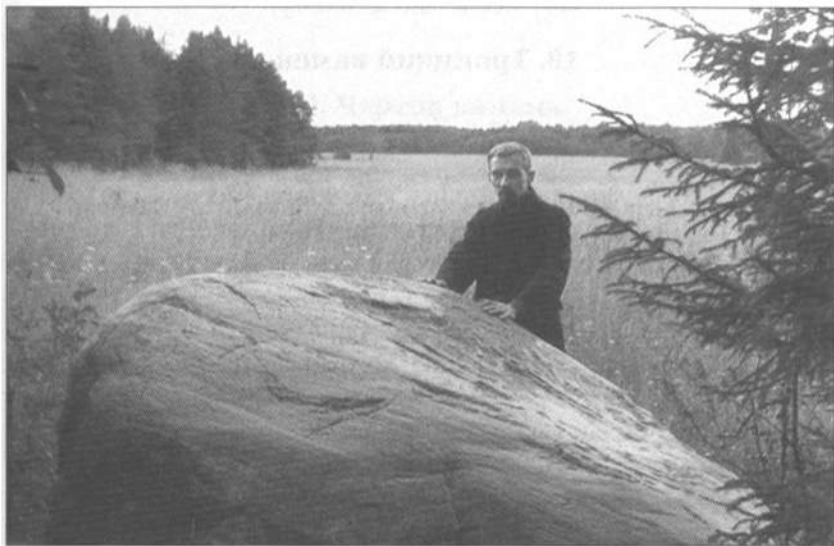
Бывавшие у камня паломники, приложив к нему ухо, вслушались, не дышит ли уже конь. В настоящее время на вершине камня нередко разводят костры, однако следы какой-либо культовой практики не прослеживаются. Очевидно, что источником легенды послужили эсхатологические пророчества каргопольских странников-бегунов — одной из беспоповских ветвей старообрядчества, распространившейся в верховьях р. Онеги с середины XIX в. Однако стоит отметить также и определенное сходство Конь-каменя с зооморфными сейдами древних саамов. Не исключено, что первоначально он мог быть связан с более ранним, дославянским, пластом верований.

Ил. 12. Конь-камень около с. Конёво
(фото Э. Сестверка, 1990)

17. Ильинский камень

В 6 км к востоку от г. Каргополя, близ бывших деревень Гусево и Глазово, находится так называемый Ильинский камень. Есть неподалеку и деревня с примечательным названием Ильинская (на левом берегу р. Онеги). Это большой гранитный валун размерами $2 \times 2,6 \times 1,25$ м. На вершине камня имеются ледниковые «шрамы» — естественные параллельные углубления-царапины глубиной около 1,5 см (ил. 13). По преданию, здесь когда-то проезжал в своей колеснице Илья-пророк, который метнул в камень три молнии-стрелы. По свидетельству краеведа Ю. Н. Турандина (1947–2015), углубления на камне считались следами этих стрел. Следов какой-либо культовой практики у камня не выявлено, что находит вероятное объяснение в распространенном повсеместно у славян веровании: Илья-пророк громом метит в дьявола (черта), который ускользает от него и прячется в воду, под дерево и под камень. Поэтому место удара молнии считается опасным, так как там водится нечистая сила [Толстой 1995].

Ил. 13. Ильинский камень около деревень Глазово и Гусево
(фото В. В. Шевелёва, 1999)

Поверья о «громовых стрелах» Ильи-пророка сохранялись на Каргополье еще в конце XIX — начале XX в. Громовыми стрелами здесь традиционно считались орудия каменного века, топоры и наконечники стрел:

«На Кенозере, где часто находят орудия каменного века, как на берегу озера, так и в полях — эти каменные орудия считают за громовые стрелы: их хранят, как “Божью милость”, и хранение их дает счастье дому. В случае колотья в боках их обливают водой и эту воду дают пить больному. Громовые стрелы кладут также в репное семя, чтобы оно не портилось» [Шайжин 1909, 203].

«Именно, когда крестьянин, нашедший этот наконечник, был еще молод и ему приходилось жениться, то он, следуя господствующему здесь обычаю, должен был положить наконечник в сапог под пятку и в таком только виде идти с невестой под венец: по господствующему поверью, “громовая стрела” или наконечник служит в этом случае столько же предохранением от несчастий в браке, сколько и залогом для счастья» [Поляков 1882, 33–34].

18. Троицкий камень

В 4 км к юго-востоку от г. Каргополя находится так называемый Троицкий камень. Он расположен на опушке леса примерно в 300 м к юго-западу от бывшей д. Сибирь (Тобольское), основанной, по преданию, переселенцами из Сибири. Это гранитный валун, заросший мхом, на вершине которого растут три березы из одного корня (ил. 14). Его размеры примерно — 1,6 × 1,6 м, высота около 0,7 м. У основания камня всегда находится вода.

По местному преданию, сколько эти деревья ни рубят, они вырастают снова. По словам краеведа Ю. Н. Турандина, уроженца этих мест (Большешальская волость), в прошлом здесь было оживленное место на пересечении троп к рыболовным, ягодным и сенокосным угодьям. Был обычай ломать тут на Троицу березовые ветки. В д. Сибирь находился еще один почитаемый объект — святая сосна-вековуха причудливой формы (ныне засохшая и упавшая), к которой привязывали «заветы».

Ил. 14. Троицкий камень около д. Сибирь
(фото В. В. Шевелёва, 1994)

19. Чертов камень

По свидетельству каргопольского краеведа Ю. Н. Турандина, в Тихманьге находится плоский камень с глубокими углублениями в виде копытцев. Он известен под названием Чертов камень, так как «на нем черти плясали». Люди верующие туда опасались ходить, так как там водится «нечистая сила» (ср. № 16: Ильинский камень). Камень располагался на правом берегу р. Тихманьги в урочище Камешник, примерно в 300 м от старого моста. Отыскать его пока не удалось.

«У нас камень... этот — вот я сама находила в этот... назывался камешник. Там, на камне, всех зверей и человеческие следы вот... Как придем — вот теперь я его не нахожу — а был вот такой большой камень, и на этом и медведя, и зайца, и кошки, и все... Мы вот распределим: аха! Этот заячий, этот кошачий, этот волка... и человеческа

нога была. А теперь где этот камень — не знаю. Но было. А у нас там метров сколько... триста, в поли... Камешник — все камней много, очень» (А. И. Редькина, 1928 г. р., в Тихманьгу приезжает на лето) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 60].

20. Камень Пёсья Лапа

Камень с выемкой в виде большого собачьего следа находится в Тихманьге, на правом берегу р. Тихманьги. Он расположен в 100 м к юго-западу от моста, на склоне сухой старицы р. Тихманьги. Это гранитный валун размерами $2,5 \times 2 \times 1,1$ м (ил. 15). На вершине имеется естественное углубление размерами 23×15 см и глубиной 4–6 см, действительно напоминающее след животного. В Каргополе и иных местах передают легенду о проезжавшей в здешних местах императрице Екатерине Великой. В Тихманьге на нее напали разбойники, похитили сокровища и спрятали их под большой камень Пёсья Лапа, ибо есть там отпечаток собачьей лапы. Сокровища до сих пор там лежат, но сдвинуть камень невозможно, так как врос он землю «глыбоко-глыбоко» [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 21–23; Решетников, Шевелёв 2015, 52–53]. Камень упоминается в фольклорной традиции, но следы какой-либо культовой практики не отмечаются.

Ил. 15. Камень Пёсья Лапа в Тихманьге
(фото В. В. Шевелёва, 2016)

«Камень есть один... Пёсья Лапа называется камень... Пёсья Лапа — на ней, короче, отпечаток собачьей лапы» (В. В. Климов, 1957 г. р., д. Тирюшино в Тихманьге) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 58–59].

«Значит, этот камень здоровый, здоровый, здоровый такой, и на нем отпечаток собачьей лапы вот такой — чух! Его называют Пёсья Лапа, этот камень. Пёсья, пёс... пёс наступил. Это еще когда было, камни мягкие были...» (В. В. Климов, 1967 г. р., д. Тирюшино в Тихманьге) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 84–86].

21. Данилово

Недалеко от д. Данилово, Кречетовского сельсовета, в лесу, на небольшом возвышении, имеется канава, рядом с которой лежит большой камень. Над канавой ранее стояла часовня, по канаве прогоняли скот и кропили его. Туда и по сей день приносят «по завету» продукты и деньги и кладут их на камень [Мороз 2002, 96].

«У нас вот часовенка раньше была, дак на Ильинской пятнице в часовенку только ходили... Завет какой надо скласть... ну кому какой завет надо: на скотину ли, на себя ли, — дак вот в эту часовенку и ходим. Там снесут хлебушка, пирогов каких-нибудь, да денежек снесешь, а там, где-ка часовенка-то была, там камень большой у нас, специальный такой ести, так мы на этот камень, как на престол, сположим да...» (Л. К. Шубникова, 1930 г. р., д. Данилово. 1996 г.) [Каргополье: фольклорный путеводитель 2009, 165].

Местоположение часовни локализовано с помощью местных жителей (В. Л. Тедеев, 1953 г. р., д. Лохово). Она находится в 0,5 км к югу от деревни на вершине песчаного ледникового оза, окруженного заболоченной низиной. Через возвышение прорыта канава длиной около 8, глубиной 2 и шириной 1,4–1,5 м, стенки которой укреплены снизу кладкой из гранитных булыжников. По краям канавы располагаются четыре больших гранитных валуна, служивших основанием сруба часовни. На западном склоне возвышения, в 2,5 м от канавы, лежит плоская необработанная гранитная плита темного цвета, возможно, служившая ступенькой при входе в часовню. Размеры камня — 0,9 × 0,9 м, толщина 0,25 м.

В момент обследования (июль 2016 г.) на нем обнаружены современные монеты 2000-х гг. (ил. 16). По уточненным данным (от Л. К. Шубниковой в 2016 г.), часовня посвящена Св. Параскеве (Парасковье) Пятнице и была огорожена деревянной изгородью с воротцами. Скот (коров, лошадей, овец) здесь кропили во время весеннего выгона. «Парасковью-матушку» просили уберечь его от болезней и пропажи. Эта традиция прервалась с началом коллективизации, а часовня была разрушена в 30-е гг. XX в. До недавнего времени с «заветами» сюда приходили в Ильинскую пятницу (перед Ильиным днем). Кроме камня, почитался также вытекавший из-под часовни родник, впадавший в «лывину» — небольшой заболоченный водоем. Для доступа к святой воде были сделаны деревянные мостки.

Ил. 16. Камень около д. Данилово
(фото В. В. Шевелёва, 2016)

Завершая обзор камней Каргопольского региона, попытаемся обозначить характер этих памятников и их место в историко-культурном контексте. Картографирование показывает, что они не связаны с местными древностями эпохи раннего Средневековья (X–XIII вв.), которые тяготеют к побережью оз. Лача и часто

располагаются на местах поселений первобытной эпохи, что было связано с хозяйственно-экономическим укладом, специализированном на пушном промысле. Большинство культовых камней находится в иных ландшафтно-топографических условиях, на водоразделах, на значительном удалении от крупных озер и долины р. Онеги. Освоение этой территории с плодородными карбонатными почвами связано с крестьянской колонизацией края из новгородских и ростово-суздальских земель. По данным Н. А. Макарова, этот процесс начинается не ранее XIV в. [Макаров 1988, 127–129]. Именно с этого времени начинает формироваться и сеть поселений, вблизи которых расположены почитаемые камни.

Следовательно, можно сделать следующие выводы. Распространение почитаемых камней связано с земледельческим освоением Каргопольской Суши. Вместе с появлением здесь выходцев из новгородских и ростово-суздальских земель, где подобные памятники были широко распространены, происходит мифологизация освоенного пространства и воспроизводство культа камней, а также других «деревенских святынь». Сходство этих объектов и связанных с ними традиций не вызывает сомнения [Панченко 1998]. Датировать их можно предварительно XIV–XV вв., а некоторые деревенские святыни, скорее всего, относятся даже к более позднему времени.

Большинство рассмотренных камней является православными реликвиями, связанными с чудотворными иконами и именами святых — Александра Ошевенского, Николы Чудотворца, Ильи-пророка, Богородицы и Макария Желтоводского. Характерно, что культовая практика у камней тесно связана с сельской праздничной обрядностью и приурочена к определенным датам православного календаря. Предметом поклонения часто служит не только камень, но и другие объекты, образующие своеобразные культовые комплексы — озера, источники, деревья, кресты, часовни, а также связанные с ними топонимы. Наиболее распространены представления о лечебных свойствах камней, основанные на вере, что эти чудесные свойства они приобрели благодаря почитаемым святым. Таким образом, почитание камней органично входит в синкретичную систему народного православия и может быть связано со становлением и развитием культа местночтимых святых, особенно Александра Ошевенского.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 12–18.

Барух М. Божьи стопки. Археология и фольклор. Камни с выдолбленными следами стоп. СПб., 2013.

Белухин Н. Легенды и были // Коммунист. 1988, 30 июля, № 91 (7505). С. 3 (районная газета, г. Каргополь).

Березин И. И. Предпоследвека (перед концом мира), древняя легенда Каргополя. [Рукопись. 1979] // Архив Каргопольского музея, НВФ. № 5237–5238.

Даугудис В. О языческих святилищах в Литве // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 21–23] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1988. С. 13–15.

Дубов И. В. Культовый «Синий камень» из Клещина // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 21–23] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1988. С. 17–18.

Душиц Л. В. Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции [Заседания 13–15]. Псков, 1985. С. 63–65.

И. Р. (Рудометов И. И.). У жаждущих (из путешествия по Суши) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. Т. II. № 5–6. С. 7–15.

Каргополье: фольклорный путеводитель. Предания, легенды, рассказы, песни и присловья / Под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2009.

Лебедев Г. С. Памятники урочища «Священка» на озере Врево в Верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической предстоящей конференции [Заседания 18–20] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1987. С. 67–69.

Макаров Н. А. Восточное Прионежье в экономической системе Древнерусского государства // Археологические источники об общественных отношениях эпохи Средневековья. М., 1988. С. 120–142.

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // СА. 1988. № 3. С. 79–90.

Матулис В. Литовские жертвенные камни // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции [Заседания 13–15]. Псков, 1985. С. 65–66.

Мельников И. В., Маслов В. В. О камнях-следовиках на территории Карелии // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 160–177.

Мельников И. В. Святилища древней Карелии. Петрозаводск, 1998.

Мизин В. Г. Забытые священные и мифологические места Ингерманландии. СПб., 2012.

Моисеев А. А. Народные предания о часовнях Архангельской волости Каргопольского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 60. С. 2.

Моисеев А. А. «Конь-камень» // Олонецкие губернские ведомости. 1899. № 77. С. 3.

Мороз А. Б. Сакральная география Каргополя // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 94–109.

Мороз А. Б. Святые Русского Севера. Народная агиография. М., 2009.

Музыкина В. Торжества в Ошевенске // Архангельский епархиальный вестник. Май 2004. № 5. С. 4–5.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Подгорних Т. Каменное блюдо // Коммунист. 1988, 30 июля, № 91 (7505). С. 3 (районная газета, г. Каргополь).

Поляков И. С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Записки Императорского Русского географического общества. Отделение этнографии. Т. IX. СПб., 1882. С. 33–34.

Решетников Н. И., Шевелёв В. В. Русский Север. От Каргополя до Боросвиди. Очерк-путеводитель. М., 2015.

Рудометов И. И. Каргопольский край (Сборник этнографических очерков). Каргополь, 1919.

С. (Сергиевский Г. П.). Паломничество учеников Каргопольского духовного училища в Александро-Ошевенский монастырь // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911, 21 июля. № 20 (отдел неофициальный). С. 363–367.

Толстой Н. И. Гром // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 558–560.

Тормосова Н. И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.

Трофимов А. А. Материалы Каргопольской экспедиции РГГУ // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 48–49.

Уртанс Ю. В. Культовые камни с углублениями в Латвии // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 69–73.

Уртанс Ю. В. Языческие культовые памятники на территории Латвии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1988.

Фокин Е. И. Наивное искусство Севера в собрании Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Альбом-каталог. Архангельск, 2006.

Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-следовики // СЭ. 1965. № 5. С. 131–134.

Цауне А. В. Культовые камни на территории Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 7–9]. Псков, 1983. С. 53–54.

Шайжин Н. Святитель Николай Чудотворец в народной поэзии Олонецкого края // Олонецкие епархиальные ведомости. 1909, 21 мая. № 13 (отдел неофициальный). С. 289–292.

Шайжин Н. Олонецкий край (По данным местного фольклора) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1909 год. Петрозаводск, 1909. С. 192–229.

Шевелёв В. В. О камнях-следовиках близ г. Каргополя // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1988. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 24, 25] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1989. С. 63–65.

Шевелёв В. В. Культ камней в Каргопольском крае // Европейский Север: история и современность. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 1990. С. 137–138.

Шевелёв В. В. Культовые камни в Каргополье // РА. 1992. № 2. С. 57–65.

Шевелёв В. В. Культ камней на Каргополье // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Каргополь, 1996. С. 65–70.

Шевелёв В. В. Предание о Конь-камне // Старообрядчество Русского Севера. М., Каргополь, 1998. С. 121–122.

Шевелёв В. В. Конь-камень // Живая старина. 1999. № 2. С. 49.

Шевелёв В. В. «Громовые стрелы» пророка Ильи: этнографические реалии // Живая старина. 2005. № 1. С. 2–3.

Шевелёв В. В. Поклонные культовые камни // Каргопольский район Архангельской области. Энциклопедический словарь / Глав. ред. и авт.-сост. Г. Л. Панин. Архангельск, 2015. С. 396–397.

Hautala J. Survivals of the Cult of Sacrifice Stones in Finland // Temenos. 1965. 1. P. 65–77.

Jaanimäe L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

Lõugas V. Väikeste lohkudega kultusekivid // Eesti loodus. 1972. № 12. L. 729–733.

Shevelyov V. Cult Stones of the Russian North // Suomen Museo. Helsinki, 1994. P. 117–126.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis. II. Vom 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat, 1925.

Tarasenko P. Pedos akmenyje (istoriniai Lietuvos akmenys). Vilnius, 1958.

Uino P. Sacrificial stones in Ancient Karelia // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб., 1997. С. 109–115.

ЧАШЕЧНЫЕ КАМНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Г. Мизин

Среди почитаемых и знаковых камней Ленинградской области существует категория, имеющая аналоги практически по всему миру. Это камни, т. н. *чашечники*, валуны с небольшими искусственно сделанными углублениями диаметром 5–10 см и глубиной 1–6 см. В исследовательских школах разных стран их называют по-разному: ямочные камни, чашечные, лунковые, cup-marked stones... В России со времен известной статьи П. А. Путятин [Путятин 1887, 19–30] за такими камнями закрепилось название чашечники или чашечные камни, ввиду чего автор далее будет употреблять именно это их название. На территории современной Ленинградской области чашечные камни встречаются в разных районах, но наибольшее их количество сосредоточено на Карельском перешейке. Целью данной работы является обобщение всех имеющихся на данный момент сведений о подобных памятниках.

Первые свидетельства о чашечниках на рассматриваемой территории были упомянуты финским археологом Т. Швиндтом в конце XIX в., но первый их перечень из 16 объектов вошел в Археологическую карту Ленинградской области лишь в 1995 г. [Курбатов 1995, 179–193]. Более подробно чашечные камни Карельского перешейка рассмотрены в книге финской исследовательницы Пирье Уйно «Ancient Karelia» 1997 г., в которой содержатся сведения о 25 чашечниках.

В 2001–2016 гг. автором данного обзора была проведена работа по дополнительному и уточняющему сбору сведений о чашечниках в Ленинградской области. На данной территории было обследовано 19 чашечных камней, при этом наибольшее внимание было уделено скоплению чашечников у д. Ольховка, на данный

момент являющемуся крупнейшим комплексом таких объектов в европейской части России, а также комплексу чашечных камней на острове Гогланд, выявленному автором в 2005 г. Сведения о 13 упоминаемых в источниках чашечных камнях нуждаются в уточнении, часть из них, вероятно, может быть уже утрачена. При этом находки новых камней в 2000-х гг. (Ольховка, Токарево, Арбонье, Гогланд, Куммоллово, Кривко) позволяют сделать уверенный вывод о перспективности дальнейшего их поиска и изучения. На 2016 г. в Ленинградской области собраны упоминания о 45 чашечных камнях, что составляет примерно треть от всех зафиксированных автором сведений о культовых камнях на данной территории. Скопления чашечных камней фиксируются в 4 местах: у д. Ольховка, д. Яркое, полуострове Ховинсари (все три в Приозерском р-не) и на острове Гогланд (Кингисеппский р-н). В отличие от других типов культовых камней, например, следовиков и почитаемых камней без изображений, с камнями чашечниками в Ленинградской области в подавляющем большинстве случаев не связано фольклорных сюжетов. Однако этот показатель может говорить не столько о повсеместной утрате подобного фольклора, сколько, в случае Карельского перешейка, переселения в 1940-х гг. его носителей.

Следует отметить, что на территории Ленинградской области также известно некоторое количество камней с углублениями явно природного происхождения, но более крупных размеров. Несмотря на то что часть таких камней является объектами, с которыми связан местный фольклор и особое отношение, здесь они не рассматриваются [Мизин 2009, 205; Mizin 2012, 175–184]. Также время от времени за чашки принимаются следы засверливания камней с целью раскола [Харьковский 2014, 368–380].

Таблица 1

**Сравнение количества чашечных камней
Ленинградской области (на 2016 год) и смежных регионов**

Регион	Кол-во чашечников	Макс. кол-во чашек на 1 камне	Петроглифы и знаки, сопутствующие чашкам
Эстония	1750	450	22
Финляндия	472	139	н/д

Таблица 1 (окончание)

Регион	Кол-во чашечников	Макс. кол-во чашек на 1 камне	Петроглифы и знаки, сопутствующие чашкам
Ленинградская обл.	45	42	3
Псковская обл.	~ 7 (8?)	н/д	н/д
Новгородская обл.	~ 3 (8?)	н/д	н/д
Карелия	~ 3 (4?)	н/д	н/д

Примечание к Таблице 1: Данные по Финляндии и Эстонии приводятся по работам А. Тваури [Tvauri 1999, 113–169] и В. Матинолли [Matinolli 2012], по Псковской области — по работе Александра А. А. [Александров 1983, 12–18], однако в ней к чашечникам отнесены и камни других категорий (напр. у д. Марамохи), поэтому количество собственно чашечников указано под вопросом, по Новгородской области — по наблюдениям автора и, в скобках, общее возможное количество по работе Шорина М. В. [Шорин 1998, 216–227], по Карелии — предварительные данные по работе Мельникова И. А. [Мельников 1998] и другим источникам. По Вологодской области данные отсутствуют.

Распределение чашечных камней на территории Ленинградской области

Карельский перешеек

Выборгский район: Токарево (1), Боровинка (1), Лесогорское (1), Свободное (1), Первомайское (1).

Всего: 5 камней.

Приозерский район: Ольховка (17), Ховинсаари (5), Кривко (1), Студёное (1), Снегирёвка (2), Яркое (4).

Всего: 30 камней.

Всеволожский район: нет данных.

Ижорская возвышенность и западные районы, включая островную часть Финского залива

Ломоносовский район: Куммолово (1).

Волосовский район: Арбонье (1), Беседа (1).

Всего: 2 камня.

Лужский район: Ставотино (1).

Кингисеппский район (островная часть): Гогланд (4),
Тютерс (1(?)).

Всего: 5 камней, все на островах Финского залива.

Сланцевский район: нет данных.

Гатчинский район: нет данных.

Восточные районы

Волховский район: Охромовщина (1).

Тосненский район: нет данных.

Кировский район: нет данных.

Киришский район: нет данных.

Тихвинский район: нет данных.

Бокситогорский район: нет данных.

Лодейнопольский район: нет данных.

Подпорожский район: нет данных.

Из семнадцати районов области чашечные камни на данный момент зафиксированы в семи. По количеству чашечников в порядке убывания: Приозерский (30), Выборгский и Кингисеппский (по 5), Волосовский (2), Лужский, Ломоносовский, Волховский (по 1). Основные районы локализации чашечных камней в Ленинградской области тяготеют к финскому ареалу распространения данных памятников, являясь его юго-восточной окраиной (Карельский перешеек (35 объектов), острова Финского залива (5 объектов)). В других районах чашечные камни представлены единичными находками, однако определенная перспектива новых находок на Ижорской возвышенности все-таки прослеживается. Далее выявленные сведения о чашечных камнях рассмотрены более детально.

Токарево (Выборгский район)

В 2005 г. Карельским археологическим отрядом СЗ НИИ КПН (С. В. Бельский, Д. В. Герасимов) был выявлен чашечный камень у д. Токарево. Несколько углублений расположены на плоской верхней поверхности камня [Бельский, Герасимов 2005].

Боровинка (Выборгский район)

В окрестностях Коляля в 1930 г. был отмечен камень Мой-рукиви (Mõugukivi), камень был большой, высотой около 2,5 м, и находился у станции Коляля. Среди местного населения камень пользовался дурной репутацией. Сбоку на камне было 2 чашки. Считалось, что эти чашки сделал черт. Местные жители еще в начале XX в. верили, что черти ведут ночной образ жизни, потирая кулаком камень. Тем не менее, черт оставил это место после того, как верующая женщина посетила камень и благословила его. Сведения на 1930-е гг., в настоящее время поиски камня не проводились [Uino 1997, 212].

Лесогорское (Выборгский район)

Камень, называемый Йороланкиви (Jörölänkivi), известен у горы Уконвуори. По сообщениям, на поверхности камня есть много мелких «...как кофейные чашки, углублений». Говорят, что прохожие имели привычку выбивать эти углубления. Сведения на 1930-е гг., в настоящее время поиски камня не проводились [Uino 1997, 230].

Свободное (Выборгский район)

На скале, расположенной у села Ахола, есть от 4 до 6 чашек. Сведения на 1930-е гг., в настоящее время поиски камня не проводились [Uino 1997, 241].

Первомайское (Выборгский район)

В Полвиселян (совр. пос. Чайка на ЮВ от Первомайского) находится камень с 9 чашками, но они, вероятно, природного происхождения. Сведения на 1930-е гг., в настоящее время поиски камня не проводились [Uino 1997, 241].

Ольховка (Приозерский район)

Ниже приводятся фотографии и описания объектов, составляющих культовый комплекс. В описании объектов используется

начальная (№ 1–9), начинающаяся от деревни, нумерация чашечных камней по работе А. И. Саксы «Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э.» [Сакса 2010, 167–170]. Дальнейшая нумерация с № 10 приводится по результатам работ осени 2012 г. и весны 2016 г., когда был зафиксирован ряд ранее неизвестных камней [Мизин 2014, 71–83].

В скобках приводится нумерация согласно следующим цитируемым источникам:

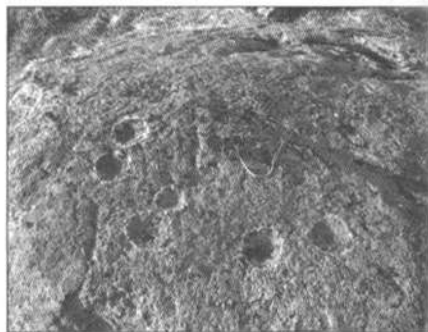
1. «Археологическая карта Ленинградской области» В. А. Лапшина, 1995 — (Л-1630);
2. Статья А. В. Курбатова «Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области», 1995 — (К-2);
3. Схема объектов археологического комплекса у д. Ольховка из «Археологической карты Ленинградской области» (стр. 170) — (с-17);
4. Книга П. Уйно «Ancient Karelia», 1997 г. — (SAKK-39).

Чашечный камень № 1 (Л-1630, К-2, с-17, SAKK-39)

Камень находится у д. Ольховка, на склоне небольшого оврага (со стороны деревни). На плоской верхней поверхности камня имеется 6 четко выраженных чашек и 1 слабовыраженная. Размеры камня (по А. В. Курбатову) — $2,8 \times 2,1 \times 1,1$ м.

Ил. 1. Общий вид чашечного камня № 1 в ландшафте (фото В. Г. Мизина, 2009)

Ил. 2. Расположение чашек на чашечном камне № 1, находящемся ближе всего к д. Ольховка (фото В. Г. Мизина, 2009)

Чашечный камень № 2 (Л-1632, К-4, с-19, SAKK-36)

По данным из книги А. И. Саксы «Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.», этот камень вывезен за пределы поля в 1992 г. На его поверхности упоминаются 4 чашки [Сакса 2010, 169; Uino 1997, 321]. Размеры камня — $2 \times 1,9 \times 1,3$ м. Диаметр чашек 6–8 см, глубина 1–3,5 см. В перспективе необходимо установить местонахождение камня и вернуть его на изначальное место. Вероятное место современного нахождения — на склоне верхней береговой террасы.

Ил. 3. Схема культового камня № 2 (Л-1632, К-4, с-19), выполнена в ходе разведки 20.07.1980 (рис. из архива А. В. Курбатова, автор А. И. Сакса). На камне отмечено 5 чашек, вероятно, одна из них была слабовыраженной и впоследствии не учитывалась. В работе А. В. Курбатова (1995) допущена неточность, и к данному камню приписана схема камня № 7 (Л-1635, К-7, с-22)

Чашечный камень № 3 (Л-1631, К-3, с-18, SAKK-35)

По данным из книги А. И. Саксы «Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.» [Сакса 2010, 169; Uino 1997, 321], камень № 3, с одиночной чашкой, вывезен за пределы поля в 1992 г. Размеры камня (по отчету А. И. Саксы) — высота 1,4 м, длина 2,2 м, ширина 1,7–1,9 м.

Изначально по верхнему гребню с запада на восток, на расстоянии 45 см отмечено две чашки — западная диаметром 6,5 см и глубиной 1 см и восточная диаметром 5 см и глубиной 1 см.

Вероятно, одна из них была слабовыраженной и впоследствии не учитывалась. Предположительное место современного нахождения — на склоне верхней береговой террасы.

Чашечный камень № 4 (Л-1629, К-1, с-16, SAKK-34)

*Ил. 4. Общий вид камня № 4
(фото В. Г. Мизина, 2012)*

*Ил. 5. Фото расположения чашек
на камне № 4
(фото В. Г. Мизина, 2001)*

*Ил. 6. Небольшая «приступка» у
камня со стороны каменного сложения
является фрагментом другого
камня со следами раскола, вероятно
сделанного во времена строитель-
ства здесь финских хуторов
(фото Д. Курдюковой, 2013)*

*Ил. 7. Следы некогда горевшего
у камня огня. Возможно, это
следы попытки разрушить камень
во времена борьбы с язычеством?
(фото В. Г. Мизина, 2013)*

Чашечный камень № 4, ввиду своего размера, расположения в центре комплекса каменных куч и выразительной фигуры чашечных меток — в форме кости домино, является своеобразной визитной карточкой Ольховского комплекса. По П. Уйно на камне — 6–7 чашек, по книге А. И. Саксы — 6 чашек [Сакса 2010, 170;

Uino 1997, 321]. В ходе осмотра автором на камне зафиксировано 6 четко выраженных и одна слабовыраженная чашка. Размеры камня (по А. В. Курбатову) — $2,5 \times 1,5 \times 1,5$ м. Размеры чашек — диаметр 5–7 см, глубина до 3 см. С северной стороны к камню примыкает каменная насыпь, на южной стороне камня имеются следы огня. Вероятно, камень когда-то пытались расколоть посредством прокаливании породы.

Чашечный камень № 5 (Л-1633, К-5, с-20, SAKK-38)¹

Чашечный камень № 5, по данным из книги А. И. Саксы «Древняя Карелия...», был вывезен за пределы поля в 1992 г. Размеры камня — $3,6 \times 2,3 \times 1,2$ м. По отчету А. И. Саксы, на камне 6 чашек (по А. И. Саксе 2010 — 5 чашек [Сакса 2010, 170], по П. Уйно — 6–4 чашки [Uino 1997, 321], по А. В. Курбатову — 5 чашек. Диаметр чашек от 5 до 8,5 см, глубина 0,6–1,7 см.

Чашечный камень № 6 (Л-1634, К-6, с-21, SAKK-37)²

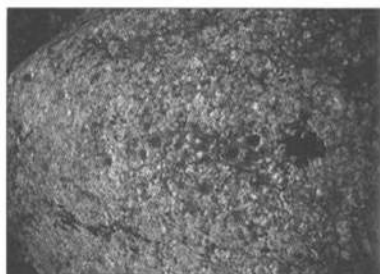
Чашечный камень № 6 является самым крупным валуном комплекса, его размеры — $5,6 \times 4,1 \times 2,3$ м, на верхней поверхности присутствует, по разным подсчетам, от 5 до 13 чашек (по П. Уйно — 13 чашек (5 четко выраженных) [Uino 1997, 321], по А. И. Саксе — 9 чашек [Сакса 2010, 170], по А. В. Курбатову — 14 чашек [Курбатов 1995, 180]), а также фрагмент приплавленного угля — следы разведения огня на камне (ввиду чего его поверхность получила повреждения, и сейчас сосчитать общее количество чашек можно весьма условно). Диаметр чашек 4–8 см, глубина 1–2,8 см. Следы огня на камне могут свидетельствовать как о попытке уничтожить его (огонь разводился на чашках), так и возможных ритуальных кострах на Юханнус (летнее солнцестояние), когда финны вплоть до недавнего времени возжигали огонь на высоких камнях и иных возвышенностях.

¹ Исходя из указанных в источниках размеров камня, в работах А. В. Курбатова (1995) и А. И. Саксы (2010), этот чашечник перепутан со следующим; в данном пункте нумерация исправлена.

² Исходя из указанных в источниках размеров камня, в работах А. В. Курбатова (1995) и А. И. Саксы (2010), этот чашечник перепутан со следующим, в данном пункте нумерация исправлена.

Ил. 8. Общий вид чашечного камня № 6
(фото А. Чернышева, 2009)

Ил. 9. Чашки и уголь на камне № 6
(фото А. Чернышева, 2009)

Чашечный камень № 7 (Л-1635, К-7, с-22, SAKK-40).

Размер камня $0,9 \times 1,3 \times 0,3$ м, по А. И. Саксе [Сакса 2010, 170] и П. Уйно — 4 чашки [Uino 1997, 321], по А. В. Курбатову — 5 чашек [Курбатов 1995, 182–183], в ходе дополнительного изучения в 2013 г. на камне выявлено еще одно чашечное углубление, находящееся на противоположной стороне от ранее известной компактной группы чашек. Итого на данном камне на 2013 г. известно 6 чашечных углублений.

Ил. 10. Чашечный камень № 7.
Мелом отмечены чашки,
известные на 2012 г., для масштаба
рядом положен компас
(фото В. Г. Мизина, 2001)

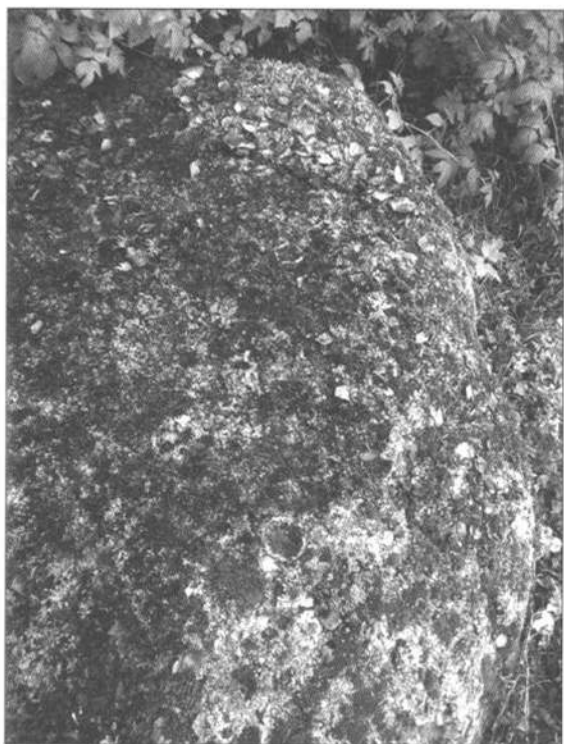
Ил. 11. Прорисовка располо-
жения чашек на камне № 7.
Зафиксированное летом
2013 г. новое чашечное
углубление располагается от-
дельно от основной группы
чашек

Чашечный камень № 8 (Л-1636, К-8, с-23, SAKK-41)

Согласно работе А. И. Саксы «Древняя Карелия...», камень № 8 сдвинут в ложбину в 1992 г. На поверхности камня 5 чашек [Сакса 2010, 170], по П. Уйно — 9 чашек [Uino 1997, 321]. Размеры камня — $3,5 \times 2 \times 1$ м. В перспективе необходимо восстановить этот камень на его изначальном месте.

Чашечный камень № 9 (Л-1637, К-9, с-24, SAKK-42)

Самый удаленный из известных, девятый, чашечный камень расположен в лесу, у одного из оврагов. В 1983 г. на его поверхности А. И. Сакса отметил две чашки, в 1990 г. была заметна только одна. В ходе осмотра 2012 г. на камне выявлено 2 чашки.

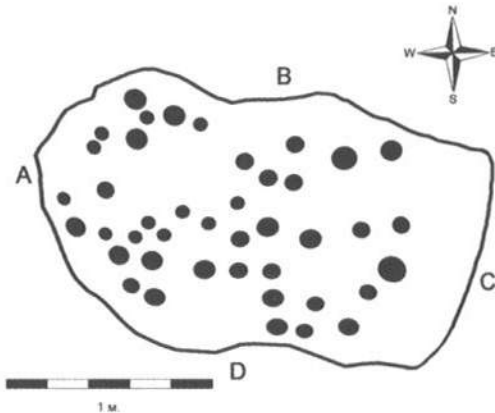

Ил. 12. В ходе разведки 6 октября 2012 г. на данном камне зафиксировано 2 чашки (обведены мелом), полностью совпадающие со схемой А. И. Саксы 1983 г. (фото В. Г. Мизина, 2012)

Чашечный камень № 10 (до 2012 г. в известных источниках не упоминается)

Ил. 13. Вид чашечного камня, найденного Ольгой Додоновой в Ольховке в июне 2012 г. Данный камень по расположению и описанию не совпадает ни с одним из 9 отмеченных в Археологической карте, из чего можно сделать вывод об обнаружении нового, десятого камня в данном комплексе памятников. Поверхность камня полностью покрыта чашечными углублениями. Размеры камня — $1,9 \times 1,2 \times 0,6$ м (фото Д. Курдюковой, 2012)

Ил. 14. Общее количество чашек — 42 штуки (рис. Д. Курдюковой, 2012)

Чашечный камень № 11 (до 2012 г. в известных источниках не упоминается)

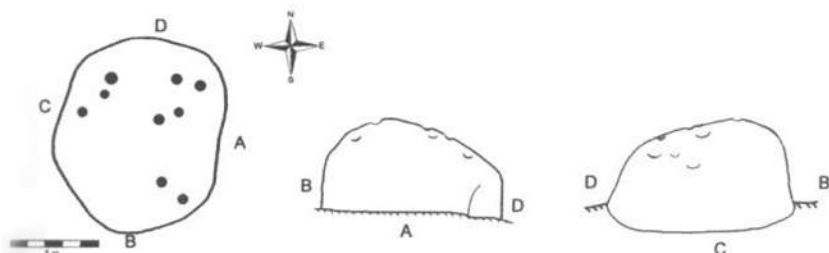
Выявлен в ходе комплексной разведки, проведенной 6 октября 2012 г.; камень находится среди свернутых с поля камней, на руинах бывшего финского хутора.

Ил. 15. На этом камне выявлено 9 чашек (отмечены мелом), сгруппированных в три группы на верхней поверхности камня.

Размеры камня — $1,8 \times 1,6 \times 0,9$ м

(фото В. Г. Мизина, 2012)

Ил. 16. Проекция камня № 11

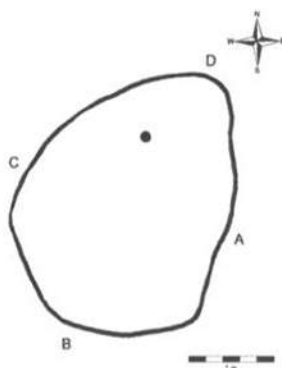
(рис. Д. Курдюковой, 2012)

Чашечный камень № 12 (до 2012 г. в известных источниках не упоминается)

Камень выявлен автором в 2001 г. (первоначально отмечено 2 чашки), подтвержден при проверке 6 октября 2012 г., находится у края верхней террасы, севернее камня № 4 (Л-1629, К-1, с-16). Подтверждена одна чашка, располагающаяся на верхней поверхности камня, вторая, отмеченная автором в 2001 г., видимо является ошибкой. Размеры камня — $3,2 \times 2,6 \times 1,1$ м.

Ил. 17. Чашечный камень № 12
(фото В. Г. Мизина, 2012)

Ил. 18. План чашечного камня № 12
(рис. Д. Курдюковой, 2012)

Чашечный камень № 13 (до 2012 г. в известных источниках не упоминается)

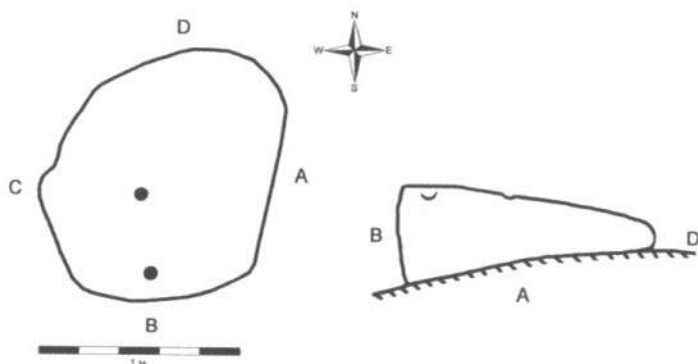
Камень выявлен в ходе комплексной разведки 6 октября 2012 г.; на камне зафиксированы: одна явная чашка, тяготеющая к краю, и вторая, слабовыраженная, ближе к центру камня. Камень расположен «ступенью» на склоне. Расположение камня, как и расположение чашки на нем, имеет сходство с чашечником у п. Беседа (Волосовский р-н Ленинградской обл.). Интересно отметить, что это ближайший чашечный камень к камню № 9 (Л-1637, К-9, с-24) и так же, как и он, имеет всего две чашки, практически идентичные по размерам. Размеры камня — $1,4 \times 1,2 \times 0,5$ м.

Ил. 19. Камень № 13, вид сверху
(фото В. Г. Мизина, 2012)

Ил. 20. Камень № 13, вид сбоку
(фото Д. Курдюковой, 2012)

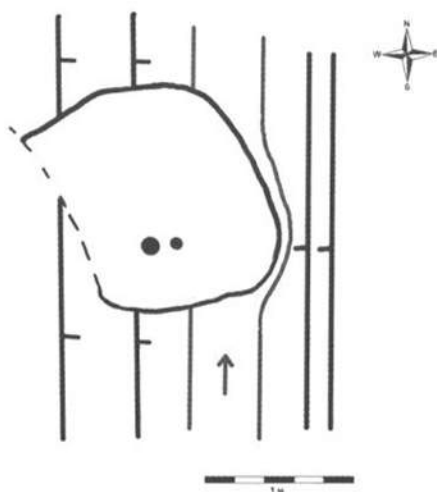

Ил. 21. Проекция камня № 13
(рис. Д. Курдюковой, 2012)

Чашечный камень № 14 (до 2012 г. в известных источниках не упоминается)

Ил. 22. Камень № 14 (фото В. Г. Мизина, 2012)

Ил. 23. Приблизительный рисунок чашечного камня № 14, сброшенного в канаву (рис. Д. Курдюковой, 2012)

Чашечный камень № 14 был выявлен в ходе комплексной разведки 6 октября 2012 г. при поиске утраченного камня № 5 (Л-1633, К-5, с-20). На камне имеется одна явная чашка (отмечена мелом) и одна слабовыраженная, возможно природная, судя по нахождению камня в канаве, он был скинут туда при мелиорации. Видимые размеры камня и расположение чашек на нем не совпадают с указанными размерами ближайшего утраченного камня № 5 (Л-1633, К-5, с-20). Видимые размеры камня № 14 — $1,7 \times 1,3 \times 0,15$ м.

Чашечный камень № 15 (до 2016 г. в известных источниках не упоминается)

Новый чашечный камень был выявлен в ходе разведки 17 апреля 2016 г. (Т. Калашникова, А. Оличев). GPS координаты: N 60.639153; E 30.289157. Размеры камня — $3,8 \times 3,8 \times 2$ м. Количество чашек и их размеры — 6 штук (диаметр 5–7 см, глубина 1–3 см). Чашки расположены на гребне камня, создавая вытянутую, почти линейную структуру, ориентированную на север. Камень расположен в лесу, но, судя по кучам валунов, ранее вблизи него было поле. На данный момент это самый высокий выявленный чашечный камень в Ольховке (высота более 2 м.)

Чашечный камень № 16 (до 2016 г. в известных источниках не упоминается)

Камень № 16 был выявлен в ходе разведки 22 апреля 2016 г. (В. Мизин, В. Симонова). GPS координаты камня: N 60.640221; E 30.288513. Размеры камня — $1,8 \times 2,2 \times 0,9$ м. Количество чашек и их размеры — 3 штуки (диаметр 4–7 см, глубина 1–2 см). Камень, вероятно, был сдвинут с поля, но по структуре не совпадает с описанием утраченных камней № 2 и № 3, следовательно, является новым, ранее неизвестным чашечным камнем. Чашки расположены компактной группой в его западной части (при современной постановке). Чашки слабовыраженные, две расположены близко друг к другу и одна в отдалении.

Чашечный камень № 17 (до 2016 г. в известных источниках не упоминается)

Камень № 17 выявлен в ходе разведки 23 апреля 2016 г. (В. Мизин). GPS координаты: N 60.646699; E 30.273477. Размеры

камня — $2,4 \times 3,2 \times 0,75$ – $1,7$ м. Особенности: 3 чашки (диаметр 5–7 см, глубина 1–2 см). По расположению в овраге и внешним признакам, в т. ч. степени зарастания лишайниками, данный камень, вероятно, был свернут с поля. Интересно отметить, что место его обнаружения находится вблизи местоположения утраченного в 1992 г. камня № 8, однако при детальном сравнении было установлено, что обнаруженный в апреле 2016 г. камень не является ранее утраченным камнем № 8, поскольку существенно отличается как размерами и формой, так и количеством и расположением чашек.

Необходимо отметить, что камни № 1, 2, 3, 10, 11, 15, 16 формируют выраженное скопление в восточной части Ольховского комплекса. В общей сложности в Ольховке на весну 2016 г. известно 17 чашечных камней, общее количество чашек на них представлено следующим образом:

№ 1 (7 чашек), № 2 (4–5 чашек), № 3 (1–2 чашки), № 4 (6–7 чашек),

№ 5 (4–6 чашек), № 6 (9–14 чашек), № 7 (6 чашек), № 8 (5–9 чашек),

№ 9 (2 чашки), № 10 (42 чашки), № 11 (9 чашек), № 12 (1 чашка),

№ 13 (2 чашки), № 14 (1 чашка), № 15 (6 чашек), № 16 (3 чашки), № 17 (3 чашки).

Общее количество чашек на известных камнях у д. Ольховка на 2016 г.: 111–125 шт.

Ховинсаари (Приозерский район)

По «Археологической карте» В. А. Лапшина известно 4 чашечных камня [Лапшин 1995, 164–165], в работе П. Уйно упоминаются 5 камней [Uino 1997, 305–309]. Все камни расположены вблизи могильника Тонтинмяки.

Чашечный камень № 1 (Л-1592, RÄIS 66)

Камень выявлен А. И. Саксой в 1980 г., размеры камня — $3,3 \times 2,1 \times 1,2$ м. Отмечена 1 чашка.

Чашечный камень № 2 (Л-1593, RÄIS 63)

Камень выявлен А. И. Саксой в 1980 г., размеры камня — 3,6 × 2,6 × 2,1 м. Отмечено 11 чашек.

Чашечный камень № 3 (Л-1594, RÄIS 64)

Камень выявлен А. И. Саксой в 1980 г., размеры камня — 6,1 × 4,1 × 2,7 м. На камне имеется 9 чашек. В книге А. И. Саксы указаны данные раскопок у этого камня:

«С северной стороны камня под слоем гумуса была сложена невысокая каменная куча, ограниченная с двух сторон крупными камнями. В насыпи найдено два фрагмента средневековой керамики. С южной стороны у камня была выложена каменная вымостка из мелких камней шириной 0,5 м и мощностью 0,7 м. С западной стороны вымостка ограничивалась большим камнем, восточная же ее часть осталась нераскопанной. На поверхности вымостки прослежено зольно-углистое пятно, в пределах которого нашли три фрагмента круговой керамики, два из которых относились к венчикам. По форме они соответствовали сосудам типа 4 из раскопок в крепости Корела и относятся к форме, ставшей преобладающей начиная со второй половины XIV в.» [Сакса 2010, 218].

Чашечный камень № 4 (Л-1595, RAIS 65)

Камень выявлен в 1984 г., размеры камня — 6 × 4,5 × 1,5 м. Отмечено 17 чашек.

Чашечный камень № 5 (RAIS 67)

В книге П. Уйно указывается, что в записях Т. Швиндта от 1904 г. есть упоминание о «жертвенных камнях Ховинсаари Хун-нисиев», где отмечено 7 чашек в трех группах (3+3+1). Средние три чашки находятся на вершине камня, где так же как в Ольховке, имелись следы огня. А. Таллгрэн указывал, что камень высотой около 2 м, находился вблизи вершины холма-могильника. Однако существует мнение, что это были не чашки, а следы попытки взорвать камень. Вполне вероятно, что и Т. Швиндт и А. Таллгрэн описывали следы попытки раскола камня. При этом этот камень вряд ли является камнем № 3, который не соответствует по количеству чашек. В книге А. И. Саксы об этом камне написано следующее:

«Камень достигал в высоту 2 м, и на нем было много выемок. По-видимому, речь идет о стоящем на вершине холма у места нашего раскопа камне, у которого была повреждена значительная часть его поверхности, и по этой причине выемки не сохранились» [Сакса 2010, 219].

В общей сложности в окрестностях Ховинсаари, по разным источникам, известно 4–5 чашечных камней. Общие данные о чашках на них сведены в следующую небольшую таблицу.

Таблица 2

**Количество чашечных камней и чашек на них
в окрестностях Ховинсаари**

№ камня	1	2	3	4	5
Кол-во чашек	1	11	9	17	7

Яркое (Приозерский район)

В окрестностях д. Яркое (Суотниemi) вблизи могильника известно, по разным источникам, 2–4 чашечных камня.

Чашечный камень Яркое-1 (Л-1588, КÄКІ 03)

Камень расположен на склоне холма с могильником. Размеры камня — $2 \times 2 \times 1,5$ м. Отмечено 24 чашки. Диаметр чашек — 3–8 см., глубина — 0,7–4 см.

Чашечный камень Яркое-2 (Л-1589, КÄКІ 06)

Камень расположен на вершине гряды в 200 м от берега оз. Вуокса. Выявлен в 1980 г. Размеры камня — $3,2 \times 3 \times 2,2$ м. Отмечено 10 чашек, расположенных двумя группами, на вершине — 4 чашки и 6 чашек на нижней поверхности. Диаметр чашек — 4–6 см, глубина — 0,8–2 см.

Чашечный камень Яркое-3 (К-3, КÄКІ 04)

На скале также зафиксировано 10 чашек. Диаметр чашек 3,2–6,5 см, глубина 0,5–0,9 см. По книге П. Уйно:

«Албин Каасинен сообщает, что у старого дома Тиира есть жертвенный камень. Место было найдено летом 1992 г. на основе информации, предоставленной Пентти Тиيران. Это на самом деле скала на берегу озера с 12 чашками» [Uino 1997, 261].

Чашечный камень Яркое-4 (KÄKI 02)

В книге П. Уйно упоминается еще один участок скалы с чашечными углублениями:

«Как сообщает Альбин Каасинен, в землях Рясянен есть “жертвенный камень”. К северо-западу от раскопок (Кякисалми-01) был найден участок скалы с выбитым крестом в круге и 9 чашками. По-видимому, Каасинен имел ввиду именно эту скалу. Крест нанесен одновременно с чашками, христианский это символ или межевой знак — непонятно» [Uino 1997, 261].

В книге А. И. Саксы есть следующее описание:

«Вершина холма представляла собой открытую скалу, на поверхности которой выбиты 9 чашевидных выемок и вписанный в круг крест. Раскоп площадью 44 кв. м был заложен на южном краю площадки холма в непосредственной близости от его южного склона. В нем под слоем дерна и гумуса выявилась вымостка из камней с острыми колотыми гранями. Особенно плотной она была у большого, расколовшегося от огня материкового камня в северном углу раскопа, достигая здесь мощности 30–50 см. С северной и южной сторон этого большого камня были углубления, заполненные камнями и черной землей с золой и углями. Пятна черной земли с углями и обожженные камни, могущие быть трактованными как очаги, фиксировались и в других частях раскопа. В вымостке собрана большая коллекция мелких фрагментов керамики, большей частью лепной. К вещевым находкам относятся двушипный черешковый наконечник стрелы, распространенный в младшее римское железное время и эпоху переселения народов» [Сакса 2010, 236].

Таблица 3

Количество чашек на камнях и скалах Яркое (Суотниemi)

№ камня	1	2	3	4
Кол-во чашек	24	10	10–12	9

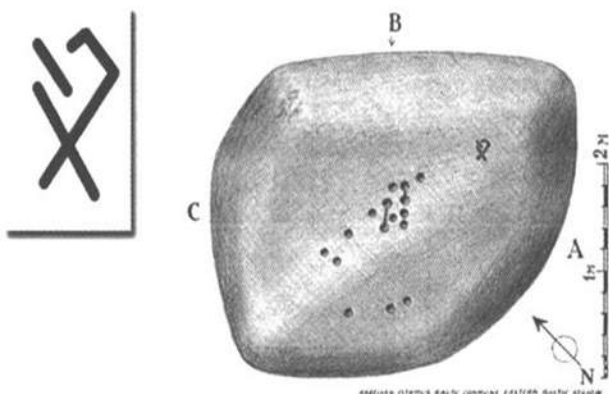
Студеное (Приозерский район)

По информации, приведенной в книге П. Уйно, «в поле в 80–100 м юго–юго-восточнее от дома Симо Хайкосена, есть чашечный камень (размерами 2 × 3 м). На камне имеется 3 чашки, самая крупная из которых имеет W-образный профиль». Археолог А. И. Сакса зафиксировал этот камень в 1984 г. [Uino 1997, 305].

Кривко (Приозерский район)

Первое сообщение о чашечном камне у поселка Кривко появилось в 2004 г. в Приозерской газете «Красная звезда»: «Недавно неподалеку от поселка Кривко (бывшая д. Вехмайнен) жителями Сосново Эдуардом Яковцом, Алексеем Дмитриевым и их друзьями, живо интересующимися историей края, был обнаружен неизвестный науке жертвенный камень. Он довольно внушительных размеров, высотой около двух метров» [«Жертвенный камень Вехмайнена» // газета «Красная звезда»].

Чашечник был обследован автором 6 декабря 2009 г.; на камне зафиксировано две группы чашек: 3 чашки сбоку и 13 на вершине. В последней группе 4 чашки соединяются бороздами. Также на камне зафиксирован странный знак, вероятно, рукотворного происхождения.

Ил. 24. Камень у п. Кривко
(рис. В. Зернова, 2009)

*Ил. 25. Чашечник у п. Кривко
(фото В. Г. Мизина, декабрь 2009)*

Снегиревка-1 (Приозерский район)

В книге П. Уйно упоминается Чертов камень недалеко от д. Кааскала:

«Эйла Исометса упоминает т. н. Чертов камень... Камень был низким, удлинённым и плоским “как мыло”. Исометса говорит, что если на вершине камня встать в полночь и три раза проклянуть, то явится черт. На этом камне были чашки... А. Таллгрэн упоминает т. н. камень Поттикиви (или Патикиви) на земле Кааскала. Камень также упоминался А. Лейноном, согласно которому на камне были углубления и крест. История гласит, что чашки в камне провертел черт» [Uino 1997, 286].

Осенью 2015 г. была предпринята попытка найти данный камень, однако обнаружить его не удалось. За последние десятилетия местность подверглась большим изменениям, связанным как с современной хозяйственной деятельностью человека, так и с зарастанием заброшенных объектов.

Снегиревка-2 (Приозерский район)

Второй чашечный камень у д. Снегиревка, также упоминается в книге П. Уйно:

«Размеры камня — $1,4 \times 1$ м, на нем было восемь чашек и две кольцевые бороздки... Швиндт упоминает находящийся в раскорчеванном поле жертвенный камень, который был расположен у лесной дороги к дому Симо Пусана. Ристикиви называют почти плоским камнем, на котором выбито по меньшей мере 8 крестообразных фигур и 4 чашки. Швиндт упоминает их как более глубокие, чем чашки на камнях в Суотниemi» [Uino 1997, 286].

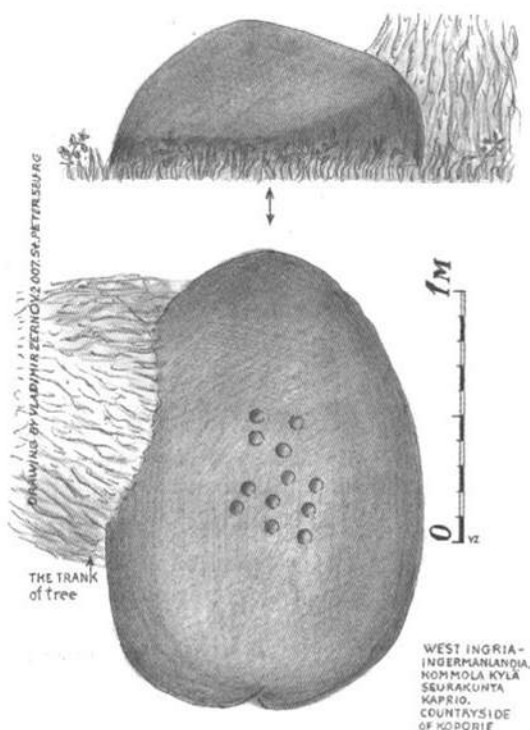
Осенью 2015 г. была предпринята попытка найти данный камень, однако обнаружить его так и не удалось, по тем же причинам, что и предыдущий.

Куммоллово (Ломоносовский район)

Информация о чашечном камне в д. Куммоллово была получена автором в 2005 г. от краеведов Т. Ю. Хмельник и П. О. Мирошниченко. Камень был обследован автором в 2007 г., на верхней поверхности валуна зафиксировано 12 чашек. Интересным моментом является то, что название деревни — Куммоллово — можно перевести как Чудово, т. е. место, связанное с чудесами, что может указывать на его особый статус в древности.

Арбонье (Волосовский район)

В сентябре 2014 г. при обследовании местности у д. Арбонье, в рамках исследования предполагаемой связи «арбуйской» (арбуи — средневековые финно-угорские языческие жрецы на Ижорской возвышенности) топонимики с возможными культовыми

Ил. 26. Камень в д. Куммолово
(рис. В. Зернова, 2007)

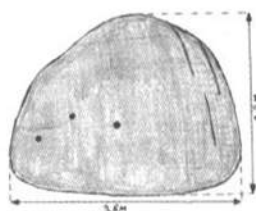
объектами, был выявлен ранее неизвестный чашечный камень. Сейчас камень располагается у поворота дороги, в центре деревни, однако, судя по старым картам, в XIX в. это была околица. Камень выделяющийся, вероятно самый крупный в окрестностях деревни валун, его размеры:

- длина видимой части — 3,2 м;
- ширина видимой части — 3,6 м;
- максимальная высота — 1,6 м;
- минимальная высота — 0,9 м.

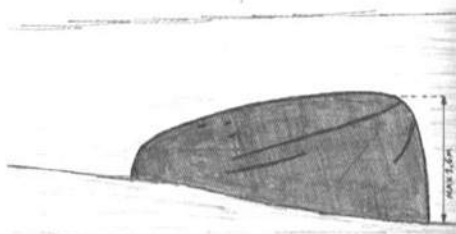
На верхней поверхности камня зафиксировано 3 чашечных углубления, аналогичных углублениям на камнях № 6, 9 и 12 у д. Ольховка.

Ил. 27. Вид камня у д. Арбонье
(фото В. Г. Мизина, 2015)

Вид сверху

Вид сбоку

Ил. 28. Схема камня у д. Арбонье
(сост. по фотографии В. Г. Мизиным, 2016)

В первую очередь обращает на себя внимание само расположение камня: у поворота дороги, на старой околице деревни. По существу, камень располагается между исторической частью д. Арбонье и могильником XII–XIV вв., состоящим из 118 курганов и жальников [Лапшин 1990, 95]. Ввиду того, что на Ижорском плато большинство деревень стоят на своих древних местах, существует большая вероятность, что в этом могильнике захоронены именно жители данной деревни, т. е. датировка могильника косвенно может указывать на существование д. Арбонье уже в XII–XIV вв. Это предположение не кажется слишком смелым, поскольку упоминание д. Арбонье в 1500 г. явно намекает на ее

существование уже в XV в., что весьма близко к датировке могильника. Зафиксированные три чашечных углубления аналогичны известным чашкам на камнях Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка. Заслуживает внимания и постанковка камня: он выступает из склона небольшой ступенью, обращенной в сторону могильника. Подобная постанковка характерна для множества культовых камней, например, следовика на горе Маура в Вологодской области, камня Пирукиви у д. Хиттолово, нескольких камней в Ольховке на Карельском перешейке, камня Ристикиви в Вепском крае и других. Рассмотрев всю совокупность выявленных признаков данного камня, можно их систематизировать:

1) наличие на камне 3 чашечных углублений, как по размерам, так и по расположению на камне, соответствующих подобным на известных камнях, позволяет отнести этот камень к чашечникам;

2) постанковка камня природная, но расположение на склоне и сочетание этого расположения и особенностей формы (пологая верхняя грань) являются характерными для целого ряда известных культовых камней в рассматриваемом регионе;

3) расположение камня между деревней (известной с 1500 г.) и могильником XII–XIV вв. позволяет допустить между ними возможную логическую взаимосвязь. Вполне возможно, что данный камень, располагаясь между условными мирами «живых» и «мертвых», мог выполнять прощальные и поминальные функции. Подобное расположение характерно для «прощальных» камней. Такие традиции еще в XX в. были широко распространены на Ижорской возвышенности, где сохранился ряд прощальных камней [Мизин 2012, 460–463], возле которых по пути из деревни на кладбище близкие и односельчане прощались с покойным. Пологая верхняя грань выявленного камня также является характерной особенностью прощальных камней, поскольку на них, при прощании часто ставили гроб с телом покойного. Необходимо отметить, что и чашечные камни нередко располагаются у средневековых могильников (примеры: Ховинсаари, Суотниemi, Ольховка в Ленинградской области [Лапшин 1995, 163–164; 169–171]). Сама структура выявленного камня идентична чашечным камням, известным в соседней Эстонии, где также «большинство чашек на эстонских камнях расположено на верхней стороне, горизонтальной или скошенной поверхности камня, то есть в местах,

где было удобно сделать их» [Tvauri 1999, 113–169]. Если соотнести возможные прощальные функции выявленного камня, то подобное его использование должно быть синхронно датировке могильника, т. е. XII–XIV вв.

Таким образом, рассмотрев всю совокупность выявленных признаков, можно сделать обоснованный вывод о том, что выявленный в 2014 г. камень у д. Арбонье мог выполнять прощальные функции в XII–XIV вв., т. е., вероятно, в языческие времена и первые века распространения христианства на Ижорской возвышенности (с XIII в.). Следует заметить, что подобный косвенный метод датировки по уже датированным соседним памятникам давно принят в археологии, и в рассматриваемом случае он лишь дополнительно обосновывается анализом расположения выявленного объекта, особенностями его структуры и сравнением с аналогами.

Беседа (Волосовский район)

В 2007 г. при содействии краеведа В. Новикова и местной жительницы был выявлен чашечный камень у п. Беседа. Камень представляет собой круглый в плане, диаметром около метра, небольшой валун, ступенью располагающийся на склоне, обращенном к ручью. Высота камня около 0,5 м. На возвышенной, обращенной к ручью части камня имеется крупная чашка, диаметром около 10 см и глубиной примерно 4 см. Из чашки имеется сток в сторону ручья. Свидетельства культового значения камня не зафиксированы.

Ил. 29. Камень у п. Беседа
(рис. Д. Курдюковой, 2009)

Ил. 30. Вид сверху на камень у п. Беседа, чашка видна в верхней части камня на снимке (фото В. Г. Мизина, 2007)

Ставотино (Лужский район)

Камень с предположительно чашечным углублением упоминается в отчете археолога Тимофеева В. И. в 1984 г.: «Среди объектов, осмотренных в южной части Ленинградской области, можно отметить камень следовик, находящийся близ д. Соколок (сейчас — Ставотино) Лужского р-на, где найдена мезолитическая стоянка. Камень был показан местным жителем Е. Исаковым... Довольно крупный валун, сильно углубленный в землю, несет на поверхности углубление, скорее всего искусственного характера, напоминающее изображение человеческой стопы, а также глубокое, чашевидной формы, углубление, несомненно искусственного происхождения» [Тимофеев 1984, 68].

Осенью 2010 г. была предпринята попытка найти данный камень, однако даже при поддержке местных жителей, найти его не удалось ввиду сильно заросшей за последние годы местности.

Остров Гогланд (Кингисеппский район)

На острове Гогланд первый чашечный камень с 15 жертвенными углублениями был впервые зафиксирован в 1988 г. эстонскими аквалангистами (Эстонский государственный морской музей), проводившими подводные исследования вблизи восточного побережья Гогланда, возле бывшей д. Киискинкюля. В 2005 г. автором был обследован этот камень и рядом зафиксировано еще два подобных, а в 2008 г. на соседней скале зафиксировано одиночное чашечное углубление.

Культовые камни, лежащие возле уреза воды в районе разрушенного финского поселка Киискинкюля (ныне урочище Южная Деревня) вряд ли могут быть древнее первого тысячелетия н. э. Камни представляют собой окатанные валуны прочной породы (не гранит «рапакиви»), лежащие на берегу небольшой бухты. Чашки выбиты на верхней, и, частично, на боковых поверхностях камней. В соседней бухте зафиксировано идентичное чашечное углубление, выбитое на прибрежной скале. Большая часть чашек имеет ровные края и округлое дно. Внешний вид чашек и их размеры идентичны подобным памятникам, известным на территории России, Финляндии, Эстонии, однако расположение камней чашечников на морском берегу не характерно. Так же не типично расположение камней между поселком и морем.

В чем особенность этих камней на острове Гогланд? В первую очередь это единственная находка подобных культовых камней на островах в российской части Финского залива. В Эстонии большинство подобных камней зафиксировано в северной части страны, известны они и на балтийских островах, в том числе на островах Сааремаа (Saaremaa) и Муху (Muhu). Моонзундского архипелага, а также на острове Аэгна (Aegna), расположенном в 15 км севернее Таллинна [Tvaugl 1999, 113–169]. Интересно, что на этом же острове в 1931 г. был зафиксирован и каменный лабиринт [Kraft and Selirand 1990, 32–37]. Еще один чашечный камень находится на острове Вилсанди (Vilsandi), где он располагается на вершине горы.

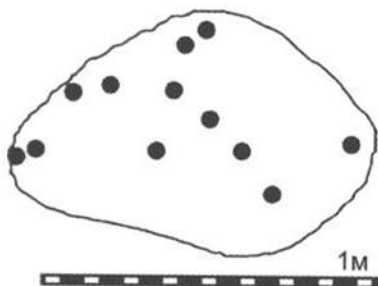
Чашечный камень № 1

Первый валун, который был найден эстонскими аквалангистами в 1988 г., имеет неправильную вытянутую форму, тяготеющую

к четырехугольнику. Длина камня — 126 см, ширина — 80 см. Цвет камня — серый. На валуне зафиксировано 12 чашечных углублений (в 1988 г. фиксировалось 15 [Намаги etc. 1996, 65–66]), 4 из которых заметно глубже остальных. Максимальные размеры чашек — диаметр 9 см, глубина — 3 см. Все чашки выбиты на верхней поверхности камня, но 6 из них тяготеют к одной из боковых граней, обращенной в сторону берега.

Ил. 31. Чашечный камень № 1, Гогланд, Киискинкюля (фото В. Г. Мизина, 2005)

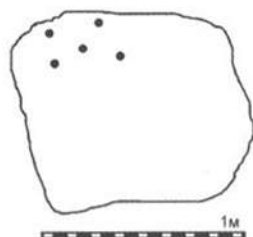
Ил. 32. Схема расположения чашек на камне № 1, остров Гогланд, Киискинкюля (рис. В. Г. Мизина, 2011)

Чашечный камень № 2

Второй чашечный камень имеет форму, приближенную к параллелограмму, примерными размерами 1 × 1 м. Цвет камня — светло-розовый. Чашечные углубления выражены менее четко, чем на первом камне, нанесены на верхнюю грань камня и сконцентрированы ближе к одному из углов, направленному также в сторону бывшего поселка Киискинкюля. На валуне имеются 5 слабовыраженных чашечных углублений. Максимальные размеры чашек — 5 см диаметром и 1,5 см глубиной. Рисунок расположения чашек имеет определенное внешнее сходство с расположением чашек на камне № 4 у д. Ольховка.

Ил. 33. Чашечный камень № 2,
Гогланд, Киискинкюля
(фото В. Г. Мизина, 2005)

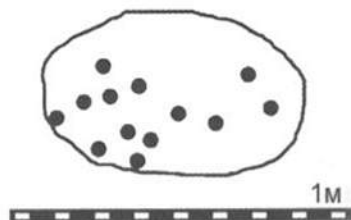
Ил. 34. Схема расположения чашек
на камне № 2, остров Гогланд,
Киискинкюля (рис. В. Г. Мизина,
2011)

Чашечный камень № 3

Третий из выявленных чашечных камней представляет собой небольшой валун овальной формы, коричневого цвета, размерами примерно 70×50 см, на котором зафиксировано 13 чашечных углублений с максимальными размерами: диаметр 6 см, глубина 2 см. Чашки нанесены скученно на выпуклой верхней поверхности камня, большая часть из них слабо выражена.

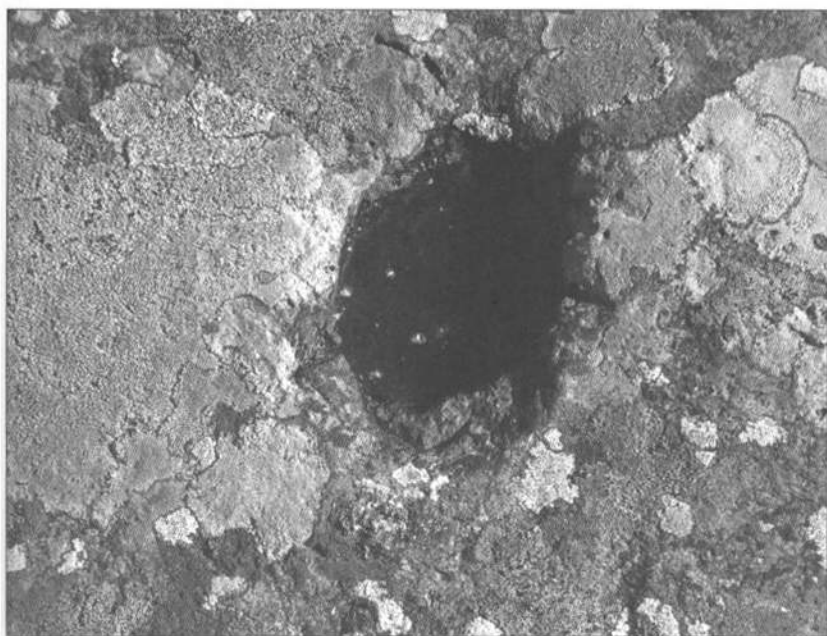
Ил. 35. Чашечный камень № 3,
остров Гогланд, Киискинкюля
(фото В. Г. Мизина, 2005)

Ил. 36. Схема расположения чашек
на камне № 3,
остров Гогланд, Киискинкюля
(рис. В. Г. Мизина, 2011)

Чашечный камень № 4

В 2008 г. было выявлено одиночное чашечное углубление, выдолбленное на скале, южнее выше рассмотренных валунов в нескольких метрах от воды. Данное одиночное углубление по форме идентично крупным чашечным меткам на валунах, рукотворность углубления пока остается под вопросом; возможно, оно природного происхождения. Скала сложена из прочной породы без больших трещин и следов выветривания.

Ил. 37. Одиночное чашечное углубление на скале у д. Книскинкюля (фото В. Г. Мизина, 2005)

Таблица 4

**Количество чашечных камней и чашек
на острове Гогланд**

№ камня	1	2	3	4
Кол-во чашек	12–15	5	13	1

Тютерс (Кингисеппский район)

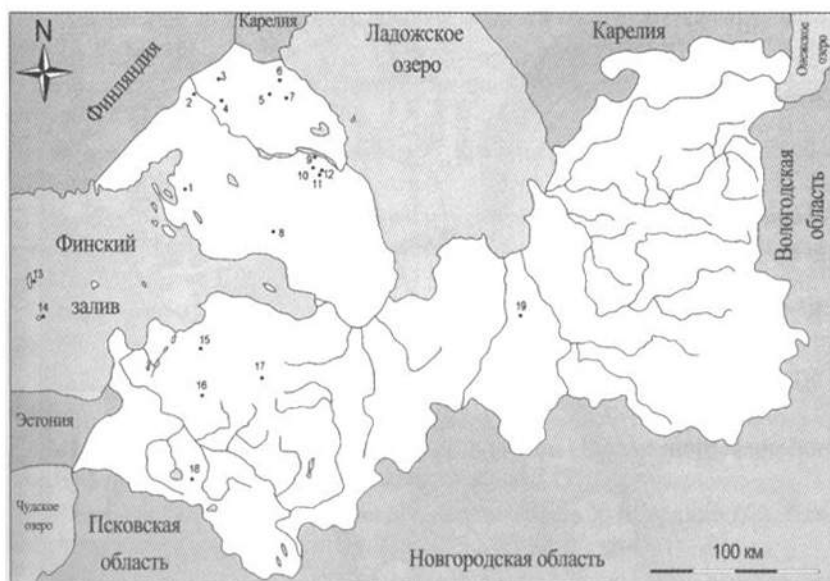
В книге П. Уйно упоминается камень с углублением на острове Тютерс: «По сообщениям жителей Тютерса, возле клуба был темный большой, в рост взрослого человека, камень. На самой вершине камня было углубление (чашка?), в этом углублении была традиция оставлять ягоды, например, бруснику» [Uino 1997, 340]. По сообщению финского историка Тимо Мухонена³, на Тютерсе был культовый камень *Ämtäkiivi* (Амма в финском языке означает «старуха»), к которому приносили ягоды, когда шли на сбор ягод. Вероятно, речь идет об одном и том же камне.

Охромовщина (Волховский район)

Чашечный камень упоминается в книге А. А. Перепелицына «По загадочным местам России» [Перепелицын 2009, 36]: «...соседка вспомнила и о другом камне, с углублением в виде чашки — близ д. Охромовщина. Увы — этого камня тоже больше нет». Ввиду утраты на настоящий момент сложно установить тип упомянутого чашечника и происхождение самого углубления.

³ Персональное сообщение автору по электронной почте, 2015 г.

Карты

Карта 1. Распространение чашечных камней на территории Ленинградской области (сост. В. Г. Мизин)

На карте отмечены следующие камни:

- 1) у д. Токарево — 1 шт.;
- 2) у д. Лесогорское — 1 шт.;
- 3) у д. Свободное — 1 шт.;
- 4) у д. Боровинка — 1 шт.;
- 5) у д. Студеное — 1 шт.;
- 6) у д. Яркое — 4 шт.;
- 7) у д. Кротово (Ховинсари) — 5 шт.;
- 8) у п. Первомайское — 1 шт.;
- 9) у д. Ольховка — 17 шт.;
- 10) у д. Кривко — 1 шт.;
- 11–12) у д. Снегиревка — 2 шт.;
- 13) на о. Гогланд — 4 шт.;
- 14) на о. Тютерс — 1 шт.;
- 15) у д. Куммолово — 1 шт.;
- 16) у п. Беседа — 1 шт.;
- 17) у д. Арбонье — 1 шт.;
- 18) у д. Ставотино — 1 шт.;
- 19) у д. Охромовщина — 1 шт.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. 1983. № 175. С. 12–18.

Бельский С., Герасимов Д. Отчет разведки Карельского археологического отряда СЗ НИИ КПН. СПб., 2005.

Жертвенный камень Вехмайнена // Красная звезда (Приозерск). 2004. 21 февраля. № 21. С. 4.

Курбатов А. В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области / В. А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области. Т. 2. СПб., 1995.

Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Т. 1. Л., 1990.

Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Т. 2. СПб., 1995.

Мельников И. В. Святилища древней Карелии (Палеоэтнографические очерки о культовых памятниках). Петрозаводск, 1998.

Мизин В. Г. Фрагменты мегалитической мозаики. Хумбаркиви // А. Платов. Мегалиты Русской равнины. М., 2009.

Мизин В. Г. Поминальные камни как один из элементов сакральных ландшафтов Ленинградской области // География: проблемы науки и образования. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции «LXV Герценовские чтения», 19–21 апреля 2012 г. СПб., 2012. С. 460–463.

Мизин В. Г. Культовые камни и сакральные места. СПб., 2014.

Перепелицын А. А. По загадочным местам России. М., 2009.

Пулятин П. А. Чашечные камни Новгородской губернии // Труды V Археологического съезда в Тифлисе / Под ред. графини Уваровой. М., 1887. С. 19–30.

Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. СПб., 2010.

Тимофеев В. И. Отчет об исследованиях памятников каменного века в Лен. области в 1984 г. // Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, д. 68 (1984).

Харьковский И. Комплекс валунных выкладок и камней чашечников на берегу реки Мужала // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб., 2014. С. 368–380.

Шорин М. В. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // Археологические вести. 1998. № 5. С. 216–227.

Hamari R. et al. Suomenlahden ulkosaaret; Lavansaari, Seiskari, Suursaari, Tytärsaari. Helsinki, 1996.

Kraft J., Selirand U. Labyrinths in Estonia // *Caerdroia*. № 23. 1990. P. 32–37.

Matinolli V. Suomen kuppikivet. Vol. 1: Länsirannikko ja Pirkanmaa. Helsinki, 2012.

Mizin V. G. Selected sacred stones and stone lore in Northwestern Russia // *Time and Mind* 2012. Vol. 5. Issue 2. P. 175–184.

Tvauri A. Cup-marked stones in Estonia // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. Vol. 11. 1999. P. 113–169 [электронный ресурс]. URL: <http://www.folklore.ee/folklore/vol11/stones.htm> (дата обращения: 05.09.2016).

Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki; Jyväskylä. 1997.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

А. В. Курбатов

Введение

В научной и популярной литературе иногда встречаются работы о природных объектах — валунах, с которыми связаны сохранившиеся предания и легенды, либо валунах, имеющих на поверхности всевозможные «знаки». Несмотря на давний интерес к таким объектам, их поиск и описание, среди профессиональных историков и археологов сохраняются объективные сомнения в отнесении многих камней к древним памятникам, а также сомнения в ритуальном назначении и самих камней, и знаков на них.

В последние годы были опубликованы новые исследования и сводки по культовым валунам, известным на отдельных территориях. Отметим, в частности монографические работы Ю. Уртанса по Латвии и В. Мизина по Ленинградской области [Urtāns 2008; Мизин 2006а]. Периодически новые валуны со знаками фиксируют в разных областях Европейской части России. В качестве примера приведем находку «следовика» И. В. Ислановой в Вышневолоцком р-не Тверской обл. (ил. 1). Заметка о проведенных полевых работах содержит описание объекта: «Около сопки 1 Ухаб на берегу оз. Ольшево обнаружено селище Ухаб 4. В 80 м к юго — юго-западу от сопки и в 60 м к югу от этого селища на берегу заболоченного залива найден камень-следовик с углублением в виде правой (детской) стопы. Первоначальное местоположение гранитного валуна (размерами 60 × 65 × 65–45 см), видимо, было иное, а к подножию берегового склона камень сдвинут во время пахоты» [Исланова 1997, 122].

Успехи полевых исследований, как и введение в научный оборот сводок известных памятников такого рода не позволяют устранить те сомнения методического и содержательного плана,

которые высказаны ранее [см. Макаров, Чернецов 1988]. В связи с этим сохраняют актуальность общие оценки, предложенные ранее [Курбатов 2002].

Ил. 1. Камень-следовик у д. Ольшево Вышневолоцкого р-на Тверской области (разведки И. В. Ислановой, 1996)

О понятии почитаемых природных объектов

Понятие «природные историко-культурные объекты» включает широко известные на территории Восточной Европы культовые камни, почитаемые деревья, родники (источники), холмы (т. н. «горы»), урочища и пещеры, которые в различное время служили для совершения различных обрядовых действий языческого характера, то есть отражали домонотеистическое мировоззрение. В позднейшее время часть таких объектов входила в систему обрядов христианского круга. Они широко известны и других регионах мира, сначала — в рамках обрядов локальных политеистических систем, а затем — церемоний и обрядов мусульманского, христианского и буддийского исповеданий. Как особый тип культового объекта выделяются и валуны природного происхождения — т. н. «культовые камни».

Специалисты называют по крайней мере две причины для отнесения валунов к категории культовых памятников:

1) сохранение до недавнего (или до настоящего) времени комплекса обрядов возле таких камней, где сам камень и изображения на нем прямо связаны с отдельными христианскими или языческими персонажами. Известия о таких обрядах зафиксированы в описаниях XVIII–XX вв.;

2) отнесение к данной категории памятников с аналогичными знаками (изображениями) и в том случае, если аналогичные знаки и сам камень не сохранили о себе преданий и поверий. Так, «следы» — отпечатки стоп человека, известные во многих местах как «след Богородицы» или «след Иисуса Христа», могут считаться ритуальными — даже на валунах, с которыми легенды и предания не связаны. Такие камни, не отмеченные в каких-либо документах XVI — начала XX в., краеведы и археологи фиксируют на протяжении всего XX столетия. Много заметок о них собрано по материалам периодической печати [см.: Маланин 1998; 1999]. Примером могут служить «следовики» в Боровичском р-не Новгородской области, найденные боровичским краеведом Г. И. Ивановским и повторно обследованные И. Д. Маланиным в 1986 г. (ил. 2, 3). Такой подход представляется правомерным, поскольку по многим случаям отмечена утрата целых пластов древней информации и культурной традиции на значительных пространствах Восточной Европы.

Ю. В. Уртанс предложил называть культовым, камень, «который используется в культовых действиях как символ или предмет культа. Это означает, что объект либо воспринимается как воплощение или местожительство божеств, духов, сверхъестественной силы, либо использовался как предмет культа в виде жертвенника, вместилища целебной воды, репера для астрономических наблюдений и т. п.» [Уртанс 1989, 47].

В. Матулис предлагал относить «следовики» к «мифологическим камням», основываясь на собственном опыте полевого обследования таких объектов, где «следы» часто имели природное происхождение [Матулис 1985, 66]. В связи с этим правомерно поставить вопрос: какие из знаков или изображений можно рассматривать в ассоциативном ключе? Большинство исследователей, безусловно, относят сюда «следы» — отпечатки стоп человека, лап

животных и птиц, а также знаки «подковы». Именно о «следах» сохранилось множество легенд и преданий в Европе и на других континентах.

*Ил. 2. Козелий камень
в Боровичском р-не Новгородской
области, открыл Г. И. Ивановский
(фото И. Д. Маланина, 1986)*

*Ил. 3. Ишутинский камень
в Боровичском р-не Новгородской
области, открыл Г. И. Ивановский
(фото И. Д. Маланина, 1986)*

*Ил. 4. Белый камень на оз. Самро, Лужский р-н Ленинградской области
(фото А. В. Курбатова, 1983)*

Другая группа камней, со знаками и без них, не связана с информацией о языческих или христианских ритуалах. Их сакральный характер в древности не подтверждают и данные археологии. Так, в категорию «культовых камней-валунов» Белоруссии Л. В. Дучиц заносит камни с рисунками — 5 объектов, с письменами — 13, с редко встречаемыми знаками — «в виде крестов, стрелочек, решеток» — 4, с высеченными крестами — 20 и Борисовы камни — 7. При этом камни с высеченными крестами могли первоначально играть роль межевых знаков, на что указывают данные городских книг и юридических актов Белоруссии XVI–XVII вв. [Дучиц 1985, 63–64]. В Псковской области известны камни с необычными знаками — человеческой руки, стрелки, черты, котла (?), ключа (?) [Александров 1983, 12]. В Новгородской области есть валуны с высеченными крестами (7 экз.), а в Тверской — с такими знаками, как «трезубцы, костыли, крюки», «тамга Рюриковичей», рог тура, перекрещивающиеся линии, рука, лицо человека, фигура оленя, обод колеса [Шорин 1991, 78; Курбатов, 1996а. Табл. 1]. Следует отметить, что в отсутствие сохранившихся преданий, убедительной объективной причины считать такие валуны культовыми не имеется. Многие из них, безусловно, служили межевыми знаками, ориентирами дороги или удобного пути. Подобные камни, а также валуны без следов искусственной обработки или знаков, но имеющие легенды, предания и личные имена — «кравцы», Синий камень [Комаров 2003], Конь, Белый (ил. 4), Неронов пал, Баш и Башиха следует выделять в группу «историко-культурных валунов», как предлагал Ю. В. Уртанс [Уртанс 1989, 47].

Нельзя исключать культового значения некоторых «крестовиков», отличных от межевых по характеру изображений и сохранившимся о них поверьям [Александров, 1983, 15], а также отдельные межевые камни с собственными именами, остаточное почитание которых зафиксировано в XIX–XX вв., например Теплый камень в Псковской области [Плоткин 1988, 42–44].

В целом же правомерно, на наш взгляд, независимо от наличия объективных причин для отнесения валунов к категории культовых объектов, учитывать их фиксацию в преданиях, деловых записях или других видах исторических источников, и на этом основании включать такие валуны в группу историко-культурных природных объектов. Положительным примером такого подхода, который ведет к сохранению и обобщению сведений о природных

памятниках, пригодных для последующей аналитической работы, в настоящее время являются публикации сводок по отдельным регионам, например по Латвии и Литве [Urtans 1990; Vaitkevicius 1998]. Особо можно выделить широкое использование в позднем Средневековье выделяемых на местности крупных валунов в качестве межевых и пограничных знаков. О некоторых еще в XIX — начале XX в. сохранялись предания. На территории Ленинградской области серия пограничных валунов со знаками была элементом русско-шведской границы, определенной после Столбовского мира в начале XVII в. [Селин 2016, 642 и сл.].

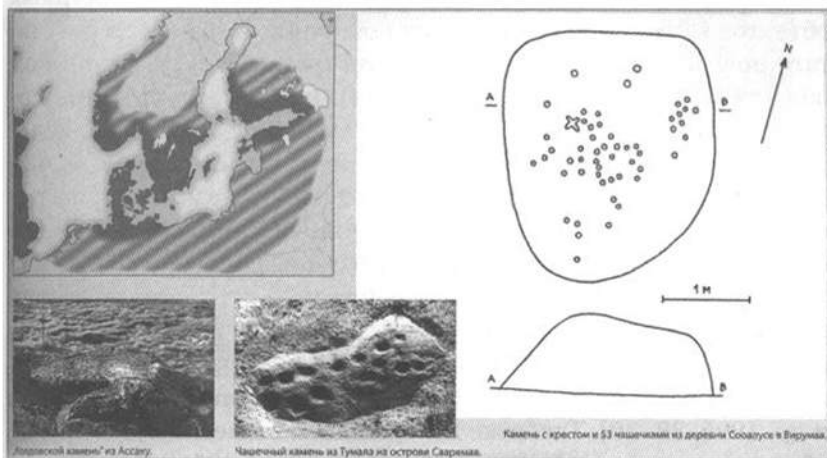
Распространение почитаемых валунов

Традиция сакрализации отдельных валунов, в определенной степени, соотносится с географией их распространения. Здесь следует отметить, что движение ледниковых щитов в плейстоцене Европы привело к созданию своеобразных форм ландшафта в гляциальных зонах. Валун — одна из составляющих ландшафта — были разнесены ледником по обширным пространствам Европейской России, включая Воронежскую, Московскую, Горьковскую области, Мордовию, а также часть Украины — до Днепропетровска [Ляукоу 1992, 13; схема]. Их расположение отмечает течение ледниковых масс. Например, некоторые специфичные карельские породы в виде валунов встречены в Подмоскowie [Борисов 1952, 20–21].

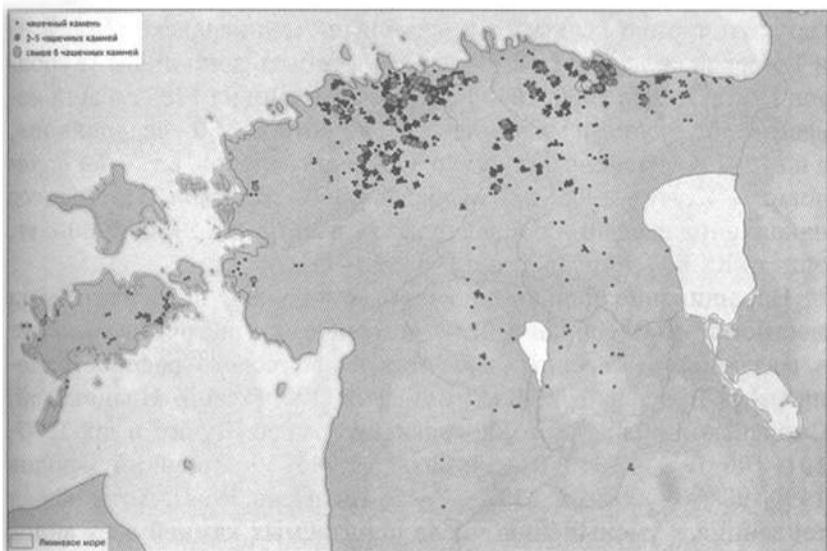
Для Беларуси намечена взаимосвязь зон массового распространения ледниковых валунов и численности связанных с ними легенд (преданий). Концентрация историко-культурных камней фиксируется в районах массового распространения ледниковых валунов — в Полоцкой, Витебской и Минской областях, тогда как в Брестской, Гродненской и Гомельской областях таких преданий и валунов в ландшафте встречается сравнительно мало. Это наблюдение условно, поскольку отражает только степень изученности региона специалистами и сохранность народных преданий.

Число историко-культурных и культовых валунов сильно различается по регионам. Больше всего их известно в областях, примыкающих к Балтийскому морю: в Эстонии — более 1100 камней с чашевидными выемками [Lougas 1972, 729–732] (ил. 5, 6); в Латвии к концу 80-х гг. насчитывали 343 различных объекта, в том числе 75 камней с различными углублениями

и 104 «следовика» [Уртанс 1988; 1989, 49; Caune 1974]; в Литве — более 300 жертвенных камней [Матулис 1985, 65–66]; в Белоруссии на 1985 г. отмечено более 156 объектов [Дучиц 1985, 65].

Ил. 5. Распространение чашечных камней в Северной Европе [Крийска и др. 2009, ил. 22]

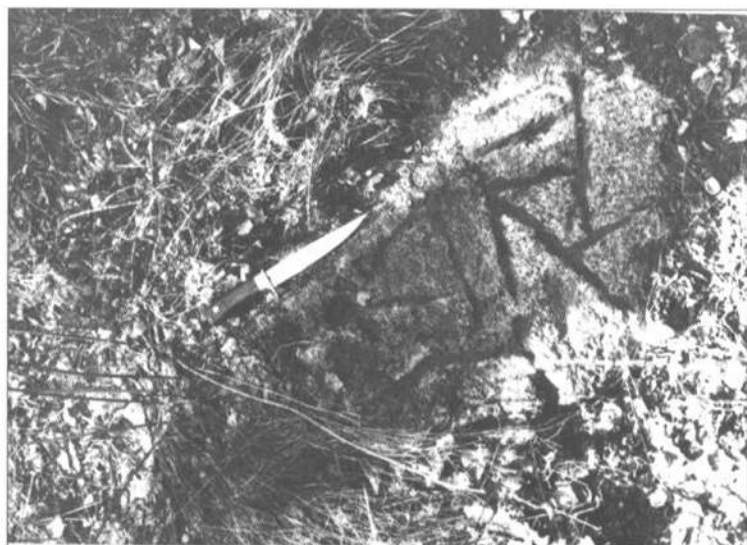
Ил. 6. Распространение чашечных камней в Эстонии [Крийска и др. 2009, ил. 23]

Для северо-запада России описаны и картированы памятники Псковской, Ленинградской, Тверской и Новгородской областей [Александров 1983; Курбатов 1996а; Шорин 1998]. При этом можно видеть, что число описанных природных историко-культурных объектов в последние десятилетия постоянно возрастает в результате полевых работ археологов и этнографов. Так, в Псковской области к 1982 г. было «известно не менее 80 пунктов, где сохранились до настоящего времени, или находились ранее, культовые камни. Наиболее широко представлены «следовики» — 42» [Александров 1982, 17]. Исключая сомнительные или непроверяемые данные, А. А. Александров уточнил: «...известно не менее 67 культовых камней», в том числе камни-следовики в 35 пунктах [Александров 1983, 12]. Но в начале 1990-х гг. исследователь насчитал уже не менее 130 почитаемых валунов на территории области [Александров 1991, 62]. Последующие разведки позволили корректировать и эту цифру в сторону увеличения [Еремеев и др. 1996, 38–39]. Такое же положение отмечается и для других областей и регионов. В Новгородской области к 1991 г. было около 80 культовых камней, тогда как на 1998 г. уже собраны сведения о более чем 120 валунах [Шорин 1991, 77; 1998, 216]. Недавние сводки историко-культурных валунов по Ленинградской (ил. 7, 8) и Тверской областям (ил. 9) также могут быть дополнены [Курбатов 1995а; 1996а; 2000, 164–190]. В Белоруссии на 1985 г. были известны 156 «культовых камней» среди которых 50 «следовиков», а на 1997 г. отмечено уже около 300 таких валунов, в т. ч. 64 «следовика» [Дучиц 1985, 63; Курбатов 2000, 133, табл. 1]. Процесс накопления сведений о «следовиках» в Латвии в 1950–1980-е гг. описал Ю. В. Уртанс [Уртанс 1988, 92–94].

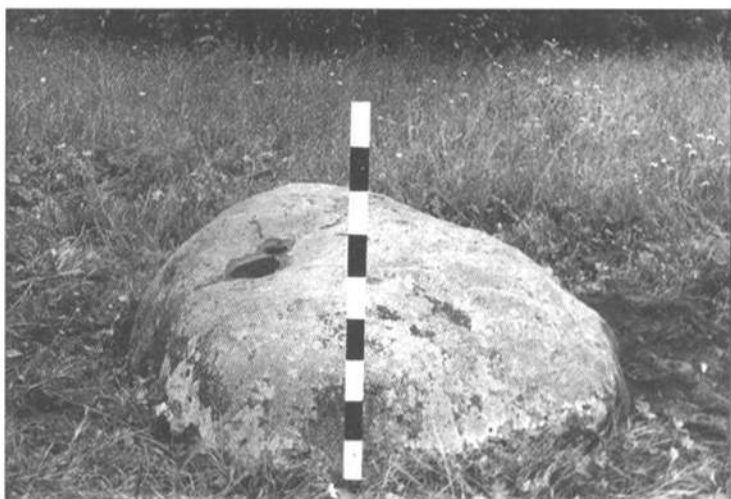
Наращивание фонда почитаемых валунов, выявленных на местности или собранных по письменным источникам, идет в восточных и северных областях их массового распространения — в Ярославской, Владимирской, Калужской, Ивановской, Смоленской областях, в Каргопольском крае [Дучиц и др. 1997, 101–106; Дубов 1990, 87–92; Бакаев, 1996, 59; Прошкин, Фролов 1990, 95–99; Хухарев 1997, 57–65; Шевырев 1992]. Хотя общая тенденция к уменьшению числа почитаемых камней всех видов просматривается в направлении от берегов Балтики в восточном направлении [Курбатов 1990, 65–67].

*Ил. 7. Камень-следовик у д. Соколок, Лужский р-н
Ленинградской области
(разведки В. И. Тимофеева, 1984)*

*Ил. 8. Камень с неопределенными знаками у д. Воложба
Тихвинского р-на Ленинградской области
(разведки А. А. Ильина, 1991)*

*Ил. 9. Валун с углублением в виде следа стопы на Домашевой горе
близ д. Медведево Бологовского р-на Тверской области
(фото И. Д. Маланина)*

Историографический аспект

Научная проблематика почитаемых камней в Европе и в других частях света складывается уже в XIX в. В обозрении своей поездки по северным губерниям России в 1821–1822 гг. Зориан Доленго-Ходаковский, среди прочего, отмечал и знаменательные камни. Декабрист Павел Якушкин, сосланный в Новгородскую губернию, в путевых заметках отметил легенды и предания о «целебных» валунах и других природных и археологических объектах. Федор Глинка, проживая в селе Кузнецово Бежецкого уезда Тверской губернии, собирал в своем имении валуны с разными изображениями, позднее поступившие в Тверской музей [Якушкин 1860; Жизневский 1888, 25–29]. В это время научный интерес к почитаемым камням проявлялся в Латвии, Литве, Белоруссии и в Западной Европе [Дучиц 1985; Уртанс 1988; см. библиографию: Макаров, Чернецов 1988; Формозов 1965]. Первая сводка камней-следовиков Максимилиана Баруха охватила страны Европы, Азии и Африки [Baruch 1907]. Спустя полвека

появилось первое региональное описание камней-следовиков Литвы [Tarasenska 1958].

Привлекающие внимание специалистов и краеведов, культовые камни «обросли» внушительной библиографией. Интерпретация камней и знаков отражает стадиальность их изучения. В отечественной историографии XIX в. преобладало мнение о принадлежности камней с изображениями и знаками древним славянам языческой поры. В первую очередь, это относится к валунам «со следками», чашевидными углублениями и крестами. Это мнение основывалось на сохранении легенд и преданий, доживших до XIX в. Можно упомянуть сведения о Стопе Богородицы в Почаевской лавре, Конь-камне в Ефремовском уезде, камнях Баш и Башиха в Одоевском уезде. Н. М. Карамзин называл такие валуны памятниками «каменосечного искусства древних славян», прежде всего указывая на камень Степан [Жизневский 1888].

Мнения исследователей XIX–XX вв. имеют ряд общих черт, несмотря на различия в интерпретации отдельных видов валунов. Частично они зависят от уровня обобщения источников и широты привлекаемых аналогий. Общим в рассуждениях можно назвать типологическую нерасчлененность изображений и знаков в разных контекстах. Так, появление «следов» человека на скалах и валунах, разбросанных по всем континентам, сводятся к одним и тем же причинам и считаются взаимосвязанными. Можно говорить о методической неразработанности проблематики [Формозов 1965, 136–137], на что указывали многие современные исследователи [Уртанс 1989; Шорин 1991; Макаров, Чернецов 1988; Шевырев 1992; Панченко 1990].

Наиболее уязвима для критики сама база источников. Основное здесь — это понимание неправомерности суждений о почитании конкретных валунов в дохристианское время на основе данных значительно более позднего времени (XVI–XX вв.). «Глубина народной памяти» требует своего обоснования и подтверждения, что для большинства камней проблематично. Объективные данные могут быть получены только на основе комплексного метода, т. е. сбора и оценки археологической, фольклорно-этнографической и исторической информации по каждому памятнику, что и было предложено на конкретных примерах [Макаров, Чернецов 1988; Панченко и др. 1997, 365–374].

Основная проблематика на современном этапе

Критическая часть современных работ по данной проблематике показывает нерешенные вопросы, из которых становится ясно, что главное сейчас — это возможность введения в научный оборот всего массива собранных материалов о почитаемых валунах Восточной Европы. Строго научный подход к сбору разносторонней информации на основе методических разработок каждой исторической дисциплины (истории, археологии, этнографии, фольклористики), для подавляющего большинства объектов или невозможен, или объективно затруднен. Многие валуны, описанные в XIX — начале XX в., сейчас на местности не найдены и, могут уже не существовать. Объяснения этому многократно приводились: использование в фундаментах построек, разбивание их для разных целей, перемещение с целью освобождения площади под посевы, заболачивание и залесенность местности и другое. Потеря объектов на местности, а также их перемещение исключает возможность археологического изучения, привязку к ландшафту и группам археологических памятников.

Такое положение отмечено во всех регионах. В сводке «следовиков» Беларуси размеры камня указаны в 16 случаях из 64-х, а размеры знаков — в 8 случаях [Дучиц и др. 1997. Табл. 1], что показывает отсутствие современного обследования. В Латвии на сегодня археологи обследовали, описали и обмерили 36 «следовиков» из 98 известных. Из этого общего числа до наших дней сохранилось 27 камней; 11 уже ранее уничтожены, о степени сохранности остальных 60 «следовиков» нет достоверных сведений. Археологами на местах эти камни не проверены или не найдены [Уртанс 1988, 97]. Факты уничтожения камней известны и в Новгородской области [Шорин 1998, 216].

Трудно проверить и фольклорно-этнографические сведения. Для многих камней они не сохранились, или собраны неполно. Здесь огромное значение имеют преемственность населения конкретного места (региона) и сохранение им традиционного уклада, а также местных легенд и преданий, ибо бурные события XX в. пагубно отразились на сохранении традиционной культуры во многих областях и регионах Восточной Европы. Например, в Ленинградской области большинство населения, и сельского

и городского, неоднократно сменялось. Первая мировая война, революция 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 г. вызвали отток жителей, а коллективизация и «борьба с кулаками» вылилась в массовые репрессии и переселения в отношении многих крепких крестьянских хозяйств. После Второй мировой войны значительно сократилась численность населения области, в первую очередь сельского. Послевоенную разруху дополняли укрупнения колхозов и совхозов, когда многие деревни были заброшены. А мелиорация 1960–1980-х гг. уничтожала участки ранних поселений вместе с археологическими памятниками. В результате, большинство сведений XIX — начала XX в. по почитаемым объектам в настоящее время не подтверждаются. А сохранившиеся валуны, как правило, не имеют легенд и преданий. Эта тенденция продолжается и в начале XXI в.

Таким образом, при критическом подходе к изучению таких памятников значительная часть валунов должна быть изъята из научного оборота в силу непроверяемости и гипотетичности их существования, неосуществимости комплексного изучения объекта. Однако возможен и другой подход. Следует рассматривать такие объекты не как археологический, а как фольклорный источник, не выводя их за рамки статистического охвата материала. В целом, проблема источника для изучения почитаемых природных объектов остается основной, хотя возникают и другие вопросы. Например, остается не понятным, в какой степени, подвергнутые комплексному изучению единичные объекты можно рассматривать как отражение общих тенденций или закономерностей развития религиозно-мифологических представлений древнего населения? Или, правомерно ли использование фольклорных материалов о непроверяемых на местности памятниках, известных по литературе?

В последние годы XX в. усилился скепсис в отношении времени появления почитаемых валунов в Восточной Европе. Для этого имеются серьезные основания. Н. А. Макаров и А. В. Чернецов выступая с критикой работы А. А. Александрова, настаивали «на строгом подходе к материалу», хотя не сомневались, «что почитание ряда камней, несомненно, связано с дославянской эпохой» [Макаров, Чернецов 1988, 84]. Более резко выразил свое мнение А. А. Панченко: «Дальнейшее изучение “дохристианского

этапа" почитания камней и, тем более, родников и деревьев на территории Северо-Запада России не представляется возможным», поскольку «археологические сведения о культовых камнях крайне скудны» [Панченко 1990, 94–95]. Он скептически относился к привязке почитаемых валунов к археологическим памятникам I тыс. н. э. или более ранним и высказал сомнения в отношении связи валунов с дохристианскими воззрениями, на основании имеющихся преданий и легенд [Панченко 1994, 109]. По его мнению, прежде всего «почитаемые камни и источники были своеобразными “деревенскими святынями” в период позднего Средневековья и Нового времени... Будучи топографическими объектами, и камни, и источники составляли часть “культурного ландшафта” русской деревни» [Панченко и др. 1997, 118; см. также: Панченко 1998].

Такой взгляд не нарушают и известные по средневековым письменным источникам почитаемые валуны, например, камень в Переяславле, из которого преподобный Иринарх изгнал беса [Житие преподобного Иринарха 1909. Стлб. 1373–1374], или летописное сообщение архиепископа Макария 1534 г., что «в Чюди и в Ижере и в Кореле и во многих Руских местех в прежереченых оных скверные молбища идолские удержашася и до царства... великого князя Ивана Васильевича... Суть же скверные молбища их лес и камене и реки и блата и горы и холмы» [ПСРЛ. Т. 5, 1851. Приложение В. С. 73–74].

В средневековых русских письменных источниках упоминаются и другие камни со знаками, встреченные в разных регионах Евразии. В Никоновской летописи под 1389 г. пространно описывается «хождение» московского митрополита Пимена в Царьград и все им виденное, в том числе: «Въ той церкви на камени выпечаталася стопа господня, яко жива видети есть, какъ на воску выпечатана сего часу» [ПСРЛ. Т. XI 1897, 105]. В «Хождении Трифона Коробейникова» 1593–1594 гг., вероятно о том же камне, записано: «Въехалъ господъ нашъ на тотъ камень... и ста камень подъ жребцомъ, аки воскъ мякокъ, и вообразишася стопы жребцовы въ тотъ камень до полупалца глубоки, знати стопы и до сего дни» [СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 16, 249]. Подобное имеется и в «Хождении священноинока Варсонофия к святому граду Иерусалиму» в 1456 и 1461–1462 гг.: «Ту ес(ть) место идеж(е) лежали .г. крсты,

и над стымъ (в рукоп.: на стомъ) местом закрыто и замуровано великим камением и выпечатаны .г. крсты, от них же благоухание велико ес(ть)» [СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3, 233].

В одной из челобитных Никиты Добрынина (Пустосвята) 1665 г. также упоминается камень: «Обретоша крыжъ на камени вытесанъ, и тотъ крыжъ тотчасъ митрополить стесати повеле» [СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3, 265].

Формирование негативных взглядов на древность почитания камней можно рассматривать как попытку объективации научных представлений при наличном фонде источников и выражение взглядов, положительных и перспективных для дальнейших работ. Учитывая позитивистское направление в оценке источников, можно предложить следующее:

1) решение вопросов о времени бытования и использовании «почитаемых камней», о времени появления знаков и изображений на них, и об отражении функции валунов в фольклорно-мифологическом контексте возможно только при охвате всего наличного материала на широкой территории; одним из этапов решения общих задач будет сравнительная статистическая оценка материала отдельных регионов и областей (как географических, так и административных), что позволит локализовать материальные или фольклорные признаки данных объектов;

2) необходимо использовать дифференцированный подход к сбору и обработке информации о камнях на основе методик ряда исторических дисциплин (письменной истории, археологии, этнографии, фольклористики); археологам следует уделять больше внимания точному описанию самого камня, его местоположения, составу и характеру знаков, топографической ситуации и связи с другими близлежащими памятниками;

3) имеется необходимость в создании единой типологии знаков. На сегодня исследователи предложили для каждого региона (области) свои типологии, расходящиеся в ряде позиций. Например, М. В. Шорин и А. А. Александров не разделяют валуны с выемками различных форм и размеров [Александров 1983, 15; Шорин 1991, 78]. Исследователи в странах Балтии, напротив, разделяют искусственные углубления по форме и размерам, находя культурно-хронологические отличия. Так, выделены небольшие «чашевидные углубления», относимые к I тыс. до н. э., в большом

количестве открытые в Эстонии [Матулис 1985, 65], а также цилиндрические, конические, прямоугольные, трапециевидные и тазообразные углубления — «канавки», относящиеся к более позднему времени, а также и разные формы камней в Латвии [Caune 1974, 89 и сл.; Уртанс 1992, 38];

4) необходим целенаправленный сбор фольклорного материала. Его сопоставление с письменными и археологическими источниками показало, что легенды и предания о природных объектах отражают только позднесредневековую культурную традицию. Находимые здесь «языческие переживания» во многих случаях не имеют фиксированной связи с более ранними дохристианскими культами. Это подтверждают и материалы археологических раскопок возле камней [Уртанс 1988, 104–105; Шбрин 1998, 218–219], и выводы о начале почитания валунов в Каргополье [Макаров, Чернецов 1988, 88]. Выводы исследователей наводят на предположение о том, что народная память, заключенная в данных этнографии и фольклора, не «заглядывает» вглубь истории ранее XV–XVI вв. и не является основанием для более древних палеокультурных реконструкций. Можно предполагать полное забвение раннеславянского пласта представлений о валунах к этому времени.

Археологические данные и возможности датировки

Лакунарность наличной базы источников нельзя считать основанием для сомнений в почитаемости валунов в дохристианский период славянской истории. Материалы I тыс. н. э., и даже более ранние, возле валунов имеются. Учитывая высокий процент перемещенных валунов, прирост позитивных археологических данных не будет быстрым, а отсутствие при раскопках вообще каких-либо материалов не должно удивлять.

Первый положительный опыт дали исследования Г. С. Лебедева возле валуна у д. Большое Конезерье в Лужском р-не Ленинградской обл. Здесь на камне Параскевы Пятницы, видимо, в XVI в. была поставлена часовня. Найденные у валуна керамика и другие предметы конца I тыс. н. э., Средневековья и Нового

времени могут отражать длительность почитания камня. Судя по монетному комплексу, оно сохранялось до последнего времени [Лебедев 1980; 1987, 69].

В последнее время появились и другие находки. Камень у д. Будник на р. Черёхе в 8 км от Пскова в преданиях связан с местом рождения князя Владимира Святославича. Камень почитался до недавнего времени. Местные жители усматривали на нем очертания креста и стопы человека. На полосе берега возле валуна найдены мелкие фрагменты лепной и раннегончарной керамики X в. [Александров 1996, 102–103]. В южной части Велижского р-на Смоленской области, у д. Староселье обследовано селище второй половины I тыс. н. э. рядом с которым найдены несколько валунов с изображениями подковы и камней-чашечников [Мазуркевич и др. 1996, 3–5]. В 18 км от г. Козельска Калужской области, в урочище Чертово городище, на мысовой части городища разведками собрана керамика первой половины I тыс. н. э. Здесь же лежал валун, на котором сохранилось 6 чашевидных выемок диаметром 2–7 см при глубине 4–20,5 см [Прошкин, Фролов 1990, 59]. Кроме того, раскопки у 4-х камней в Новгородской области дали только позднесредневековый материал [Шорин 1998, 218]. В свете таких находок в последние десятилетия представляет интерес возможность ландшафтного соотнесения валунов и других археологических памятников, особенно в периферийных зонах массового распространения природных объектов почитания, например, в Каргополье.

Говоря о датировке культовых валунов, не следует рассматривать обобщенно всю их совокупность. Наиболее ранними, по мнению исследователей, являются камни с чашевидными выемками, появление которых в Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии относят к I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Чашевидные выемки на валунах, по сведениям финских и эстонских специалистов, использовались для поминальной жертвы умершим, а сами камни располагались вблизи или на территории древних могильников [Уртанс 1987, 72; 1988, 103]. Один из таких валунов, бывший своего рода языческим жертвенником, обследовался возле городища Имбаре в Кредингском районе Литвы. На его верхней стороне зафиксировано 75 чашевидных выемок диаметром 3–6 см и глубиной 0,5–2 см. Под валуном открыта площадка диаметром 6 м, вымощенная

мелкими колотыми камнями, со следами костра. Это жертвенное место функционировало в период заселения городища в первой половине I тыс. до н. э. [Даугудис 1988, 13].

К древним языческим жертвенникам в Литве и Латвии также относят камни правильной округлой формы, расширяющиеся книзу, с крупными цилиндрическими углублениями (диаметр 15–16 см, глубина до 10 см) и камни с коническими углублениями. Обряды с использованием огня происходили на них, судя по керамическим материалам, в начале II тыс. н. э. Возле камней с плоскодонными выемками языческие обряды совершались и в XVI–XVIII. [Матулис 1985; Уртанс 1992, 38–39; Урбанавичюс 1985, 164–165]. Камни с корытообразными выемками в Латвии тоже использовались для языческих действий и жертвоприношений [Сауне 1974, 98]. Следы обрядовых кострищ есть и возле некоторых «следовиков» — со звериными лапами и другими «следами». Часть из них датируется началом II тыс. н. э., а другие — и более ранним временем [Даугудис 1988, 14].

Необычность сюжета или техники нанесения изображения на валуне также может быть основанием для датировки. Так, в зоне современной городской застройки г. Твери местным жителям давно известен камень с несколькими знаками, выполненными на ровной верхней стороне в технике точечной выбивки. Наиболее отчетливо видны «след», «овал», «крест» и две группы из трех параллельных линий (ил. 10). Сравнительный анализ изображений позволяет сопоставлять эти знаки с комплексами петроглифов Скандинавии, а также с изображениями на камне Щеглец на р. Вишере [Формозов 1965, 132; Курбатов 1996б, 348–349].

Долгое время Щеглец был едва ли не единственным в лесной полосе Восточной Европы описанным петроглифическим комплексом, кроме наскальных групп Урала и Беломорья. Выбитые в точечной технике контурные знаки «стоп и ладоней», солярные и грибовидные знаки А. А. Формозов сравнивал с аналогичными рисунками из Каменной Могилы под Мелитополем и с петроглифами Скандинавии, где последние трактуются как изображения колесниц. Хотя близкие по стилю и технике нанесения знаки в последние годы опубликованы по Беларуси. У д. Стайки Логойского р-на на одном из валунов контурной линией выбиты знаки «падобны на лук са стралой ці на чалавека».

Ил. 10. Камень с петроглифами из Твери
(фото А. В. Курбатова)

Здесь же есть изображения креста, «конверты» и «сонейки» [Ляукоу 1992, 163–167]. В Беларуси ранее были известны и другие камни с высеченными неопределенными рисунками. У местечка Петровичи в бывшем Климовицком повете лежал валун «з фігурамі і літарамі», а около Логойска П. Шпилевскому местные жители рассказывали о большом валуне, покрытом высеченными фигурками. А камни «с вырезанными фигурками» в Гродненской губернии ранее были уничтожены крестьянами при расчистке леса [Мялешка 1928, 172, 175].

Практика комплексного источниковедения

Одной из проблем изучения остается отсутствие комплексного источниковедения применительно ко всей массе известных историко-культурных валунов. Ранний опыт комплексного охвата материала дают раскопки Г. С. Лебедева в Ленинградской области [Лебедев 1987, 69]. Другой пример комплексного подхода дан при изучении села Суйсарь в южной Карелии. В описании этнографических черт обрядности, относящихся к XIX–XX вв.

приводится факт гуляний молодежи на Иванов день возле огромного камня Табот. Здесь разводили костры, варили общую кашу, ели пироги, прыгали через костер, гадали на суженых. Но археологические работы у камня, видимо, не проводились [Логинов 1997, 126]. Междисциплинарные исследования выполнены у д. Кашельково в Новгородской области. Найденный на могильнике каменный крест, авторы работ связывают с раскопанным по соседству селищем XV–XVI вв. и аргументируют, таким образом, начало традиции сакрализации креста [Панченко, Селин, Яшкина 1997, 365].

Здесь уместно отметить работу Т. А. Бернштам о взаимодействии народной культуры и христианского вероучения, рассматривающую стадиальность проникновения основ христианского мировоззрения в жизнь и быт русского народа, его отражение в материальной и духовной культуре. В работе показаны ограниченные возможности христианских церковнослужителей влиять на все стороны жизни и быта сельского населения Руси в период феодальной раздробленности. «Многие церковные обычаи на местах рождались из народно-бытовых форм и органично вливались в обрядовую жизнь населения. Лишь в центрах церковь пыталась определить каноническое отправление обрядов “по христианскому закону”, что не могло находить в то время широкого отклика и оставалось в рамках митрополии или богословия». Впервые, по мнению исследователя, самобытность народной религии полностью проявилась в ходе централизации государства и церкви в XV–XVI вв. В этот период закрепляется разрыв между «культурами» низов и верхов, между ними начинается диалог — конфликт. Централизованная церковь активизирует борьбу по искоренению «неправедной» веры сельского населения: увеличивается поток поучений, постановлений духовных соборов, которые никогда полностью до низов не доходили. Реальная христианизация была обязанностью сельской (приходской церкви), занимавшей крайне низкое положение в церковном строительстве, в уровне грамотности служителей и в их авторитете у прихожан на подавляющей территории России вплоть до рубежа XIX–XX вв. «Будучи частью... коллектива — общины или прихода, сельский клир вольно (или невольно) продолжал участвовать в творчестве народной религии» [Бернштам 1989, 93–95].

Происхождение традиции почитания валунов Восточной Европы

Для ответа на вопрос представляется необходимым ограничить район поисков только Европой. Исследования последнего времени, обобщения отдельных групп памятников в разных частях Европы в значительной степени усиливают и конкретизируют мотивы для такого ограничения.

Среди ранних памятников привлекают внимание энеолитические антропоморфные каменные стелы Причерноморья со «стопами», а также петроглифы с такими же знаками из Каменной Могилы под Мелитополем. Стелы со «следами» отмечены в Причерноморье, на территории Украины, России, Молдавии, Румынии. Исследователи неоднократно обращались к их рассмотрению. Исключая перечисление широкого круга сходных изображений по всему миру, авторы специальных работ указывают на их непосредственную связь с конкретными археологическими комплексами в Западной и Восточной Европе. «Стопы» из Каменной Могилы прямо связаны со стелами ямной культуры с изображением ступней набором стилистических черт изображений и привязкой к определенному кругу древностей [Титова 1982, 12]. Дальнейшее сравнение изображений на стелах и в Каменной Могиле идет по линии поиска аналогий только для одного элемента — следа ноги, что ограничивает любые наметившиеся сближения с подобными группами памятников в других регионах Европы. Поэтому, например, Н. А. Рычков не считает возможным связывать происхождение энеолитических стел Причерноморья с близкими им по времени стелами Западной Европы, считая, что последние несут рисунки ноги, а не «стопы» [Рычков 1982, 69].

Такие исследователи как А. А. Формозов обоснованно видят в причерноморских стелах «бесспорное свидетельство тесных связей искусства юга европейской части СССР и Средиземноморья в эпоху энеолита». «Очень многое здесь перекликается с мегалитическими изваяниями Франции, Италии, Болгарии. Это трактовка носа и глаз в виде двух перпендикулярных друг другу черт, пояса и ожерелья, Т-образные скипетры и пастушьи палки, маленькие фигурки людей — близнецов. Совпадений столько, что случайными они быть не могут». В доказательство этих

связей приводятся «камни с изображением... пастушьих палок» на Херсонщине, аналогичные рисунки на скалах «на Западе». Кроме того, «совершенно одинаково показаны запряжки быков на гравировках Каменной Могилы в Приазовье и в горах Лигурии». Отмечена и приуроченность энеолитических изваяний, подобно дольменам, к побережью Черного моря и другому водному пути — к Днепру [Формозов 1980, 105–106].

Помимо антропоморфных стел А. А. Формозов привлекает для сравнения каменную плиту из Бахчи-эли под Симферополем. На ее верхней торцовой стороне видны два ряда круглых углублений. Он упоминает и сведения о валуне с чашевидными выемками в бывшей Херсонской губернии Российской империи. Такие углубления находят широкий круг аналогий в разных странах Западной Европы. Имеются они также на кавказских дольменах и на христианских храмах Армении [Формозов 1980, 108, 114].

Находки каменных антропоморфных стел во Франции, Италии, на Мальте и в других регионах Западной Европы сопоставляются с наскальными изображениями и рисунками на мегалитических погребальных сооружениях. Сложилось мнение о единстве происхождения этих памятников в IV–II тыс. до н. э. в Средиземноморском бассейне [Berg 1996, 363]. Большое число чашевидных выемок на скалах и валунах встречено в Италии в Западных Альпах — более 3200 [Baldi 1992, 115].

Таким образом, обозначается связь дольменных погребальных сооружений, антропоморфных каменных изваяний и серии знаков (изображений) на близких по времени и происхождению комплексах в разных регионах Европы. Эта связь подчеркивается и географическими признаками — приуроченностью к трансевропейским морским путям.

Можно уверенно говорить, что традиции наскальных изображений и соответствующих им знаков на отдельных валунах прослеживаются в разных регионах Западной Европы в течение длительного времени, вплоть до I–II тыс. н. э. Показателен один из наиболее известных и хорошо изученных комплексов петроглифических Западной Европы — в долине Камоника в итальянских Альпах, где наскальное искусство не прерывается на протяжении последних 10 тысяч лет. Здесь среди прочих также есть изображения колесниц, стоп человека и чашевидные выемки,

соответствующие комплексам мегалитических культур и более позднего времени [Anati 1994].

Рассматривая дольменные постройки в Европе и на других континентах, В. И. Марковин пришел к выводу о наибольшем сходстве западно-кавказских дольменов с сооружениями в странах Средиземноморского побережья, включая памятники, расположенные на территории Западного Причерноморья, а на востоке — с аналогичными постройками Деканского полуострова в Индии. С этим согласны многие отечественные и зарубежные ученые [Марковин 1978, 291 и сл.]. В III тыс. до н. э. строители дольменных построек из Средиземноморья начинают миграции в западном и восточном направлениях. Хронологический отрезок 2600–2100 гг. до н. э. специалисты называют «первым периодом морской торговли». Тогда же появляются и древнейшие изображения многовесельных и даже парусных кораблей на сосудах, каменных печатях, в виде глиняных моделей. При движении традиции (вместе с ее носителями) в новых условиях изменялись формы дольменов. Но сохранялись многие семантически значимые черты — конструктивные элементы и оформление (знаки, изображения). «Символизация, связанная со средиземноморскими мегалитическими постройками (включая гроты) в виде солярных знаков (солнечных изображений), зигзагов, углублений, напоминающих звездное небо, изображений частей человеческого тела (грудь, личина), сама идея воспроизводящей силы, заключенной в дольменах (гротах), находит аналогии в западнокавказских памятниках» [Марковин 1978, 314–315]. Культурное наследие строителей дольменов Кавказа прослеживается и в причерноморских степях, и в Крыму.

Дольменообразные сооружения распространены по всему западному побережью Европы — от Испании до Северной Германии, Дании, южных районов Швеции и Норвегии. В Германии, например, известны не только длинные составные дольмены, врытые в землю, с круглым отверстием в передней плите, но и каменные антропоморфные стелы, близкие по стилю находкам из Франции и Италии [Günter 1996, 34–37].

Феномен мегалитической традиции в Европе до сих пор остается не до конца раскрытым, что приводит к появлению новых трактовок. Э. Л. Лаевская рассматривает саму идею традиции, и ее реального воплощения в разных частях Европы, в противопоставлении

«миру керамики» — традициям ранних цивилизаций Египта, Месопотамии, Восточного Средиземноморья. В основе различий лежат географические факторы, наследие культур поздних фаз верхнего палеолита, динамика социальных изменений. «Сакрально-художественную реальность, адекватную их мировоззренческой реальности, обитатели мира мегалитов творят не в хрупкой глине, а в традиционном для их культурного круга камне, и не в искусственно вылепленной модели, а в реальных пространственно-объемных категориях» [Лаевская 1997, 134]. Эта «западная» традиция, выраженная в каменных сооружениях, накладывает отпечаток на все последующее развитие культур круга мегалитов или подвергшихся их влиянию, придавая определенные мировоззренческие тенденции в культурах античной Греции и Рима.

Оценивая современные европейские исследования, А. Л. Монгайт писал, что вопрос о происхождении мегалитических построек сложен и до сих пор не решен. «Мегалиты не представляют единую культуру, их создали различные общины, и “мегалитическая” керамика в различных местах очень разная. Очевидно, причиной их сооружения является общая религиозная идея, зародившаяся в сходных социальных и географических условиях: попытка создать для умершего неразрушаемый, вечный дом». «Мысль о едином народе — строителе мегалитов окончательно опровергнута открытиями последних лет». Древнейшие мегалиты в Западной Европе появились в Испании и Португалии (вторая половина IV тыс. до н. э.), распространяясь с юга на север. Северные сооружения более бедные по архитектурным формам, разнообразию инвентаря и количеству металла [Монгайт 1973, 263, 264]. Движение носителей мегалитических традиций шло как сушей, так и морем вдоль побережья Атлантики и Северного моря [Формозов 1980, 94; Чайлд 1952, 412–413, 418].

На карте распространения мегалитических камерных погребений в Западной Европе С. Пиггота осталась не охваченной восточная часть побережья Балтийского моря, включая страны Балтии и Северо-Запад России [Монгайт 1973, 267]. Между тем элементы такой традиции здесь есть. В Литве это вертикально стоящие камни-столбы или менгиры (*stabakuliai*), которые в устных народных преданиях считаются окаменевшими людьми. Аналогичные объекты есть в Белоруссии, в земле ятвягов (Сцеп-камни). В Литве же

мы находим большое разнообразие различных видов почитаемых валунов: каменные алтари на языческих святилищах, камни-«кресло» или «Чертов трон», камни-«кровати», камни-«столы», камни — «следовики» и «чашечники», валуны с выемками разной формы и размеров [Vaitkevicius 1998, 722–726]. Не менее вариативны виды историко-культурных камней Латвии и Беларуси, где сохраняется огромное количество легенд и преданий о них. Но чем дальше мы будем продвигаться к востоку от побережья Балтики, тем меньше становится историко-культурных валунов и тем беднее фольклорный пласт [Курбатов 1990, 56–57]. В этом можно видеть длительность и полноту влияния носителей мегалитических традиций вблизи побережья Балтики в противовес более удаленным территориям.

В приведенных примерах видна определенная связь различных мегалитических сооружений в Европе с наскальными изображениями и знаками на камнях. Конечно, остается еще много неясного и непроверенного, однако «близкие аналогии знакам Щеглеца в Южной Швеции и на Каменной Могиле не случайны... Улавливаются эти связи и при анализе памятников искусства» [Формозов 1965, 134]. Известные сегодня петроглифы эпохи бронзы на валунах лесной зоны Восточной Европы, в некоторой степени, свидетельствуют о проникновении сюда отголосков традиций почитания мегалитических сооружений. При наличии огромного числа ледниковых валунов это почитание выливается в особые формы.

Появление петроглифов на валунах в Северной Европе значительно отстает по времени от проникновения сюда традиции сооружения дольменов. Если первые мегалиты в Северной Европе появляются в III периоде неолита (по О. Монтелиусу) — в 2500–2000 г. до н. э. [Монгайт 1973, 273], то ранние знаки на камнях и скалах Южной Швеции, по мнению М. Мальмера, относятся к рубежу II–III периодов эпохи бронзы [см. в кн.: Чайлд 1952, 62], что соответствует в абсолютной хронологии времени от 1200 до 1000 гг. до н. э. [Kühn 1966, 173] и продолжают создаваться даже в эпоху железа. К этому времени относятся погребальные сооружения из каменных плит или валунов. На плитах подчас высекались изображения, сходные с наскальными рисунками. Наиболее известен, в этом отношении, курган Кивик на восточном побережье Швеции [Монгайт 1974, 105, 108].

Таким образом, можно представить, что появление в Северной Европе и, в частности, на северо-западе России самой идеи отражения иррациональных представлений в каменных сооружениях или в отдельных валунах и скалах, которую мы видим в южной части Европы и в Причерноморье в эпоху раннего металла, относится к III–II тыс. до н. э. На северо-востоке Балтийского ареала мегалитические традиции приняли специфические формы. Здесь использовали, по большей части, не искусственно обработанные камни для погребальных сооружений, а природные валуны ледникового происхождения. Из них делали каменные вымостки, складывали т. н. «каменные кучи» и даже курганы.

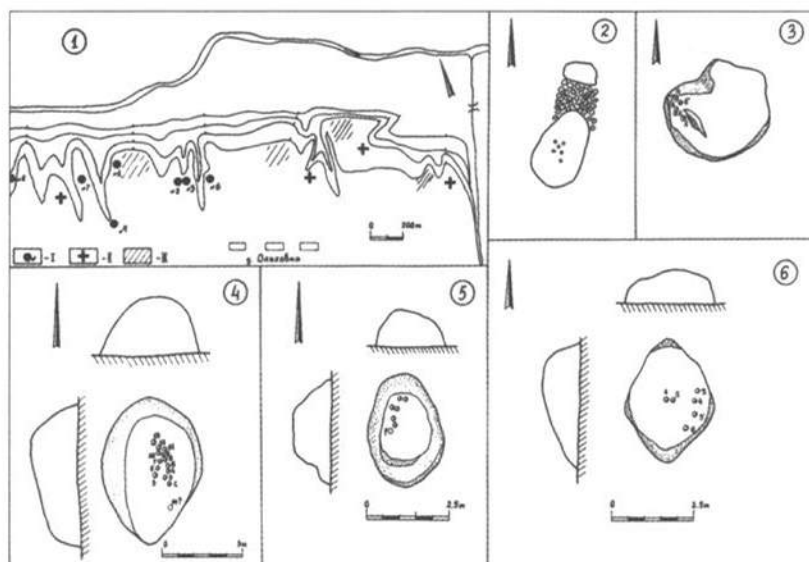
Во второй половине эпохи бронзы в Прибалтике были распространены курганные могильники с каменными венцами, другими конструкциями и каменными ящиками. В частности, известна группа т. н. ладьевидных могил с каменной надземной обкладкой ладьевидной формы. Эти памятники датируются концом II — первой половиной I тыс. до н. э. [Граудонис 1967, 34–39, 41–47, 68–73]. Показательно и жертвенное место, найденное при раскопках городища Курмаячай в Кретингском районе Литвы, в виде сложенного из валунов полукрута диаметром 18 м. В центре его выложена мелкими камнями четырехугольная площадка — жертвенное место конца I тыс. н. э. Здесь собраны фрагменты штрихованной лепной керамики, со слегка шероховатой поверхностью [Даугудис 1988, 14–15].

В определенной связи с традициями мегалитических сооружений стоят и своеобразные памятники севера Европейской России — каменные лабиринты и сейды. Раскопки связанных с ними поселений позволяют предполагать, что лабиринты сооружали в течение длительного периода — II–I тыс. до н. э. О назначении лабиринтов мнения разделяются: одни ученые полагают, что они как-то связаны с рыболовством, другие — не отрицают их культового использования [Мулло 1966, 185 и сл.]. Сейды традиционно трактуются как культовые камни саамов, у которых делались жертвоприношения для обеспечения удачи в охоте и других делах [см. Мизин 2006б].

К I тыс. до н. э. иррациональные представления о валунах у народов северной половины Европы получают окончательное оформление и в этом виде сохраняются до настоящего времени.

Выводы

Необходимость дальнейшего изучения, полного научного описания и публикации различных природных историко-культурных объектов, при всей неоднозначности их научной трактовки, не подлежит сомнению. Однако делать это становится все труднее, особенно на фоне расширения хозяйственного освоения территорий. Примером можно назвать современную жилую застройку вблизи средневековых памятников археологии у д. Ольховка Приозерского р-на Ленинградской обл. [Лапшин 1995, 169–171; Сакса 2010, 50 и сл.], где зафиксирован комплекс поселений, могильников и культовых камней (ил. 11).

Ил. 11. Средневековые памятники у д. Ольховка в Ленинградской обл.
 1 — Расположение археологических объектов; условные обозначения:
 I — культовые камни, II — могильники, III — поселения; 2 —
 Культовый камень № 1; 3 — Культовый камень № 4; 4 — Культовый
 камень № 5; 5 — Культовый камень № 2; 6 — Культовый камень № 6
 (рис. из кн. [Лапшин 1995, 182])

Хотя непосредственно существующие охранные зоны не нарушаются, у археологов вызывает тревогу застройка, начавшаяся вблизи культовых камней, поселений и могильников (ил. 12). Разумным решением возникающих проблем такого рода было бы полное современное археологическое изучение в площади памятников, а в отношении валунов — их перемещение на территорию музеев для создания ландшафтной экспозиции [Курбатов 1995б, 55–58]. Положительный опыт такого перемещения можно увидеть в Тверском и Осташковском музеях (ил. 13, 14).

Ил. 12. Расчистка края коренного берега от деревьев в 30 м от ближайшего охраняемого культового камня (фото А. В. Курбатова, 05.09.2016)

Ил. 13. Камень-следовик у д. Меглино. Сейчас в экспозиции Тверского музея (фото А. В. Курбатова)

Ил. 14. Камень-следовик из д. Конец. Сейчас в экспозиции Осташковского музея (фото А. В. Курбатова)

* * *

Автор выражает благодарность И. Д. Маланину, И. В. Ислановой и А. А. Ильину за предоставленные для публикации материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Александров А. А. Следы язычества на Псковщине // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции [Заседания 4–6]. Псков, 1982. С. 17–19.

Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // КСИА. Вып. 175. 1983. С. 12–18.

Александров А. А. Культовые камни Псковской земли: язычество и христианство // Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1991. С. 62–67.

Александров А. А. Разведка в окрестностях д. Будник под Псковом // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации. СПб., 1996. С. 102–103.

Бакаев А. М. Культовые камни Переяславского Залесья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. III. Иваново, 1996. С. 59.

Бернштам Т. А. Русская народная культура и народная религия // СЭ. № 1. 1989. С. 91–100.

Борисов П. А. О чем говорят камни Карелии. Петрозаводск, 1952.

Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига, 1967.

Даугудис В. О языческих святилищах в Литве // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 21–23] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1988. С. 13–15.

Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси: Учебное пособие. Л., 1990.

Душиц Л. В. Культовые валуны, каменные идолы и кресты на территории Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции [Заседания 13–15]. Псков, 1985. С. 63–65.

Душиц Л. В., Зайковский Э. М., Левков Э. А., Карабанов А. К., Винокуров В. Ф. Камни-следовики Беларуси // ГАЗ. № 9. Минск, 1997. С. 133–137.

Еремеев И. И., Короткевич Б. С., Фурасьев А. Г. Работы Северозападной экспедиции Эрмитажа в Смоленской и Псковской областях // АО 1995. М., 1996. С. 38–39.

Жизневский А. К. Описание Тверского музея. Археологический отдел. М., 1888.

Житие Преподобного Иринарха // РИБ. Т. XIII. СПб., 1909.

Исланова И. В. Разведочные работы в Удомельском и Вышневолоцком районах Тверской области // АО 1996. М., 1997. С. 122.

Комаров К. И. Древние боги Ярославской земли // Сообщения Ростовского музея. Вып. XIV. Ростов, 2003. С. 413–426.

Крийска А., Тваури А., Селарт А., Кибал Б., Андресен А., Паюр А. Атлас истории Эстонии. Таллинн, 2009.

Курбатов А. В. О выделении языческих культовых объектов (на примере камней-следовиков) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. Л., 1990. С. 65–68.

Курбатов А. В. Карта историко-культурных природных объектов на территории Ленинградской области // Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 109–111.

Курбатов А. В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // В. А. Лапшин. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. СПб., 1995. С. 179–193.

Курбатов А. В. Природные историко-культурные объекты как основа ландшафтной экспозиции // Музей в современной культуре. Тезисы докладов научной конференции. СПб., 1999. С. 55–58.

Курбатов А. В. Историко-культурные валуны Тверской области // ТТЗ. Вып. 1. Тверь, 1996. С. 91–104.

Курбатов А. В. Камень с петроглифами из г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 347–351.

Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях // Отечество. М., 2000. № 18. С. 164–190.

Курбатов А. В. Проблематика изучения природных историко-культурных объектов Восточной Европы на современном этапе // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 558–568.

Лаевская Э. Л. Мир керамики и мир мегалитов. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М., 1997.

Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 2. Восточные и северные районы. СПб., 1995.

Лебедев Г. С. Памятники Дремянцкого плато в Верхнем Полужье // АО 1979. М., 1980. С. 17–18.

Лебедев Г. С. Памятники урочища «Священка» на озере Врево в Верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической предстоящей конференции [Заседания 18–20] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1987. С. 67–69.

Логинов К. К. Этнографическое описание села Суйсарь / Отв. ред. Т. В. Краснопольская, В. П. Орфинский // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 91–156.

Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі мінушчыны. Мінск, 1992.

Мазуркевич А. Н., Короткевич Б. С., Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г., Еремеев И. И. Работы в Псковской и Смоленской областях в 1995 г. // Отчетная археологическая сессия Государственного Эрмитажа. Тезисы докладов. Май 1996 г. СПб., 1996. С. 3–5.

Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // СА. № 3. 1988. С. 79–90.

Маланин И. Д. Историко-культурные камни по данным личного архива. (Краеведческие архивы. Археология и этнография. Вып. 1). М., 1998.

Маланин И. Д. Камни с изображениями в Новгородской области. (Краеведческие архивы. Археология и этнография. Вып. 3). М., 1999.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

Матулис В. Литовские жертвенные камни // Археология и история Пскова и Псковской земли. Краткие тезисы докладов к предстоящей научно-практической конференции [Заседания 13–15]. Псков, 1985. С. 65–66.

Мизин В. Г. Культовые камни и сакральные места Ленинградской области. СПб., 2006.

Мизин В. Г. Сейд, каменная легенда Лапландии. СПб., 2006.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М., 1974.

Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья // Новые памятники истории древней Карелии. Археологический сборник. М.; Л., 1966. С. 185–193.

Мялешка М. Камень у вераньях і паданьнях беларуса // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Кн. 4. Працы катэдры этнографіі. Т. 1. Шытак 1. Мінск, 1928. С. 155–182.

Панченко А. А. Почитаемые камни, родники и деревья как историко-культурный источник // ННЗИА. Вып. 3. Новгород, 1990. С. 94–96.

Панченко А. А. О проблеме культурно-исторической атрибуции культовых камней Северо-Запада России // Тезисы докладов международной конференции, посвященной 100-летию В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 107–109.

Панченко А. А., Селин А. А., Яшкина В. Б. Почитаемое место у деревни Кашельково. Опыт междисциплинарного исследования местной святыни // ННЗИА. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 365–374.

Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

Плоткин К. М. Теплый камень — пограничный знак на западном псковском рубеже // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 21–23] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1988. С. 42–44.

ПСРЛ. Т. V. Псковские летописи. СПб. 1851.

ПСРЛ. Т. XI. Никоновская летопись. СПб., 1897.

Прошкин О. Л., Фролов А. С. Древний культовый камень в урочище «Чертово городище» // Тезисы докладов 5 краеведческой конференции Калужской области. Обнинск, 1990. С. 59.

Рычков М. О. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. № 38. Київ, 1982. С. 64–69.

Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. СПб., 2010.

Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. СПб., 2016.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990.

Титова Е. Н. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной Могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 5–15.

Урбанавичюс В. Реликты язычества в памятниках XIV–XVI вв. в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 161–167.

Уртанс Ю. В. Культовые камни с углублениями в Латвии // КСИА. Вып. 190. 1987. С. 69–73.

Уртанс Ю. В. Камни-«следовики» на территории Латвии // Известия АН Латвийской ССР. № 7 (492). Рига, 1988. С. 92–106.

Уртанс Ю. В. Об идентификации культовых камней Северо-Запада РСФСР и Прибалтики // Тезисы докладов научной конференции «Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология». Нарва, 1989. С. 47–49.

Уртанс Ю. В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции [Заседания 34–35] / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1992. С. 37–38.

Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // СЭ. 1965. № 5. С. 130–138.

Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е. М., 1980.

Хухарев В. В. К вопросу о историко-культурных валунах г. Кирова и района // Песочненский историко-археологический сборник. Вып. 3. Часть 1. Киров, 1997. С. 57–65.

Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

Шевелёв В. В. Культовые камни в Каргополье // РА. 1992. № 2. С. 59–67.

Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней (По материалам Новгородской области) // КСИА. Вып. 205. 1991. С. 77–83.

Шорин М. В. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // АВ. 1998. № 5. С. 216–227.

Якушкин П. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний Павла Якушкина. СПб., 1860.

Anati E. Valcamonica rock art. A new history for Europe // Studi Camuni. 1994. Vol. XIII. Baldi R. Incisioni rypetri a «roccias fenestre» Comune di Roccabryna Valle Maira (Cuneo) // Survey. Anni V–VI. 1991–1992. № 7–8. P. 115.

Baruch M. Boze stopki. Warszawa, 1907.

Berg P.-L. Megalithisme et organisation de l'espace art, architecture et traditions religieuses // Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. 1996. T. 93. №. 3. P. 363

Caune A. Dobumakmeni Latviya // AuE. XI. Riga, 1974.

Günther K. Galeriengraber, Stein- und Holzkammern // Archäologie in Deutschland. Stuttgart. H. 3. 1996.

Kuhn H. The Rock Pictures of Europe. London, 1966.

Lougas V. Vaikeste lohkudega kultusekivid // Eesti loodus. № 12. Tallinn, 1972.

Malmer M. A Chorological Study of North European Rock Art // Studies in Archaeology. Vol. 7. Stockholm, 1981.

Tarasenka P. Pedos akmenyie. Vilnius, 1958.

Urtans J. Pedakmeni, robezakmeni, muldakmeni. Riga, 1990.

Urtāns J. Ancient cult sites of Semigallia. (CCC papers: 11). Riga, 2008.

Vaitkevicius V. Senoios Lietuvos sventvietes. Zemaitija. Vilnius, 1998.

Список сокращений

АВ	— Археологические вести
АО	— Археологические открытия
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік
ИИМК	— Институт истории материальной культуры
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛЦП	— Латвийский центр петроглифов
НВФ	— Научно-вспомогательный фонд
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Российская археология
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет
РИБ	— Русская историческая библиотека
СА	— Советская археология
СЗ НИИ КПН	— Северо-Западный научно-исследовательский институт культурного и природного наследия
СлРЯ XI–XVII вв.	— Словарь русского языка XI–XVII вв.
СЭ	— Советская этнография
ТАС	— Тверской археологический сборник
ТТЗ	— Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья
ФПН	— Фонд природного наследия
ХЛФ	— Хранилище латышского фольклора Института литературы, фольклора и искусства Латвийского университета

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AD	— Archäologie in Deutschland
AuE	— Arheologija un etnogrāfija
CCC	— Culture Clash or Compromise
LNB	— Отдел рукописей Национальной библиотеки Литвы им. Мартинаса Мажвидаса
LTR	— Архив фольклора в Институте литературы и фольклора Литвы
LU LFMI	— LU Literatūras, folkloras un mākslas institūts
SEAC	— European Society for Astronomy in Culture
VAK	— Архив государственной археологической комиссии (хранится в Департаменте памятников культуры при Министерстве культуры)
VUB	— Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета

Об авторах

Бутов Илья Станиславович — член союза журналистов города Москвы, координатор проекта «Уфоком». Беларусь, Минск, e-mail: ufocom@tut.by

Вайткавичюс Викинтас — ст. науч. сотр. Института истории и археологии Балтийского региона Клайпедского университета, д-р гуманитарных наук. Литва, Клайпеда, e-mail: vykintas.vaitkevicius@gmail.com

Винокуров Валерий Федорович — геолог, ведущий специалист РУП «Научно-производственный центр по геологии» Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, научный редактор ГНПО «Научно-практический центр Национальной академии наук по биоресурсам», ответственный секретарь журнала «Природные ресурсы». Беларусь, Минск, e-mail: vinok@biobel.by

Дучиц Людмила Васильевна — археолог, канд. ист. наук. Беларусь, Минск, e-mail: ludmiladuchith@gmail.com

Зайковский Эдвард Михайлович — археолог, канд. ист. наук. Беларусь, Минск, e-mail: edvard_mensk@tut.by

Зайцев Александр Петрович — краевед, специалист по ямковым камням. Беларусь, Вилейка, e-mail: zaicev-stone@mail.ru

Карабанов Александр Кириллович — геолог, академик Национальной академии наук Беларуси (2004), д-р геол.-минерал. наук (2003), проф. (2011). Беларусь, Минск, e-mail: karabanov@ecology.basnet.by

Климкович Ирина Евгеньевна — журналист, автор публикаций и книг по мифологии и сакральной географии Беларуси. Беларусь, Минск, e-mail: klimkovicz@gmail.com

Курбатов Александр Валентинович — вед. науч. сотр. отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, д-р ист. наук. Россия, Санкт-Петербург, e-mail: alkurba@rambler.ru

Мизин Вячеслав Григорьевич — исследователь культовых камней. Россия, Санкт-Петербург, e-mail: perpettum@rambler.ru

Цепитис Янис — канд. физ.-мат. наук. Латвийский университет, факультет физики и математики. Латвия, Рига, e-mail: janis.cepitis@lu.lv

Шевелёв Василий Валентинович — археолог, сотрудник Каргопольского музея. Россия, Каргополь, e-mail: vassilish@mail.ru

Якубенока Лилия — магистр ист. наук, специалист Айзкрауклского музея. Латвия, Айзкраукле, e-mail: lilija.jakubenoka@inbox.lv

Содержание

<i>В. Г. Мизин.</i> Предисловие	5
<i>А. К. Карабанов, В. Ф. Винокуров, Л. В. Дучиц, Э. М. Зайковский, И. Е. Климкович</i> Сакральные и исторические валуны Беларуси (общий обзор)	9
<i>А. П. Зайцев</i> Камни с ямками в Беларуси	80
<i>И. С. Бутов</i> Лунковые камни Беларуси. Попытка астрономической интерпретации	92
<i>Л. Якубенока</i> Мифологические камни Латвии	127
<i>Я. Цепитис, Л. Якубенока</i> Камни с ямками в Латвии	163
<i>В. Вайткавичюс</i> Камни с ямками в Литве. Итоги исследований 1972–2016 гг.	194
<i>В. В. Шевелёв</i> Культовые и мифологические камни на Каргополье. Материалы для сводного каталога источников	214
<i>В. Г. Мизин</i> Чашечные камни на территории Ленинградской области	243
<i>А. В. Курбатов</i> Некоторые вопросы изучения историко-культурных природных объектов Восточной Европы	281
Список сокращений	314
Об авторах	316

Научное издание

КУЛЬТОВЫЕ КАМНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
БЕЛАРУСЬ, ЛАТВИЯ, ЛИТВА, РОССИЯ

Дизайн обложки *П. П. Лосев*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Директор издательства *Ю. С. Довженко*
Лицензия ЛП № 000333 от 15.12.1999
Издательский Центр «Гуманитарная Академия»,
197183, Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8.
Тел. (812) 430-99-21.
E-mail: gumak@mail.ru
www.humak.ru

Подписано в печать 02.05.2018. Формат 60 × 90^{1/16}.
Печ. л. 20. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 3353.

Отпечатано в соответствии
с предоставленным оригинал-макетом
в Санкт-Петербургском филиале
ФГУП «Издательство «Наука»,
199034, Санкт-Петербург, 9-линия В. О., 12.
Тел: 8(812) 323-65-69.

Издательский Центр «Гуманитарная Академия»

осуществляет все виды издательской деятельности.

Приглашаем к сотрудничеству авторов, переводчиков, художников-оформителей, верстальщиков, наборщиков. Обращаться по тел.: (812) 430-99-21. Пишите нам по эл. почте: gumak@mail.ru

Являясь не только издательством, но и крупной книготорговой организацией, «Гуманитарная Академия» предлагает магазинам и библиотекам все лучшее и наиболее качественное из мира научно-гуманитарной (история, философия, социология, психология, культурология, литературоведение и т. п.) и некоммерческой художественной литературы. В числе наших партнеров более 100 издательств России, книгами которых мы торгуем по издательским ценам. Если вы хотите работать с ассортиментом немассового спроса или приобретать книги, которые не представлены в сетевых магазинах, — обращайтесь к нам!

- *Торговля оптом и в розницу за наличный и безналичный расчет*
- *Комплектование библиотек*
- *Работа по заказам*
- *Индивидуальный подход в системе скидок*

По всем вопросам, связанным с приобретением этих и других книг Издательского Центра «Гуманитарная Академия», обращаться в наш офис-склад по адресу:

Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8
(ст. метро «Черная Речка»).

Тел./факс: (812) 430-99-21; 430-20-91

E-mail: gumak@mail.ru

Сайт: www.humak.ru

